

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
RÓŻE GALI 2014

КАТАЖИНА

БОНДА

Писательницу
называют
европейским
Стивеном Кингом
и польским ответом
Ю Несбё.

Девушка полночи

НА МЕСТЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОСТАЛСЯ
ТОЛЬКО ЗАПАХ...

В ЕВРОПЕ УЖЕ ПРОДАНО СВЫШЕ 500 000
ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГИ!

Иностранный детектив

Катажина Бонда
Девушка полночи

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)

Бонда К.

Девушка полночи / К. Бонда — «Центрполиграф»,
2014 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-06926-9

Специалист по психологическим портретам преступников Саша Залуская возвращается в Польшу после семи лет работы в Лондоне. Она не хочет снова служить в полиции, откуда ушла, пережив личную драму. Однако не может и отказаться от поручения спецслужб помочь владельцу музыкального клуба в Сопоте, который подозревает, что партнер по бизнесу и популярный певец намеревается его убить. Саша только начинает собирать факты, когда и в самом деле происходит убийство, но жертвой оказался подозреваемый в злом умысле музыкант. Саша вынуждена принять вызов и участвовать в расследовании. Вскоре становится ясно, что убийство в клубе связано с трагическими событиями двадцатилетней давности. И одним из ключей к разгадке может быть песня, написанная много лет назад.

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-227-06926-9

© Бонда К., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Пролог	6
Зима 1993 года	8
Весна 2013 года	42
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Катажина Бонда

Девушка полночи

Согласно Эмпедоклу, суть бытия составляют четыре корня всех вещей, называемые также стихиями или элементами: воздух, земля, огонь и вода. Эти элементы вечны, ибо сущее не появляется, не исчезает и всегда неизменно. Вместе с тем изменчивость присутствует, ибо смертное не возникает из ничего, а смерть не есть конец. Существуют только смешение и замещение частей.

Большинство событий не случается, однако это – случится...

Ф. Ларкин. Альба

Люди могут закрывать глаза на величие, опасность, красоту, могут затыкать уши, не желая слышать мелодию или дурацкие слова. Но они не могут сбежать от запаха. Запах – брат дыхания.

П. Зюскинд. Парфюмер

«Девушка полночи»

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

© «Центрполиграф», 2016

* * *

Пролог

Зима 2013 года, Хаддерсфилд

– Саша? – Голос был мужской. Властный, с хрипотцой. Она мысленно перебирала лица, которые ассоциировались бы с этими интонациями, но ничего не приходило в голову. Звонящий решил помочь, задав очередной вопрос: – Саша Залусская? Ты сама это придумала?

И тут перед ее глазами пронеслась череда событий с участием этого офицера.

– Сама.

– Жаль. А ведь такая порядочная девушка.

Слышно было, как он затянулся сигаретой.

– Я уже давно не работаю, – решительно заявила она. – Ни на тебя, ни на кого-либо другого.

– Но готовишься занять должность в польском банке, – усмехнулся он. – Возвращаешься весной. Я все знаю.

– Кое-что, но далеко не все.

Ей следовало прервать разговор, но он ее спровоцировал.

Пришлось, как всегда, принять игру.

– А тебе-то что? – первой капитулировала она. – Я честно зарабатываю на жизнь, и тебя это не касается.

– О-о-о-о! Смело! Ты хочешь сказать, что твоей зарплаты хватит на квартиру возле Гранд-отеля? Аренда, поди, не меньше двух косарей? Где ты возьмешь такие бабки?

– Не твое дело. – Она почувствовала, как зашевелились волосы у нее на затылке. Он знал о ее планах, хотя никому, кроме близких родственников, она ничего не говорила. Выходит, они взломали ее компьютер. – В общем, не напрягайся зря. Раз уж ты звонишь на этот номер, тебе известно, где я живу сейчас и где собираюсь жить. Я отдавала себе в этом отчет. И мой ответ: нет.

– А расходы на дочь? – Ему явно хотелось ее подразнить. – С ума сойти. Наша Дюймовочка стала мамашкой. Кто бы подумал? Папочка небось тот профессоришка? А насчет банка... Неизвестно еще, примут ли тебя. Это зависит от того, пойдешь ли ты на сотрудничество.

Саша едва сдержалась, чтобы не выругаться. С трудом совладав с собой, спросила:

– Что тебе надо?

– Есть тема.

– Я же ясно сказала: нет!

– Мы раскручиваемся. Ставки возросли. А работа чистая и не в бюро по обслуживанию населения... – Он посерьезнел: – Друг ищет кого-нибудь с опытом и хорошим знанием инглиша. Вот я и подумал о тебе.

– Друг? – Она набрала воздуха в легкие. Сосчитала про себя до десяти. С каким удовольствием она сейчас выпила бы водки. Тут же прогнала искушение. – Наш друг или твой?

– Пани будет довольна. Саша положила трубку на стол, подошла к двери в комнату дочери. Дверь была полуприкрыта. Каролина лежала под одеялом, забавно раскинув руки. Она мерно дышала слегка приоткрытым ртом. Сейчас даже громкая музыка не смогла бы разбудить ее. Саша закрыла дверь, взяла сигареты и распахнула окно. Она курила и в задумчивости вглядывалась в опустевшую улицу. Ни души. Только соседский кот прошмыгнул сквозь калитку в сад. Она опустила рольштору. Вернувшись, выдохнула остатки дыма в трубку. Ее собеседник прервал молчание, но наверняка злорадно усмехался.

– У тебя будет охрана. Не как тогда, – заверил он, и на сей раз, кажется, искренне.

Пауза длилась довольно долго. Когда Саша вновь начала говорить, голос ее звучал четко, без тени сомнения.

– Передай другу, что я благодарю за внимание, но его предложение мне неинтересно.

– Ты уверена? Знаешь, что это означает?

После продолжительного молчания она сказала решительно:

– И не звони мне больше.

Она уже собиралась положить трубку, когда мужчина спокойным голосом произнес:

– Ты знаешь, что я сейчас работаю в убойном? Такие вот дела.

– Вряд ли ты сам туда попросился. Тебя понизили? – Она не могла скрыть радости. –

И где же?

– Где-то, – ответил он неопределенно. – Ничего, еще два года – и снимаю китель.

– Ты уже говорил так. Когда-то. Уж и не помню когда.

– Ты, как всегда, права, Миленка.

– Никакой Милены никогда не было.

– Дюймовочка уже у Крота, но я все равно рад, что ты возвращаешься. Некоторые скучают. Я и сам всплакнул. И выиграл пари.

– В какую же сумму ты меня оценил? Бутылка виски или что-то подороже? – Она сглотнула. Надо поскорее что-нибудь съесть. Голод, злость, усталость. Этого ей следовало избегать.

– Поставил целый ящик. Беленькой.

– Ты никогда не ценил женщин в конторе, – ответила она, несмотря на то что ставка ей польстила. – Я ложусь спать. Этот телефон больше работать не будет.

– Отчизна сожалеет, царица.

– Тем хуже для отчизны, мне наплевать.

Зима 1993 года

Пар начал понемногу рассеиваться, и постепенно стали проступать линии бедер и ягодич гимнасток.

Иногда удавалось даже разглядеть едва начавшие наливаться груди. Но если прийти слишком поздно, то завеса из водяных капель не позволит ничего рассмотреть. Да и на карнизе долго не выстоишь. Ноги быстро немеют, а схватиться не за что. Поэтому они всегда ходили туда вдвоем.

Сегодня, в виде исключения, взяли с собой третьего. Игле не позволено было смотреть. Он стоял на шухере и был рад тому, что они разрешили ему таскаться за собой. Он был младше на целый год.

Самым интересным моментом зрелища был снайперский. По лицам выходящих девушек следовало угадать, каким именно телам они принадлежали. Кто первый будет снайпером, разыгрывали на спичках. Каждый выбирал себе фаворитку, и потом до конца ночи все помалкивали. Мартин обычно брал с собой гитару. Играл он плоховато, причем всего несколько песен: *Rape mi*, *In Bloom* или *Smells Like Teen Spirit* «Нирваны» или какую-нибудь из баллад *My Dying Bride*. Довольно быстро он откладывал гитару и напевал что-то свое, то ли стихотворение, то ли песню. Астерикс¹ или травка помогали в творчестве.

Сегодня время их прихода было идеальным. Гимнастки еще не появились в дверном проеме, но уже слышалось их хихиканье. У Мартина пересохло в горле, возбуждение перемежалось страхом, что какая-нибудь из девушек заметит его лицо в окне, затянутом лишь дырявой сеткой. Стекло они с Пшемекком разбили еще месяц назад. Пока никто этого не заметил. Даже дворничиха, которая на прошлой неделе прогнала их со школьного стадиона, хорошенько наkostenяв им метлой. У них чудом получилось перепрыгнуть через забор, хотя все могло закончиться куда хуже. На ковре у директора школы Конрадинум², в которой они оба учились, или в местном полицейском участке. Друзья гордились прорезами на разодранных о забор куртках, как ранами, полученными в бою.

Девушки наконец вошли, громко переговариваясь, помещение тут же наполнилось шумом и движением. Раскрасневшиеся лица блестели после напряженной тренировки. Девушки смеялись, перебивали друг друга, все еще радуясь удавшимся трюкам. Большинство раздевались уже на пороге, бросали тесные трико на лавки или прямо на мокрый пол перед душевыми кабинами. Лениво освобождали волосы от резинок. Парами или по трое входили в кабины и намыливали одна другую. Показывали наметившиеся груди или игриво щипались за попки.

Только одна из них, еще совсем ребенок, стояла в дверях, не раздеваясь. У нее были самые длинные ноги в группе. Руками она обвила живот, как будто готовясь к побегу. Волосы ее были собраны на затылке, и только несколько прядей выскользнули из-под резинки и приклеились к щеке. Ее Мартин, кажется, еще не видел.

У каждого из них имелись фаворитки. Мартину нравились не полностью сформировавшиеся девушки. «Недоразвитые» – подтрунивал над ним Пшемек, который предпочитал блондинок с развитой мускулатурой или даже с жирком на боках и обязательно носящих бюстгальтер. Мартин большезадых не любил. Он искал хрупких, с миндалевидными глазами. Мелкая именно

¹ Астерикс – пропитанные ЛСД небольшие, размером с почтовую марку, кусочки тонкой бумаги с изображением Астерикса на упаковке. (Здесь и далее, если не указано иного, примеч. пер.)

² Конрадинум – самая старая и престижная средняя школа в Гданьске. Сейчас действует под названием Мореходная общеобразовательная школа им. Карла Фридриха Конради.

такой и была. Огромные глаза, узкое лицо, высокие скулы, непропорционально пухлые губы. Сегодня она стала его трофеем.

– Слезаешь? – Пшемек хорошенько пнул дружка по ноге, отчего тот даже закачался на карнизе.

– Дебил, – бесшумно пошевелил губами Мартин.

– Что такое, Старонь? Моя очередь! – Пшемек перестал страховать его.

Мартин снова закачался, медленно приготовившись к прыжку. Еще раз взглянул на маленькую шатенку, жадно смакуя последние секунды. Она мылась с закрытыми глазами, явно отгораживаясь от остальных. На девочке не было трико, но и голой она тоже не была. На ней оставались белые трусики, которые совершенно промокли и приклеились к ягодицам. Идеально худая, с впалым животом и выпирающими ребрами. Казалось, что, потянувшись за мылом, она может переломиться пополам. Однако бедра ее были достаточно широки. Кости таза торчали над линией трусов, словно рога буйвола. Она нравилась ему. Несмотря на то что Пшемек уже не держал его, а, наоборот, дергал за ногу, стаскивая вниз, Мартин был не в состоянии сдвинуться с места.

И тут девочка повернулась в его сторону. Она заметила его. Рефлекторно прикрылась руками и отступила в глубь кабины. Но это не помогло. Все равно он видел ее и был уверен, что запомнит эту картину до конца жизни. Линия плеча. Сухощавые ступни с необыкновенно длинными пальцами. Тонкая пятка с грязным пластырем на косточке. Мгновение девушка со страхом смотрела на него, но вдруг танцевальным движением выскочила вперед. Полные губы приоткрылись, веки слегка опустились. Намыленной губкой она стала водить по телу.

Пшемек не позволил ему остаться на месте. Он так сильно подсек его под коленями, что Мартин приземлился, с большим трудом устояв на ногах. Он угодил прямо в черную жижу, извозил новые «вранглеры», которые прислал ему дядя Чеслав из Гамбурга. Но Мартин не думал сейчас о штанах, его куда больше заботило, чтобы дружок не заметил его возбуждения.

Пшемек взобрался на карниз, посмотрел и тут же спрыгнул.

– Шухер! – резко сорвался он с места, потом обернулся и, видя, что Мартин не двигается, прошипел: – Шевелись, старик!

– А Игла?

– Справится.

Пшемек бежал, наклонив голову. Только когда они были уже за забором, в самом конце улицы Личманского, в безопасности, хотя и запыхавшиеся, Мартин спросил:

– Что-то случилось?

Пшемек покачал головой.

– Тебя увидели?

– Не пойдем туда больше. – Пшемек трясущейся рукой вынул помятую пачку сигарет. – Почему ты мне не сказал?

Мартин скрыл нервозность за коротким смешком.

– Пошли за деревяшкой, слабаем чего-нибудь. – Он дружески ударил Пшемека по плечу. – Ты как хочешь, а я вернусь. Там мой идеал. Титечки как крыжовник, темные волосы. Я прям влюбился..

– Это моя сестра, идиот. – Пшемек схватил Мартина и почти оторвал от земли. Пшемек был выше и сильнее, но совсем не о нем мечтали самые красивые девчонки. Они вздыхали по Мартину, блондину с отсутствующим взглядом, везде таскающему с собой гитару. Ему даже не обязательно было играть на ней. – Ей только шестнадцать. Если я тебя там увижу, старичок, ты – не жилец. И вообще, не приближайся к ней, а то...

Он не закончил фразу. Мартин указал ему пальцем на стену спортзала. На карнизе, в их тайном месте, стоял Игла и не отрываясь подглядывал за гимнастками.

– Вот же... – взбесился Пшемек. – Пялится, вместо того чтоб стоять на шухере!

Парни переглянулись, опять перепрыгнули через забор и помчались напрямик к каморке дворничихи. Та немедленно схватила метлу, но, когда они кивками указали ей на Иглу, прилепившегося к окну спортзала, женщина охотно переключила внимание на него. Развалившись на старых досках, приятели ждали начала шоу. Игла не успел добежать до забора. Дворничиха оказалась проворнее. Догнав парня, она оттащила его к директору. Другим страшно было даже представить, что ждет их поделника.

– Эхх... – Мартин вынул бумажку, свернул самокрутку. Протянул Пшемек, но тот отказался. – Как хочешь. – Мартин глубоко затыкнулся.

– Все равно бы мы больше туда не пошли, – сказал Пшемек, заканчивая строгать деревянную копию пистолета «вальтер». Мартин считал, что деревяшка уже давно напоминала настоящий пистолет. Пшемек, однако, с маниакальным упорством дорабатывал мелочи. На пистолете даже появились серийный номер и модель.

– Как ее зовут? – Мартин с трудом изображал равнодушие.

Пшемек на секунду оторвался от работы. Он выглядел туповато.

– Кого?

– Ну, конечно, не твою мать.

Пшемек прицелился в него из деревяшки, прищутив глаз:

– Не трогай мою мать!

Мартин поднял руки, признавая поражение. Потом медленно опустил одну из них и указал на игрушку:

– В мастерской моего отца полно разных красок. Хочешь, покрашу его тебе. Можно будет пугать стражей порядка.

Пшемек с минуту поразмыслил. Потом встал и нехотя бросил:

– Моника. Я обещал отцу, что прослежу за ней. У всех при виде ее текут слюнки.

– Я помогу тебе. Не позволим обидеть такого ангела.

– Идиот. – Пшемек швырнул деревяшку, Мартин поймал ее на лету.

– Черный или металлик?

Они направились на пляж в Бжезне. Было ветрено.

Первый снег пошел, когда Мартин приближался к дому. Он снял перчатку, подставил ладонь. Снежинки моментально таяли, коснувшись руки. Было несколько градусов ниже нуля. Даже если снег не прекратится всю ночь, до Рождества он все равно растает.

Улица Збышка из Богданца спала. Только в нескольких окнах мерцал голубой свет от телевизионных экранов. На большинстве балконов и форточек красовались светящиеся гирлянды – последний хит с Запада. Некоторые нарядили елки во дворе. Наверное, подсмотрели это в сериале «Династия». Но праздничной атмосферы почему-то не ощущалось. Дороги покрывала мокрая жижа, небо распростерлось над головами, словно крылья огромной черной птицы. Звезд совсем не было видно. Хотя Мартину их хватило за несколько часов, проведенных на пляже.

Мартин обошел кучу угля, который сосед, как обычно, не успел перенести в подвал, и остановился перед входом в дом номер 17. Это был единственный дом на улице Збышка из Богданца, над которым не висели клубы черного дыма. Все соседи по-прежнему отапливали свои жилища кафельными печками. Семейство Старонь одними из первых выкупили государственный дом, после чего разрушили деревянную хибару до основания, а на ее месте построили кирпичный коттедж с верандой. Кафельные печки в их доме служили исключительно элементом декора. Мартин с братом называли их «сейфами» и прятали там ценные для них мелочи. Отец Мартина выложил двор тротуарной плиткой, подъезд к гаражу залил цементом и, чтобы не раздражать соседей своим благосостоянием, по периметру двора посадил готовую живую изгородь, привезенную, благодаря доброте дядюшки, из Германии.

Мартин раздвинул кусты и разглядел свет в мастерской отца. Сконцентрировался, моментально протрезвел. Отряхнул куртку, поправил гитару на плече. Наркотики уже почти перестали действовать. Никто ничего не заметит. Он был ужасно голоден. Нажав на дверную ручку настолько тихо, насколько мог, он шел на цыпочках, стараясь не шуметь. Мартин надеялся, что мать спит. Ее он боялся больше, чем отца. Проходя мимо, она всякий раз присматривалась к его зрачкам. Она явно все знала, хотя никогда не заговаривала на эту тему. Мартин снял пуховик, чтобы не шуршать, проходя мимо родительской спальни. Сразу же почувствовав влажный холод зимы, он неуверенно двинулся в сторону неоновой вывески «Славомир Старонь – автосервис».

– Тринадцать тысяч четыреста баксов, – услышал он из-за двери возгласы нескольких человек. – Нет, курва, около четырнадцати... Считать не умеешь? Янтарь, конечно, тема верная, но пора с ней завязывать. Вальдемар, ты, может, и крутой водила, но считать не умеешь.

Мартин вздохнул с облегчением. У отца были гости. Может быть, это желающие купить ту «ауди», что уже неделю стоит в мастерской. Или черную БМВ-«шестерку», что жрет топливо без всякой меры. Мартин разок на ней прокатился. Двести восемьдесят четыре лошадиные силы, разгоняется до ста километров в час за семь секунд – сказка! Отец не пригонял машин сам. Ему доставляли их разные люди, иногда даже звонили в дверь среди ночи. В такие дни отец работал до утра, а когда Мартин выходил к завтраку, машины уже не было. Не важно, кто сегодня ночью сидит в его мастерской. Кто бы то ни был, мешать не следовало. Он был в безопасности.

Мартин вошел в коридор, снял ботинки и направился к лестнице, ведущей в мансарду, где находилась их с братом комната. Гитара вдруг съехала с его плеча. Он поймал ее в последнюю секунду, послышался только одиночный удар по струнам.

– Марыся? – Из кухни раздался низкий приятный голос, потом звук захлопывающейся дверцы холодильника. – Этот холодец – пальчики оближешь. Невозможно удержаться.

Голос был все ближе. Мартин как раз взбегал по винтовой лестнице, но не успел еще спрятаться на верхнем этаже. Он бросил куртку на пол, посмотрел вниз. Щуплый лысеющий мужчина в металлических очках въехал в коридор на инвалидной коляске.

– Войтек? – тепло улыбнулся он.

Парень зевнул, положил гитару и сделал вид, что как раз спускался в кухню.

– Это Мартин. Добрый вечер, дядя, – поздоровался, как хороший мальчик. – Я задремал. Голодный как волк.

– Молодец, но осталось немного. Твоя мать готовит лучший в мире студень.

– Мама спит?

Инвалид пожал плечами.

– Прекрати уже называть меня дядей. Юрек – вполне достаточно, или просто Слон. – Он протянул руку. Мартину пришлось подойти к коляске. Он почувствовал очень крепкое рукопожатие. – Здоровенным детиной вырос, не в Староней пошел.

– Ну. – Мартин открыл холодильник. Один за другим он вытаскивал контейнеры и кастрюльки, потом принялся жадно есть. Утолив первый голод, вдруг заметил, что на его форме не хватает пуговицы с якорем, и мысленно ругнулся при воспоминании о ночной прогулке на пляж. Мать ему этого не простит. Придется подменить пиджак брата. Потом он снял пиджак вместе с рубашкой и галстуком и аккуратно повесил на спинку стула. Он носил под формой футболку с изображением Курта Кобейна. Подобрал со стула фланелевую клетчатую рубаху, набросил поверх. Светлые волосы длиной до подбородка падали ему на лицо. Слон с улыбкой присматривался к племяннику, после чего попросил добавки и себе.

– Голодом тебя здесь морят, видно, – захихикал Слон, забавно высунув кончик языка. – Хороший аппетит – признак здоровья. Похоже, ты любишь жизнь, пацан.

Они молча ели. В кухне было темновато. Светила только лампочка в вытяжке над плитой.

– Как они вас отличают? – Дядя внимательно всматривался в Мартина.

– Нормально. – Племянник пожал плечами, потом указал на холодец: – Войтек такого не ест. У него отвращение к мясу. Кроме того, я иногда разговариваю, что значительно упрощает задачу.

– Через три дня вам исполнится по восемнадцать. Кто старший? – спросил Слон.

Мартин ткнул пальцем себе в грудь:

– Полторы минуты. Но отмечать будем после Нового года. Мама сначала хочет сходить в школу.

– Будет порка?

Мартин удивленно покачал головой. Никто никогда не бил его.

– Только по химии дела так себе. Математику я уже исправил. Войтек написал за меня контрольную. Он любит решать уравнения и иногда делает это ради удовольствия.

Слон хихикнул.

– Вы же не скажете маме, что братик мне помог? – забеспокоился Мартин.

– Ну что ты! – уверил его Слон и задумался. – Химия – хорошее дело. Подтянись, пристрою тебя на работу в нашу фирму. Мы открываем новое производство. На рынке образовалась ниша.

Мартин кивнул, исключительно из вежливости. Как раз химию он не считал предметом, который может пригодиться в жизни.

– А девушка у тебя есть?

Мартин почувствовал, что краснеет.

– Конечно есть. – Слон наклонил голову. – Красивая, наверное?

– Еще бы.

– Никогда не позволяй девчонке командовать собой. Только тогда будет уважать.

– Это пока нельзя назвать отношениями, – замялся Мартин. – Мы только что познакомились.

– Женскую логику понять невозможно. Даже не пытайся.

– Да, дядя. То есть Юрек.

Слон поежился.

– Хорошо, что я наконец встретил тебя. Мать прячет вас от меня. Забегите ко мне вместе с братом, поболтаем о будущем. Не знаю, сколько я еще протяну. Коновалы не дают мне особых шансов. Марыся и вы – моя единственная семья. У остальных сестер детей нет. Не хотелось бы плохо расстаться. Кто знает, может, в следующий раз встретимся уже на том свете.

Слон нажал кнопку на подлокотнике коляски. Подъехал к холодильнику, вынул бутылку с уксусом, понюхал.

– Не говорите так, – выдавил Мартин, не зная, как себя вести в этой ситуации.

Слон обильно полил холодец уксусом. Разрезая мясо на крупные куски, он отправлял его в рот.

– Поживешь с мое – поймешь. Время не резиновое. Каждый рано или поздно будет нюхать цветочки из-под земли, – хихикнул. – Так как? Зайдешь?

Мартин неуверенно кивнул. Оба понимали ситуацию. Мать не разрешала братьям общаться с дядей. Они не придут. Может, когда-нибудь потом. Кто знает?

Слон отложил нож и вилку.

– Отвезешь меня в мастерскую? Твой папаша не подумал о дорожке для инвалидов. Ступеньки, пороги, узкие двери.

– Сейчас?

Мартин с готовностью встал. Он уже утолил голод, и его стало клонить в сон. Он отвезет дядю в мастерскую и быстро нырнет под одеяло. Утром ему предстояла контрольная по станкам и электроприборам. Он рассчитывал, что договорится с братом насчет подмены. Войтек

неделю назад сдал этот экзамен на отлично, как всегда вызубрил все от и до. Он согласится, правда, поднимет цену. Его брат ничего не делал просто так. Братская любовь имела четкие расценки, а деньги отправлялись в металлическую коробку, спрятанную в печи за кроватью. Увы, с тех пор как Мартин «одолжил» у него пару тысяч, брат начал тщательно записывать в блокноте номера купюр. Войтек получил долг сполна, но насчитал бандитские проценты и объявил, что после Нового года ставки возрастут.

– Инфляция, – буркнул он, как обычно сделав невозмутимое лицо.

Мартин не знал, на что брат собирает деньги. У него крайне сложно было что-то выведать. Наверняка на что-то крайне конструктивное. Очередные часы в коллекцию или мопед. Войтек не пил, не курил и был до омерзения правильным, поэтому родители и учителя всегда ставили его в пример брату. Мартин не испытывал к Войтеку теплых чувств, но признавал, что тот никогда не подведет. Контрольная будет написана, при этом Войтек никому ничего не расскажет, даже под пытками. Правда может всплыть, только если Мартин затянет с оплатой. Кредит у Войтека был возможен, но далеко не дешев. Родство ничего не меняло. Как раз сейчас Мартин был совсем на мели и с нетерпением ждал Рождества. Последние несколько лет «Дед Мороз» приносил близнецам помимо подарков еще и конверты с наличными. Их отец, Славомир Старонь, вырос в бедной семье и всегда хотел, чтобы сыновья с детства умели распоряжаться деньгами. Войтек, видимо, впитал эту способность с молоком матери. По характеру он был точной копией отца. Аккуратный, педантичный зануда. У Мартина деньги долго не задерживались, однако он умел пустить их в дело.

– Принц, – посмеивался над ним отец. И продолжал, не без удовольствия: – Всегда найдется какая-нибудь девушка, которая вытащит тебя из переделки.

– Или втянет в нее, – добавляла мать.

Мартин был ее любимчиком, хотя для порядка она всегда уверяла, что относится к сыновьям одинаково. Славомир Старонь был сух с близнецами и старался держать их на коротком поводке. Однако Мартина часто называли маменькиным сынком. Когда-то он пытался бунтовать по этому поводу, а потом научился извлекать выгоду из ситуации. Например, сейчас он избегал встречи с наркодилером, потому что последний товар взял в кредит, дата выплаты которого прошла еще неделю назад. Он знал, что послезавтра мать даст ему деньги на репетитора, которого он в последний раз видел полгода тому назад, потому что деньги шли на колеса. Но наркоманом он себя не считал. Просто ему нравилось состояние измененного сознания. Он сочинял тогда неплохие песни, правда, ленился записывать их. С этим всем не было бы никаких проблем, если бы Вальдемар не подъехал однажды к школе и не перепутал Войтека с Мартином. Увидев ученический билет Войтека, он поверил, что их двое, но деньги все равно содрал. Таким образом, Мартин вынужден был как можно скорее отдать долг брату, поскольку проценты росли с каждым днем. Самое смешное, что, пользуясь случаем, Войтек разузнал у Вальдемара, где и как можно заработать на продаже дури, и не внедрился в «молодую гвардию» лишь потому, что заработок показался ему не таким большим, как, например, при подделке именных чеков.

– Риск выше, а работа на свежем воздухе и с людьми, – подытожил он в разговоре с братом, настраивая подслушку полицейского канала по рации для водителей. И тут же потерял интерес к разговору с братом, так как попал на перепалку между сотрудниками органов. Он аккуратно записал к себе в блокнот их клички. Наверное, только Мартин знал, как страдал бы его брат, если бы вынужден был работать в каком-нибудь пункте по обслуживанию населения. Вежливость давалась Войтеку с трудом. Он не умел поддерживать разговор, иногда бывал крайне резок. Он был сам по себе, не старался никому понравиться. Друзья ему тоже были не нужны, хотя постоянная «свита» имелаась. Именно благодаря брату Мартин познакомился с Иглой. Войтек использовал младшего по возрасту пэтэушника для передачи чеков с поддельными подписями. Он предпочитал платить Игле небольшой куш, чтобы не рисковать самому.

Игла был, кажется, из многодетной семьи. Вечерами он обычно слонялся по городу, и Мартин часто встречал его там. Иногда, компании ради, делился с ним дозой. Мартин знал, что Игла считает его авторитетом в области музыки. Внимание Иглы, как и дела брата, не слишком интересовали Мартина. Хотя он, конечно, завидовал Войтеку из-за наличия у последнего множества талантов, и его раздражало, когда отец, как мантру, повторял, что из Войтека растет крупный бизнесмен.

– А ты закончишь в ночлежке. Разве что брат сжалится и примет тебя на работу.

Поэтому мало кто видел близнецов вместе. Они были похожи, как клоны, их часто путали. И оба ловко этим пользовались. Объединялись они только в костеле. Мартин отвлекал внимание прихожан, а Войтек в это время воровал мелочь с подноса для пожертвований. Делились обычно поровну, пятьдесят на пятьдесят, хотя Войтек зачастую забирал все, поскольку Мартин постоянно был ему должен.

Слон, оценив готовность племянника помочь, удобно расположился в коляске. Поднял одну из ног, абсолютно недвижимую, и положил ее на подножку, как бревно. Со второй справиться было труднее. Мартину пришлось помочь дяде.

– А дай-ка еще мясного салатика, – скомандовал Слон. – Вкус детства.

Пока Мартин копался в холодильнике, инвалид вынул из-за пазухи кожаный бумажник, потертый по краям и до отказа наполненный банкнотами. Мартин застыл с салатом в руках. Слон послонявил палец и вытащил купюру. Потом добавил еще четыре и подвинул в сторону племянника пятьсот долларов. Мартина ударило в жар.

– Что это вы?

– Поделись с братом, лучше всего пополам. – Слон улыбнулся от уха до уха. Тот еще уродец, а очаровать мог любого. – Бери. Это подарок на восемнадцатилетие. Только не трать на наркотики. Этого Слон никогда не поймет. Отцу ни слова. Так же как и Марысе, иначе заставит вернуть. А я не приму. – И погрозил пальцем.

Дядя и племянник выехали из дома, оставив в кухне ужасный беспорядок. Мартин поклялся себе, что уберет все, как только вернется. Уж это он в состоянии сделать для матери. Она наверняка не спала. Ждала, пока разойдутся гости, и специально не выходила из спальни. Мать уже много лет не общалась со своим братом. Считала, что тот промышляет темными делишками, а ювелирная мастерская – только прикрытие. Брат втоптал в грязь славную семейную традицию. Если бы она разбиралась в обработке янтаря, то точно забрала бы у него бизнес. К сожалению, в ее семье женщинам не принято было давать образование. Они должны были удачно выйти замуж, воспитывать детей и заботиться о домашнем очаге. Именно так поступили все сестры Поплавские, и Мария не была исключением. Одна из сестер живет сейчас в Германии. Это она в тяжелые времена присылала посылки с одеждой, продуктами и бытовой химией.

В свое время Мария старалась наладить отношения с братом в надежде, что тот изменится, сойдет с кривой дорожки и все как-то утрясется, но в конце концов окончательно утратила иллюзии. Тем более что ее старания шли только на пользу Слону. Он завербовал ее мужа на должность слуги – именно так называла Мария роль автомеханика в преступной группировке. Узнав, что Славомир ездит вместе с людьми Слона воровать топливо на территории строящегося перегонного завода или нелегально добывать янтарь в лесу, она устроила грандиозный скандал и пригрозила разводом. В конце концов она заставила выбросить алюминиевую трубу для запуска иглофильтров, которую люди Слона, известные местной полицией как янтарная мафия, использовали для размывания грунта и нелегальной добычи янтаря в районе Северного порта. Не убедили ее и аргументы мужа, который слово в слово воспроизводил мудрствования Юрека о том, что ценный минерал принадлежит всем, а не только государству, которое прибрало его к рукам.

Мартин был уверен, что мать знает, в чем состоят обязанности ее мужа в группировке Слона, но почему-то смотрит на это сквозь пальцы. Все притворялись, что все нормально, потому что так было удобно всем. Может быть, у нее не было выхода и она в душе позволила мужу заниматься этим? Она любила комфорт. И похоже, соревновалась с сестрой, живущей в Гамбурге. Все-таки хотелось иметь и иномарку, и видеомэгаффон последней модели. А с тех пор, как Слон стал главным заказчиком Славомира, жилось им и правда очень хорошо. Например, неделю назад она заказала у скорняка новую шубу из чернобурки. Только третья, самая старшая сестра, жила скромно, можно сказать в лесу. Ее муж был лесничим, человеком глубоко религиозным, неподкупным. Даже взятки у браконьеров не брал.

В те времена Мартин совершенно не думал о том, что правильно, а что нет. Как и о том, что грозит семье в случае разоблачения. Ему хотелось весело жить, играть на гитаре и иметь девушку. Слон импонировал Мартину. С детства близнецы только и слышали о дядюшке: плохой, опасный, хитрый – так говорили о нем в городе. Для них же он всегда был добродушным, трогательным уродцем с ушами слоненка Дамбо. Из-за лопухости его и прозвали Слоном. Несмотря на то что весь город знал, чем занимается этот ювелир, никто не мог ничего доказать. Люди Слона иногда попадались, но сам он всякий раз выходил сухим из воды. По крайней мере, так казалось со стороны.

– Только без стука. Надо проверить бдительность моей бригады, – сказал дядька. После чего сменил тембр, как будто разговаривал с ребенком. – Сюрприз-и-из!

Мартин рывком распахнул гаражную дверь. Трое мужчин в глубине помещения резко вскочили. Один из них, в трениках, с увесистой «голкой» на шее, схватился за карман.

– Буль, фраер! – заржал Слон. – Это ж пацан!

Павел Блавицкий дал знак маленькому толстяку в турецком свитере, который быстро сгребал мелкие предметы в спортивную сумку.

– Твою мать... – загнул на родном языке русский, когда из его кармана вывалился пистолет. – Кругом марш!

Мужчины стали перекрикивать друг друга, но Мартин уже не слышал их. Как загипнотизированный, он рассматривал оранжевую «ламборгини» с немецкими номерами. Передняя часть машины была разбита. Правая фара висела на проводах. Вместо лобового стекла – полиэтиленовая пленка, прилепленная скотчем, но Мартин как будто и не замечал всех этих повреждений. Сразу было видно, что это супертачка. За все время отец только раз занимался подобной машиной, но так и не разрешил ему проехаться, даже за городом. На этот раз Мартин пообещал себе, что сделает все, чтобы сесть за руль этой ракеты.

Наконец справившись с потрясением, Мартин взглянул на освещенный тусклым светом токарный стол, за которым собрались гости. На нем лежали крупные куски необработанного янтаря, самый большой – величиной с полбуханки хлеба, а рядом неразрезанные листы напечатанных долларов и рублей. Отец попытался заслонить собой стол. Он покраснел, на лбу пульсировала вена.

– Мартин, быстро домой!

Слон поднял руку:

– Если хочет, то пусть остается. Он уже взрослый.

Мартин впервые увидел отца до такой степени взбешенным.

– Через три дня. Только тогда он сможет сам решать.

Отец и Слон несколько секунд прожигали друг друга взглядами. В конце концов инвалид опустил голову. Подъехав к шкафчику для инструментов, возле которого стоял наполовину опорожненный ящик водки, он ударил по дну одной из бутылок, открутил крышку и разлил водку по грязноватым стаканам. Все, кроме отца Мартина и крепкого брюнета в светлом пиджаке, получили свою порцию. Лицо последнего не выдавало излишнего интеллекта, хотя

отполирован он был, как итальянский мальчик с подиумов. Красавчик был на несколько лет старше Мартина, но ростом как минимум на голову ниже.

– Должен же ты хоть на что-то годиться, Вальдемар, – бросил Слон.

Мачо легко проглотил обидную реплику.

– Вам ведь известно, что мне врачи запретили, – ответил он, спровоцировав общее веселье. Сейчас он смотрел на Мартина с еле заметной улыбкой. Вальдемар регулярно продавал молодому Староню марихуану, ЛСД, а иногда и что-то потяжелее. Однако сейчас делал вид, что они незнакомы. Похоже, обожал держать человека на крючке.

– Я люблю водить, только это и умею, – добавил Вальдемар. – Это у меня получается лучше, чем у кого-либо, сэр.

– Бреешь, сынок. Телок ты клеишь лучше. Все более свеженькие к тебе липнут. Весь в меня. – Слон поднял стакан и залпом выпил. Потом слегка скривился и взглянул на этикетку. – Это ж спирт «Рояль» со святой водой. Русов, что ты мне приволок?

– Водка лучше хлеба, жевать не трэба, – заржал русский и подставил пустой стакан, требуя очередной порции.

Остальные сделали то же самое. Слон, прежде чем налить Мартину водки, вопросительно посмотрел на его отца.

– Половину, – сказал тот.

– Думаешь, он еще ребенок? Не рос ты тут на районе, – ответил Слон. – Папа римский нашелся... Ты, поди, ни одного урока в воскресной школе не пропустил.

Публика отреагировала, как и ожидалось. Гогот заглушил ответ отца Мартина.

– Не богохульствуй. Только об одном тебя прошу, Юрек. И сына мне в это не втравливай. А разговоры обо мне и о Боге давай продолжим в другой раз. Надеюсь, что и ты когда-нибудь обратишься к Господу, но не мне тебя уговаривать. Пусть выпьет, если хочет.

Слон обратился к Мартину:

– Хочешь?

– Полный, – ответил тот.

Отец искоса взглянул на него. Собравшиеся одобрительно присвистнули.

– Полный – через три дня. Сегодня ты еще молокосос. – Славомир отлил половину на пол.

– Не твое, не жалко, – прокомментировал вполне довольный Слон. Как обычно, спровоцировав конфликт, сам он остался в стороне.

Мартин показательно залпом опрокинул содержимое стакана. Горло обожгло огнем, но он не показал виду.

– За любовь, – пробормотал Русов. – Третий всегда за любовь.

– Как будто бы Христос по жилам побежал, а? – рассмеялся Буль.

– Удался сынок. – Слон обратился к родственнику. – Далеко пойдет.

– Лишь бы только не так далеко, как твои, – отрезал Славомир. Он вырвал стакан из руки сына и с грохотом поставил на стол.

Повисшую тишину можно было резать ножом. Никто не смел открыть рот, все ждали реакции шефа. Тот долго сидел в задумчивости. Не парировал, как это бывало обычно. Три года назад жена и двое сыновей Поплавского погибли в горящей машине. Автомобиль взорвался при повороте ключа зажигания. Говорили, что это покушение, хотя следов взрывного устройства обнаружено не было. Официальной версией стала неисправность газовой установки. С тех пор Слон был прикован к коляске. Нижняя часть его тела была парализована, а приступы посттравматической эпилепсии случались все чаще. Только благодаря диагнозам его до сих пор не упекли за организованную преступную деятельность. Врачи выдали ему заключение, гласящее, что он не может пребывать в СИЗО, а также присутствовать на судебных заседаниях. Через несколько месяцев прокуратура закрыла дело в связи с отсутствием доказательств. После этого Слон нанял молодого водителя, Вальдемара, который всегда заводил

машину, открыв все двери. Поплавский ждал на безопасном расстоянии, шутя, что не затем он платит своим псам, чтобы разлететься на куски в один прекрасный день.

Сейчас Слон одарил отца Мартина взглядом из-под полузакрытых век. Усмехнулся с издевкой, как будто рассказывал анекдот:

– В следующий раз, родственничек, я вывезу тебя в лес, чтобы преподать урок вежливости. Что-то ты разгавкался.

Старонь, однако, и не собирался каяться.

– Что, правда глаза колет? – бросил он. После чего спустился в яму и продолжил ковыряться в оранжевом авто.

Слон злобно сжал губы.

– Ничего, подожмешь еще хвост, – пробормотал он себе под нос. – Твое счастье, что мы родня.

Компания притихла. Ситуация обострялась.

– Знаете анекдот? – осторожно подал голос Буль. Это была явная попытка разрядить обстановку. – Спрашивает один мужик другого: «Как это вдруг твоя жена отпустила тебя в бар?»

– Нет, – сказал русский. – Еще не слышали.

– «Я сделал ей ванну с пеной, поэтому она меня и не останавливала». – «С омолаживающей?» – «Нет, с монтажной».

Раздался громкий гогот Слона, к которому сразу же присоединились все члены свиты. Собравшиеся были благодарны Булю. Только русский сидел скривившись.

– Не понял, – буркнул он.

– Я тебе переведу, Витя. – Буль крепко ударил его по спине, отчего тот несколько подался вперед. – Давай-ка займемся долларами. Режем, считаем и баиньки. Да и жрать охота.

– Дело говоришь. Мы тут треплемся, а работа не ждет, – закрыл тему Слон.

Все вернулись к своим занятиям. От ямы понесся мерный гул двигателя. Славомир, несмотря на множество претензий к шефу, со своими задачами справлялся идеально.

Мартин поблагодарил за выпивку и встал, собираясь уйти. Дядюшка остановил его жестом и показал на место возле себя. Мартин поставил туда стул. Они сидели и смотрели, как Буль, Вальдемар и еще двое каких-то новых – их Мартин видел впервые в жизни – проверяли банкноты под ультрафиолетовой лампой.

– Комар носа не подточит, Витя. – Буль одобрительно причмокнул. – Даже я бы не отличил.

– Не переживай. – Слон подмигнул племяннику. – Твои – настоящие.

Прямо перед ними стояла оранжевая «ламборгини».

– Класс, – с восхищением произнес Мартин. – Какой у нее пробег?

– Отмотаем счетчик, будет такой, как надо, – ответил Слон. – У тебя уже есть машина?

Парень покачал головой.

– А хотелось бы?

По лицу Мартина блуждала легкая улыбка.

– Может, такую? Девочек бы возил. Съездил бы в далекое далеко. – Перспектива казалась весьма привлекательной, но дядюшка сразу же ее разрушил: – Батя купит тебе, когда будешь старым пнем, лет тридцати с гаком. – Тут он демонически рассмеялся. – Тогда уже и наш Вальдемар будет на том свете, разгонится до трехсот в час и расплющится о какое-нибудь дерево.

– Или провалюсь в пропасть, – добавил без улыбки водила.

Мартин удивленно обернулся. Несмотря на то что шофер стоял на достаточно большом от них расстоянии, он слышал каждое сказанное ими слово. Они понимающе переглянулись.

– Лучше быстро сгореть, чем медленно тлеть, согласен?

Мартин взглянул на свою майку с портретом Кобейна и запахнул рубаху. Этот хлыщ насмехался над ним, но Мартин не отважился ответить, решив, что обязательно сделает это в следующий раз, когда они будут один на один.

– Это его тачка. – Слон указал на Вальдемара. – Если бы отец тебя любил, то купил бы тебе такую. Но зато у тебя есть дядя Слон, и поэтому Вальдемар даст тебе покататься. Через неделю, когда будет готова. Хоть твой старичок и страшный зануда, но надо отдать должное, он лучше всех в этом городе выпрямляет железяки. Надо еще все оформить как следует, чтоб бумажки не смердели.

Мартин не успел запротестовать, как Слон уже приказал Вальдемару отдать ключи и техпаспорт.

– В пятницу поедешь со своей девчонкой на прогулку по Гданьску. Насчет прав я дам знать кому следует. Только помни, не выезжай за пределы города, понял?

Если бы взглядом можно было убить, то Мартин сию секунду погиб бы под обстрелом небесно-голубых глаз Вальдемара.

– Неплохой лапсердак. – Мартин указал на пиджак водилы, рассчитывая как-то подольститься, но эффект получился противоположный.

– Только попробуй поцарапать, – прошипел Вальдемар и отошел в сторону покурить.

Слон с удовольствием наблюдал за поединком молодняка.

– Выйдешь в люди, Старонь. Каков аппетит, такова и жизнь. А ты любишь поесть.

Потом он подозвал лысого качка с цепью на шее и что-то шепнул ему на ухо. Буль даже не поднял глаз, только кивнул, давая понять, что приказ ясен.

– Оставьте мелкого в покое, завтра в школу, – Славомир высунулся из ямы, – и так достаточно позабавились.

– Чего так напрягаешься, Старонь? – Инвалид рассмеялся, а потом обратился к Мартину: – Можешь идти спать, сынок. Если смурфы прицепятся, то звони не папаше, а вот этому. – Он указал пальцем на Буля. – Пан Блавицкий вытащит тебя из любого дерьма, потому что он мой человек, а в тебе течет кровь Поплавских. Только помни, у тебя есть один день, потом рай закончится. И когда ты заскучаешь по нему, то сам сразу же разыщешь дядю Слона.

– Во что вы его втягиваете? – Отец Мартина вырос за спиной инвалида.

– Иди, сынок, – очень спокойно повторил дядюшка. – «Спокойной ночи, малыши» давно закончились.

Выходя, Мартин слышал громкую ругань отца с дядей, но решил не обращать внимания, подумав, что это самый счастливый день в его жизни. Он был слишком молод, чтобы понять, что несколько минут назад подписал договор с дьяволом. Большое счастье всегда обходится дорого. Только неприятности ничего не стоят.

Ему приснился африканский слон, лежащий на диком пляже, недалеко от его дома. Его пожирали черви, чайки кружили над останками. Курортники не обращали на него внимания. Они раскладывали рядом с ним шезлонги, устанавливали зонтики. Продавец мороженого поставил на него свой короб с товаром. Он не замечал, что внутрь короба тут же стали пробираться личинки мух, потому что его окружила группа детей с монетами в руках. Коробейник продал почти все мороженое и двинулся дальше. Только тогда Мартин заметил худощавую шатенку из душевой. Она стояла по пояс в воде и погружалась все глубже. Через мгновение вода была уже на уровне ее шеи. Мартин бросился к ней. Волны были слишком высокими. Он кричал, но она не слышала. И наконец исчезла под водой. Слона на пляже тоже не было. Мороженщик зазывал покупателей, а на песке жарились пляжники.

Он проснулся в холодном поту. Встал, быстро оделся, поняв, что проспал, как всегда. Кровать брата была идеально застелена. Форма Мартина висела на вешалке у зеркала, чистая рубашка была тщательно выглажена. Видимо, мать ночью принесла снизу его вещи. Только

пуговицы не было. Мартин знал, что Войтек отмажет его в школе. О сне он быстро забыл. Он думал только о том, что совсем скоро настанет очень важный для него день. Он впечатлит Монику оранжевой торпедой. В кармане у него было пятьсот долларов. Он сдаст их в обменном пункте и возвратит долг Вальдемару. Каждый торчок знал, что у того самый лучший товар в городе. Мог не знать разве что его шеф, ничего не подозревающий о том, каким образом подрабатывает его личный водитель. Это показалось Мартину очень забавным.

Перед выходом Мартин покрасил деревяшку. Он выбрал черный цвет. Серебристый показался слишком уж вызывающим. Деревяшке нужно было высохнуть. Теперь ее было не отличить от пистолета известного агента. Мартин очень хотел поскорее показать игрушку Пшемек. Но он все-таки вернулся и спрятал недосохший пистолет в печку за кроватью брата. Если бы отец нашел «оружие», то точно подумал бы, что Мартин тайком присоединился к группировке Слона. А копаться в вещах примерного братишки никому не придет в голову.

Моника Мазуркевич складывала учебники в школьную сумку по размеру, от самого маленького до самого большого. Рядом пенал, второй завтрак, всякие девчачьи мелочи. Географ закончил делать записи в журнале и взглянул на девочку из-под очков. Когда она нагнулась, короткая юбка поднялась слишком высоко. Учитель отвернулся.

– До свидания, – сказала она и направилась к выходу.

Кроме нее, в классе никого не было. Моника почти всегда выходила последней. Он наблюдал за ней во время контрольных. Она всегда долго думала, прежде чем что-то написать. Грызла карандаш, покусывала губы, убирала падающие на лицо волосы. Он хорошо изучил ее почерк, сразу узнавал округлые буквы, витые «а» и закрученные в спираль «д». Она казалась не по возрасту зрелой. Интриговала его. Он сам не понимал почему. Никогда не спешила, не рвалась отвечать. Сидела за последней партой, глядя в окно. Сначала ему казалось, что она не слушает, но, когда он вызывал ее, всегда знала, о чем идет речь. Отвечала флегматично, правильно, хотя и не была особенно способной. Некоторые учителя ошибочно причисляли ее к тупицам, но географ знал, что до нее попросту трудно достучаться. Она жила как будто за стеклом, в своем мире, но душой не была, в отличие от своих многочисленных сестер и братьев. Особенно братьев.

– Можно тебя на минуту? – Он вернул ее из коридора.

Она часто дышала. Нервничала, смотрела на него неуверенно.

– Я хотел бы... – Он не придумал заранее, что ей сказать, повел себя импульсивно, глядя на очертания маленьких грудей под ее блузкой. – Речь об Аркадии. Ему очень трудно дается материал. Может быть, ты поможешь ему? Вас ведь шестеро, правда?

– Семеро, – поправила она. – Самый старший, Пшемек, учится в мореходном училище.

– Ах да, помню. Он учился у меня в средней школе. – Учитель вспомнил качка с куриными мозгами и удивился, что тот поступил в такое престижное заведение. Только из жалости он позволил ему тогда закончить и не остаться на второй год. Сейчас подобная перспектива ждала другого брата Моника, Аркадия. – Прочти с Ариком домашнее задание, погоняй его по вопросам. Помоги маме, у нее наверняка полно забот.

– Попробую. – Она, как всегда, казалось, витала в облаках.

– Я только хочу обратить твое внимание. Если Арик не исправится, то у него могут возникнуть проблемы с переходом в следующий класс. Я говорю это тебе, хотя должен был бы вызвать родителей. Я понимаю, что им не до репетиторов. Но если вдруг возникнут какие-то трудности, любые, – он откашлялся, – ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью.

Он почувствовал, как у него краснеют кончики ушей, и поправил очки. Девушка наверняка не поняла двусмысленности его высказывания. Она смотрела на него не моргая.

– Я могу идти?

Моника пошла прочь, сгорбившись. Географ наблюдал за ней, пока она не скрылась за дверью. Потом встал и обвел взглядом школьный двор, предполагая, что вскоре увидит ее там, так как это был ее последний урок.

Напротив школы стояло спортивное авто. Это была оранжевая «ламборгини», издавала темными делишками. Когда Моника вышла из школьной калитки, водитель выскочил из машины и подошел к ней. Учитель снял очки и прищурился. Он узнал этого парня. Несколько лет назад он учился здесь. Это был один из близнецов Староня, автомеханика. Моника молча прошла мимо высокого блондина, но, когда он схватил ее за плечо, вынуждена была остановиться. Под давлением ее взгляда он убрал руку. Географ заинтересованно смотрел на этих двоих и думал, что может быть между ними общего. Они не были похожи на пару. Перекинулись парой фраз, потом парень открыл дверцу машины и девушка села в нее. Раздался рев мощного двигателя, и авто тут же исчезло из виду. Географ почувствовал укол зависти, не понимая, чего это касается больше: машины или девушки. Он тоже был когда-то юным и мечтал о многом. Но у него не было отца, который перебивает номера двигателей по заказу мафии. Здесь было два варианта: либо парень присоединится к бандитам, либо отец позаботится о его образовании и разорвет его связь с преступным миром. Так или иначе, легкий старт ему был обеспечен. Учитель после стольких лет работы в школе мог позволить себе максимум покупку проездных билетов для всей семьи. А для того чтобы содержать семью, оплачивать обучение детей, ему приходилось платить соседу за подвоз до Калининграда, ради переправки янтаря все для того же Слона. За счет репетиторства в этом городе прожить было невозможно.

Моника сложила руки на животе, прижимая ладонью поношенную вязаную сумку с учебниками. Костлявые колени были плотно прижаты друг к другу. Между бедрами образовалась щель в форме полумесяца. Мартин не знал, как начать разговор, поэтому пока демонстрировал свое водительское мастерство. Он поочередно нажимал кнопки на панели управления, переключал радиоканалы, пока в конце концов случайно не включил подогрев пассажирского сиденья. Она удивилась, когда почувствовала тепло под ягодицами, но воздержалась от комментария. Какое-то время они ехали молча.

– Куда ты меня везешь? – первой прервала она молчание.

– Сюрприз, – ответил он.

– Я не люблю сюрпризов.

– Именно так я и думал.

– У тебя есть права?

Он засмеялся, скрывая нервозность.

– Ты всегда такая?

– Какая?

– Ну, не знаю. Колючая.

Она посмотрела на него искоса, чем немного испугала.

– Это тачка моего дяди. Взятая напрокат, не ворованная, – уверил Мартин.

Он свернул с шоссе. Дальше они ехали по узкой асфальтированной дороге, вдоль трамвайных путей и как раз обгоняли «восьмерку». С другой стороны тянулся лесной массив.

– Я знаю, на какой пляж ты меня везешь, – объявила она. – На Стоги. Это наш пляж.

– Ваш?

– Там познакомились наши родители. Видимо, Пшемек тебе показал. А романтическую историю не рассказал?

Впервые он увидел на ее лице искреннюю улыбку.

– Отец вынырнул из воды, а мама в него влюбилась. Эта любовь породила семерых детей: я, Пшемек, Арик и четыре сестры.

– Мы нашим детям будем рассказывать то же самое, только наоборот. Ты вынырнула, а я... – Он смущенно улыбнулся. – Ты же видела меня тогда, правда? Неделю назад. В душе.

Растерянность придавала ей очарования.

– Я не хочу детей.

– Я тоже, – уверил он ее. Возможность иметь детей была для него сейчас намного более абстрактной, чем возможность смерти.

– Я знаю, чего ты хочешь. – Она взглянула на него. Мартин почувствовал, что краснеет. – И не встречай меня больше у школы.

– Я и не приходил. – Он зло стиснул зубы. Сегодня ночью он устроит братику темную... Только вот он никак не мог сообразить, когда и как Войтек мог узнать о Монике. Пшемек не должен был проболтаться.

– Мне пора, – заявила она.

Он добавил газу. Двигатель зарычал сильнее.

– Останови! – Она не повысила голос, но в одном ее слове была такая сила, что Мартин немедленно выполнил команду и с трудом, но остановился. Пришлось резко свернуть на лесную дорогу. Машина заглохла. Они сидели на окраине леса.

– Осталось всего несколько минут пути, – попытался он убедить ее, но сдался.

Она была права. Ему хотелось переспать с ней. Это было первое, о чем он подумал, проснувшись сегодня утром. Но сейчас все изменилось. Она была здесь и очень ему нравилась. Ему импонировали ее пассивная сила и спокойствие. Мартин хотел, чтобы она стала его девушкой. Навсегда. Однако он понимал, что не сможет признаться ей в этом. Как же покурачки все вышло. Он увидел ее пару дней назад, а сегодня хочет встречаться с ней. Наконец он кое-как выдавил:

– Я не сделаю тебе ничего плохого.

Моника усмехнулась и стала смотреть куда-то вперед. Ее лицо было идеальным, кукольным. Слегка приоткрытые губы, ресницы без капли туши. Он повернул ключ в замке зажигания. Двигатель равномерно заурчал, его ритм прибавлял Мартину смелости. Он начал разворачиваться, когда на встречной полосе появилась фура. Водитель фуры громко сигналил, так как ехал с очень большой скоростью. Мартин в последнюю секунду успел рвануть назад. Ненадолго им овладел ужас. В голове пронеслись картинки того, что могло бы случиться. Моника, видимо, почувствовала то же, как-то обмякла и стала смотреть на него немного по-другому.

– Я не боюсь, – произнесла она. – Никого и ничего.

Они сидели молча. Мартин подумал, что с большим удовольствием покурил бы сейчас травки, но не решился скручивать при Монике косяк.

– Ты отвезешь меня или мне добираться автостопом? – сурово спросила она, но не вышла из машины.

– Сейчас поедem. Дай мне минуту.

Девушка отвернулась к окну и еще больше сжалась.

– Минута прошла, – вскоре объявила она, продолжая любоваться лесом, потом покрутила головой и тихо рассмеялась. – Ты все-таки странный.

Мартин и сам не понял, почему он тогда сделал это. Если бы они уехали оттуда, ничего бы не случилось. Все было бы по-другому. Не только его собственная жизнь, но и жизни множества других людей сложились бы совершенно иначе. Но в тот момент он думал только о том, что нельзя не воспользоваться представившимся случаем. Слон был прав. Парень любил жизнь и не страдал отсутствием аппетита. Сейчас он сидел в супертачке, было тепло и уютно, а Моника – совсем рядом. Сначала он дотронулся до ее безымянного пальца. Несмотря на то что она никак не отреагировала, он продолжал ощупывать ее пальцы, в конце концов сжал руку. Кисть Моника была узкой и длинной.

– Моему отцу не нравится, что Пшемек общается с тобой, – сказала она тихо, но руку не высвободила.

Мартин сморщил лоб, ожидая продолжения.

– Он говорит, что ты наркоман и сын преступника. Ты знал?

Моника наклонила голову, как бы проверяя, сможет ли его спровоцировать. В ответ Мартин поцеловал ее. Он был уверен, что она девственница и ранее никогда не делала этого. Ему нравилась идея быть первым. Он нежно коснулся языком ее сжатых губ и не сделал ничего больше. Она на секунду прикрыла глаза. Мартин поднял руку, чтобы коснуться ее щеки, но Моника отвернула голову.

– Родители будут искать меня. – Только сейчас она освободила руку.

– Я никакой не наркоман и, тем более, не преступник, – заверил он. – Я сделаю все, чтобы твой отец изменил мнение, и только тогда мы договоримся о встрече. А сейчас я отвезу тебя домой. Ты встретишься со мной еще?

– Отец мне не позволит. – Моника покачала головой. – Он сказал, что о свиданиях мы поговорим после моего восемнадцатилетия.

– Я подожду, – объявил Мартин торжественно. – Если ты не будешь со мной, то никакие другие мне не нужны.

– Дурак, – рассмеялась она.

По радио передавали «Шелк» «Роз Европы»³.

– Обожаю эту песню, – прошептала Моника.

– Теперь она у меня всегда будет ассоциироваться с тобой, – произнес Мартин с нежностью.

Внезапно раздался резкий стук в стекло. За окном стоял полицейский. Мартин быстро открыл окно и удивленно оглянулся. Он не слышал подъезжающей полицейской машины.

– Старший сержант Роберт Духновский, двадцать второй участок, – представился полицейский, отдавая честь. – Предъявите, пожалуйста, водительское удостоверение и техпаспорт.

Мартин вынул из бардачка документы в пластиковой обложке.

– А права?

– Собственно говоря... – начал было он, но в голове была пустота. Спиной он чувствовал укоризненный взгляд Моника. Полицейский бесил его. Нашел время проверять документы. Мартин протянул ему удостоверение учащегося. – Дядя одолжил мне эту машину, – сказал он гордо.

– Дядя? – По губам полицейского пробежала усмешка. Он взглянул на техпаспорт. Автомобиль принадлежит некому Арнольду Мейснеру из Берна. – Это он – твой дядя?

– Мой дядя, Ежи Поплавский, сказал в случае чего вызвать вашего коллегу, пана Блавицкого, или просто Буля, – продолжал Мартин, чувствуя себя идиотом.

Человек в форме уставился на Мартина еще подозрительнее. У Мартина от волнения вспыхнула огнем кожа под коленями. Он не проверил, что за документы вручил ему дядюшка. Что ж это такое?

– Дай мне и твое удостоверение, – обратился он к Монике. Девушка натянула пониже короткую юбку и вынула документ из пенала.

– Родители знают, где ты сейчас?

Моника замялась, потом слегка покачала головой.

– Никуда не уходи. А ты пойдешь со мной, – сказал он Мартину.

Мартин вышел из машины. Он был рад, что Моника не будет свидетелем его унижения.

³ «Розы Европы» – польская рок-группа, существующая с 1983 года.

В полицейской машине сидел второй сотрудник в форме, явно изнывающий от скуки. Он был званием повыше. На его погонах виднелась звездочка, а не сержантские полоски. При виде Мартина он слегка оживился.

– Паспорт уже есть? – спросил он, смеясь.

Мартин покачал головой.

– Но я совершеннолетний.

– Ну, тогда есть небольшая проблема, мой мальчик. Сейчас мы проверим, не числится ли машина в угоне. Если окажется, что да, – не выйдешь из-за решетки до тридцатилетия. Пионерлагеря для несовершеннолетних уже не для тебя.

Мартин почувствовал, как по спине его стекает капля пота. Он уже представлял себе взбешенного отца и рыдающую мать. Опять он доставляет родителям лишние неприятности. Почему с Войтеком не случается ничего подобного? Его глаза опасно увлажнились, но он, хоть и с трудом, поборол себя.

– Дядя сказал, что сегодня мне можно ездить на этой машине. Он должен был все решить. Я всего лишь ехал с подругой на пляж. Ежи Поплавский. Это мой дядя, – повторил он, но не закончил, потому что слезы уже предательски плыли по его лицу. Он был ужасно зол на себя. Разрыдался, как баба.

Стражи порядка и на этот раз не отреагировали на фамилию Слона. Они передали по радиации регистрационные номера и молча записывали данные в своих блокнотах. Мартину казалось, что все это тянется слишком долго.

– Не могли бы вы связаться с заместителем начальника Блавицким? – Мартин все еще пытался не всхлипывать, но они игнорировали его. Сейчас они сидели без движения и вслушивались в сообщения по радиации. Духновский вынул сигарету, но высший по званию сделал запрещающий знак рукой.

– Смердит тут, как в сортире, – резко поморщил он нос.

Духновский обреченно вышел из машины.

– Ты совершеннолетний, поэтому отвечать будешь как взрослый, – сказал скучающий полицейский начальник, когда они остались одни. – Посидишь в СИЗО, заведем дело. Нужно будет вызвать родителей той мелкой, а пока поместить ее в приемник-распределитель. Если ты что-то с ней сделал, добавится еще одна статья.

– Ничего не было, – прошептал Мартин.

– Я увидел достаточно! – крикнул из-за окна Духновский.

– Да ладно, Дух, обычные обжимания. Ты ведь тоже был когда-то молодым. А ноги все-таки классные у этой лани. – Тот второй, повыше чином, встал на защиту Мартина.

Парень посмотрел на него с надеждой. Духновский промолчал. Он выкурил сигарету до самого фильтра, открыл дверь со стороны Мартина, желая обратить на себя внимание.

– Вылезай, – бросил он. – Если это тачка Слона, может, и призы какие-нибудь будут.

Мартин смотрел на него, ничего не понимая.

– Давай, давай. Не изображай идиота. – Полицейский грубо толкнул его.

Мартин чуть не упал от неожиданности.

Моника сидела на своем месте. Когда они проходили мимо нее, она следила за ними взглядом полным ужаса. Мартин не знал, как открывается багажник. Полицейскому пришлось помочь ему. Парень облегченно вздохнул, когда оказалось, что багажник пуст. Духновский не спеша, с дотошностью часового мастера проверял огнетушитель, аварийный знак. Открыл аптечку, оглядел ее содержимое. Велел поднять коврик, вынуть запаску. Мартин подумал, что полицейский тянет время, но не знал, как предложить взятку. Вдруг в углублении для запасного колеса Духновский что-то нашел.

– Открой, – вручил он Мартину помятый конверт.

Тот выполнил приказ. Внутри был пакетик с белым порошком. Сержант швырнул парня на капот, надел на него наручники и отвел в полицейскую машину.

– Вызываем подмогу. Запрещенные вещества. Надо еще разобраться с мелкой, – бросил он скучающему коллеге. А Мартину: – Ну и дела, да, Старонь? Папочке придется слать посылки на зону. Вся жизнь впереди, а ты лезешь в дерьмо из-за Слона.

Пока полицейские заполняли документы в ожидании патруля, который должен был заняться эвакуацией «ламборгини», в лесополосу со стороны пляжа въехала черная БМВ. Из машины вышли двое крепких мужчин в плотно сидящих кожаных куртках и одинаковых черных трикотажных шапках. Водитель остался в машине, двигатель мерно шумел. Лица водителя не было видно из-за тонированных стекол. В одном из приближающихся Мартин узнал Буля. Вздых облегчения. Он спасен. Блавицкий подошел к патрулю, показал полицейский жетон.

– Капитан Павел Блавицкий, оперативный отдел, Гданьск-Центр. Мы забираем молодца, он наш. Так же как и тачка, – объявил он и, не дожидаясь ответа, подошел к полицейской машине, дернул дверь, вытащил Мартина за руку.

Тут Духновский преградил ему путь.

– Что значит – ваш? Левая тачка, запрещенные вещества, пацан без паспорта, прав и документов на машину. Еще и похищение малолетней. Не говоря уже о сексуальных домогательствах.

Буль громко рассмеялся, услышав все это. Другой оперативник, уменьшенная копия Буля, с пренебрежением сплюнул на землю. В это же самое время по радиации ответили, что автомобиль не фигурирует в списке разыскиваемых. Документы в процессе оформления. Владелец – Яцек Вальдемар, город Вжешч, улица Халлера, дом 3, квартира 2.

– Слышал, Дух? Тачка чистая. – Буль упер руки в бока. – Сними с ребенка браслеты.

Духновский кипел от злости.

– Мы с тобой в одном дерьме не полоскались. Пока я для тебя – пан Духновский.

– Сними наручники, Дух, – повторил Буль. – И лучше заткнись, не усугубляй ситуацию. Или, может, желаешь переквалифицироваться в кладовщики?

Духновский не испугался угрозы.

– Садись, – приказал он Мартину, а Булю рявкнул: – У себя можешь делать что хочешь, а здесь моя территория. Вали отсюда.

– Слушай, этот гном тебе тут приказывает, – рассмеялся напарник.

Буль взбесился, под носом проступила капля пота.

– Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь. Это пацан Слона.

– Иди отсюда, я сказал, – Духновский прищурился, – да хоть самого Господа Бога. Скажи спасибо, что я не записываю этот разговор.

– Считаю, что больше не работаешь в конторе, – пригрозил Блавицкий, после чего повернулся к напарнику, который потянулся к кобуре: – Майами, берем его!

Из полицейской машины вылез второй, скукавший до сих пор патрульный, который услужливо извинился перед Булем и его напарником.

– Мы все решим. Я главный в этой патрульной бригаде. – Он откашлялся и продолжил: – Ребята, вы нас тоже поймите. Мы торчим здесь из-за пацана уже больше двух часов, был сигнал в центральную базу. Нам нужна отмазка, что не ходили в это время по бабам.

Он театрально рассмеялся.

– Сколько? – бросил Буль.

Начальник патруля отошел немного в сторону, потянув за собой Духновского. Двое в черном слышали, как он уговаривал подчиненного не нарываться и немедленно отпустить пацана.

– Не о чем спорить, Конрад. Я напишу рапорт начальнику, – упирался Духновский.

– Делай, как считаешь нужным, – спокойно ответил начальник патруля. – Но знай, что рискуешь своей задницей, это во-первых. А во-вторых, вся эта бумажная канитель займет

немало времени. Если тебе захотелось в герои – то давай-ка сам, без меня. Мечтаешь стать сторожем – иди, если примут еще. Или все-таки хоть одна извилина осталась в твоей башке? Предлагаю по два лимона⁴ на брата. Устроит?

– Отвали. – Духновский повернулся спиной к товарищу, но ясно было, что он дал себя уговорить.

Повеселевший Буль закурил, оперся о капот полицейской машины и записал в блокнот ее номер, после чего дал знак водителю БМВ. Из машины вышел Вальдемар. Несмотря на дрянную погоду, на нем был голубой костюм в тонкую полоску и кашемировое пальто. Он двинулся к своей машине, посмотрел на сидящую внутри девушку. Моника удивленно взглянула на него и слегка отодвинулась.

– Привет, принцесса! – Он занял водительское место. Потом повернулся и с издевкой улыбнулся Староню.

Тут до Мартина дошло, что все это подстава. Куда бы он ни поехал, его все равно бы взяли. Роль полиции была в том, чтобы найти подброшенные наркотики и тем самым впутать Мартина в серьезные неприятности. То, что он выехал за город, только ухудшило ситуацию. Однако его явно хотели спасти от этих самых серьезных неприятностей. Может, они устроили это все без разрешения Слона? Мартин был уверен, что дядюшка не даст его в обиду. В его венах текла кровь Поплавских, его кровь. Все просто: сейчас ему помогут, и он будет должен им до конца жизни. Потом начнут помыкать им, как собакой. Придется плясать под их дудку. Он порылся в карманах, где-то точно еще были доллары, которые дал ему дядюшка. План созрел в одну секунду. Мартин вышел из машины, подошел к препирающимся стражам порядка и молча протянул им свернутые рулоном деньги. Те остолбенели от удивления. Даже Буль с компаньоном не решались открыть рот.

– Это все, что есть, – сказал он уже без тени страха. – Достаточно?

Начальник патруля схватил наличные и сунул в карман, не считая. Подошел к Булю, вернул документы.

– Забирайте тачку. Всего хорошего, капитан Блавицкий. – Отдал честь, снял с Мартина наручники. Сунул ему в руку ученические билеты, его и Моника. Бумажку с записями порвал и сунул в карман.

– Правильное решение, коллега. – Буль угостил его сигаретой. Полицейский взял одну, но не прикурил. Но когда напарник Буля протянул ему зажженную зажигалку, он показательно затянулся пару раз, а потом просто держал недокуренную сигарету в руке. – А как, собственно, ваша фамилия? – спросил Блавицкий с полуулыбкой на губах. Казалось, ситуация его забавляла. – Я не расслышал.

– Конрад Валигура.

– Я буду наблюдать за вами, прапорщик Валигура. Мало кто мечтает провести всю свою жизнь, патрулируя окрестности. До встречи.

Буль потянул Мартина за собой и, когда они проходили мимо оранжевой «ламборгини», сильно сдавил ему плечо, не позволяя повернуться в ту сторону. Буль ослабил хватку, только когда они приблизились к черной БМВ.

– Если бы не я, то твоя сытая жизнь закончилась бы уже сегодня, Старонь. Надеюсь, ты понимаешь, насколько ты должен быть мне благодарен?

Мартин не ответил. Он смотрел на полицейских. Тот, что взял взятку, уже садился в машину. Духновский по-прежнему стоял прямо и следил за удаляющимся взглядом правителя, только что объявившего войну. Первая битва проиграна, но все еще может измениться. Мартин чувствовал, что с ним еще будут проблемы. Этот человек не забывает обид.

⁴ В так называемых старых, до реформы 1995 года, злотых. 1 новый злотый соответствует 10 тысячам старых злотых. Соответственно, 2 миллиона соответствуют нынешним 200 злотым или 50 евро. (Примеч. авт.)

Тем не менее сейчас его заботило совсем другое. Его девушка сидит в машине с бандитом, а он ничего не может сделать, чтобы защитить ее. Он видел, как оранжевая «ламборгини» буксует в грязи и трогается. Моника испуганно смотрела на него. До сих пор, видимо, она верила, что Мартин как-то все решит, спасет ее, но надежда испарилась. Буль сунул его в машину, наклоняя ему голову, как преступнику. Рядом сидел Вой тек. На голове его были наушники от плеера, он переключал портативную радиостанцию на полицейский канал. Вскоре они услышали сообщение о том, что патруль вернулся на базу.

– Вуйтик, не сбегаешь за хлебом? Полбуханки. – Они услышали искаженный голос Валигуры. – Есть охота.

Буль рассмеялся:

– Честно заработали, пусть теперь отдохнут. Чувствую, на поллитре дело не закончится. Ты, Старонь, перестарался. Одной купюры бы хватило. – Он указал на близнеца: – Поблагодари брательника. Если бы не он, обязательно остался бы след в бумагах и вытащить тебя было бы сложно. Я приехал в последнюю секунду.

Войтек поднял руку, давая понять, что не нужно ничего говорить, они с Мартином сами рассчитаются.

– Вот же немой, святые угодники, – взорвался смехом Буль. – За все время сказал слова три, не больше.

Войтек покраснелся, как будто услышал комплимент.

– А она? – выдавил Мартин.

– Вальдемар займется твоей цыпой, – успокоил его Буль. – Ни один волосок не упадет с ее головы. Будем надеяться, во всяком случае. Главное, что тачка цела и вернулась к хозяину.

Они тронулись. Мартин смотрел на удаляющийся спортивный автомобиль. Не похоже было, чтобы он разворачивался в сторону шоссе. Вскоре он превратился в оранжевое пятнышко на фоне зелени леса.

– Скажи спасибо, что девка ему понравилась. Это его немного задобрит. Он уже собирался сделать из твоей задницы осень Средневековья. Подфартило тебе, фраер. В рубашке родился. – Он повернулся и бросил Мартину на колени пакетик с белым порошком. Тот самый, который ему подбросили. – Супертovar, только появился на рынке. Слон расплатится от радости, когда узнает, какой ты герой. Конечно, я промолчу о некоторых подробностях.

Войтек схватил пакетик первым и сунул его в карман.

– Сначала деньги, потом товар, – буркнул он.

Буль взглянул на братьев и тяжело вздохнул.

– О, смотрите-ка, голос есть, оказывается! Блин, за что мне это? Нашли няньку! – После чего он потерял интерес к братьям и обратился к напарнику: – Слушай, Майами, я был вчера в прокуратуре и заодно посмотрел на противопаводковый вал в порту. Там открылся вдруг старый канал, не обозначенный ни на одной карте. Земля провалилась, и вода из Мотлавы пошла в этот канал, а вышла на верхушке вала в Теплеве, знаешь, там, где дачный поселок. Ну и на одном участке пол-огорода накрылось медным тазом. Прибежала хозяйка, когда мы это все там огораживали, и спрашивает, много ли земли пропало. А кто-то из наших сказал: «Будете платить половину налога за недвижимость».

Майами взорвался смехом. Пока они веселились, Войтек нагнулся к брату:

– Ты должен мне двести пятьдесят баксов. Дядюшка половину дал мне, а ты, как всегда, неудачно вложился. Плюс проценты, братишка.

Елка была живая и пушистая, доставала до потолка. На ней висели в основном пряники и бумажные игрушки, сделанные в течение последних лет всеми их детьми: Пшемекон, Моникой, Ариком, Анетой, Ивоной, Олей и Лилей. В доме пахло свежей хвоей, жареным карпом и варениками с капустой. Эльжбета Мазуркевич заканчивала накрывать на стол, который занимал всю гостиную. Дочери помогали ей готовить. Болтали, хихикали. Эльжбета рассказывала,

как когда-то отмечали Рождество. Она была родом из Контов Рыбацких. Ее предки жили ловлей морской рыбы. Сейчас они ездили туда, к родственникам, на второй день праздников. Сочельник и Рождество отмечали вместе. Не было более дружной семьи, чем Мазуркевичи.

На столе было шесть, а не двенадцать блюд, как полагалось. Но все равно после праздников останется еще много еды. Эльжбета нарядилась в свой лучший сиреневый жакет. Только в него она и помещалась. После третьего ребенка – Арика – она сильно поправилась, а каждый из последующих детей прибавлял ей дополнительные килограммы. Она уже перестала обращать внимание на свой вес и надеяться на то, что когда-либо вернется к прежней фигуре. Тем более что это не имело никакого значения. У нее были дети. Муж любил ее такой, какая она есть. Она была в этом уверена.

Эльжбета протяжно зевнула. В семь утра она вернулась с ночной смены в доме престарелых, где работала санитаркой, помощницей медсестры и уборщицей одновременно, за минимальную зарплату и прибавку за сверхурочные. Денег было не много, но обязанности свои она выполняла очень хорошо. Ее семья из поколения в поколение жила ручным трудом, и Эльжбета гордилась этим. Она никогда не думала о получении образования. Ее мечты ограничивались счастливым домом и дружной семьей. Все это она получила, и больше ничего ей не было нужно.

Сегодняшняя ночь выдалась тяжелой. У одной из пациенток случился приступ, а врача не было. Когда Эльжбета уходила с работы, женщина находилась в коме. Но стоило многодетной матери вернуться домой и увидеть всех своих девочек, надевших фартучки и готовых к кухонным подвигам, она наполнилась новой энергией. Дочери, пока ее не было, занялись праздничными приготовлениями. Заставили мужчин раздвинуть большой стол, а потом отправили их за елкой и мелкими покупками.

Эльжбете усадили на стул. Самая младшая, Лилька, сняла ей туфли. Моника, словно генерал, командовала женской армией.

– Ты, мама, будешь сидеть сейчас, как королева, и не вздумай пошевелить хотя бы пальцем. Только отдавай команды, что нужно сделать. – Старшая дочь улыбнулась. – Потом ты пойдешь отдохнуть, вздремнуть, а когда встанешь – все будет готово.

Так и было. Эльжете осталось только расставить фарфоровый сервиз из своего приданого. Под скатерть она положила немного сена, в центре – облатки и металлические салфетницы. Из комнаты девочек доносился радостный писк. Там наряжались для семейной фотографии. Каждый год в сочельник Мазуркевичи фотографировались все вместе. Фотографии Эльжбета помещала в специальный альбом. Потом, рассматривая иногда снимки в этом альбоме, многодетная мать растроганно плакала от счастья.

Она выглянула в окно. Небо по-прежнему было затянуто тучами. Снега – кот наплакал. Хозяйка дома решила, что минут через пятнадцать можно садиться за стол. Муж еще упаковывал мешок с подарками и готовил костюм Деда Мороза. Она гладила его пару дней назад, штопала расползающиеся от времени швы, опять надставила костюм на боках лоскутами флага, потому что по формам они с мужем приближались друг к другу. Вшитых вставок было уже по четыре с каждой стороны. Первоисточник помнил еще рождение их первенца, Пшемека, их гордости и надежды. Никто не ожидал, но сын поступил в престижную мореходную школу. Мать мечтала о том, что он станет инженером. Первым мужчиной с высшим образованием в их семье. Костюм Деда Мороза она сшила из старой шторы, опушку сделала из ваты. Шапку обшила своим песком, который когда-то был в моде. Старшие дети уже знали, кто на самом деле покупает им рождественские подарки, но Эдвард все равно устраивал представление для маленьких и после торжественного ужина тихонько выходил на лестничную площадку, возле лифта переодевался в свой костюм, и потом поочередно каждый из детей доказывал, что заслужил подарок хорошей учебой, послушанием и прилежанием. Он изображал грозного

Деда Мороза, пугал ремнем. Всегда было очень смешно. Эльжбета ценила любовь мужа к традициям. Может быть, благодаря им они так хорошо жили все эти годы.

– Эдвард! – Она трижды постучала перед тем, как нажать на ручку двери. Ему бы не понравилось, если кто-то из детей испортил им сюрприз. Все они жили на семидесяти квадратных метрах в самом длинном зигзагообразном доме на улице Защитников Побережья, ба. В таких условиях непросто было сохранить что-либо в секрете. Им повезло, что они получили такую большую квартиру, хотя, по совести, требовалась в два раза большая. Их заявление лежало в управе уже много лет. Сначала им говорили, что они одни из первых на очереди, потом же, в результате многих политических событий и пертурбаций, очередность изменилась. Эдвард был одним из немногих работников верфи, отказавшихся записаться в «Солидарность». К политике у него было стойкое отвращение. Сейчас, правда, он немного сожалел об этом, потому что на получение новой квартиры не было больше никаких шансов. Деятели КОСа⁵ и «Солидарности» передвинулись на первые места в очереди на жилье. Фамилия Мазуркевичей же опустилась в самый низ списка. Тогда Эдвард в знак протеста уволился с верфи и стал дальнобойщиком в частной фирме. Ездил в основном за границу, это лучше оплачивалось.

– Открыто! – крикнул он, громко сопя.

Эльжбета вошла и тут же покраснела от восторга. Несмотря на то что ее муж постарел и поправился почти так же, как и она, все равно он был для нее тем самым красавцем, с которым она познакомилась на пляже в Стогах. Сейчас на нем были новый пуловер в ромбы и новая рубашка в клетку. По его мнению, выходной наряд. Он обнял ее.

– Что такое, Элюня? – Эдвард чмокнул ее в начесанные волосы. Когда она подняла голову, он увидел ее слезящиеся глаза. – Опять плачешь?

– Бог был так милостив к нам. Я очень боюсь, как бы чего не случилось.

– А что может случиться? – Он махнул рукой и вынул из шкафа мешок с подарками. – Лучше помоги мне сложить все это.

Рождественский ужин был таким, как всегда. Скромный, торжественный. Все в очередной раз сфотографировались вместе, а потом «пришел» Дед Мороз. Младшие хихикали, как Крот из известного чешского мультика. Подарки были недорогими, но каждый из детей получил то, что хотел. Под конец вечера все дружно затянули рождественские песни, подпевая телевизору. Эдвард вытащил из бара мебельной стенки вишневую настойку и налил по рюмочке себе и Пшемеку. Сын был уже взрослый, имел право выпить с отцом. Эльжбета отказалась. Алкоголь она пробовала всего несколько раз в жизни. Могла опьянеть от одной рюмки яичного ликера.

– Я горжусь вами. Учитесь и уважайте родителей. Вас так много, что, даже когда нас не станет, вы не будете одиноки, – поднял тост захмелевший отец.

Малыши поглощали сладости. Моника, не утратив серьезности, обменялась взглядами с Пшемеком. Младшая, Лилька, прижалась к ней, засыпая. Все хорошо знали этот тост. Отец повторял его каждый год.

Вдруг в дверь позвонили. Эльжбета с волнением осмотрела стол. Она забыла поставить традиционную лишнюю тарелку для одинокого странника. Впервые в жизни. «Старею», – подумала она, после чего встала и пошла на кухню за дополнительными столовыми приборами.

– Открой, – сказал отец Монике. Она сидела ближе всех к входной двери.

Девушка встала, поправила волосы. Остальные замерли в ожидании. Через мгновение они слышали лишь «Добрый вечер» и громкий хлопок закрывшейся двери. Моника, вместо того чтобы вернуться к столу, побежала в комнату девочек и закрылась там. Мать выглянула из кухни с тарелкой в руке, вилка вывалилась из ее рук.

– Доченька... – Эльжбета постучала в дверь, за которой спряталась Моника.

⁵ КОС – Комитет общественной самообороны.

– Я сейчас, – ответила та.

Пшемек сорвался с места и выглянул на лестничную клетку.

Перед ним стоял Мартин Старонь, его лучший друг. Они не виделись три недели. Из рюкзака он вынул деревянный пистолет, который был отлично сделан, выглядел как настоящий. Пшемек пару секунд сомневался, но все-таки взял игрушку и быстро сунул ее за ремень брюк, отцовских, свадебных.

– Чё тебе надо?

Мартин протянул ему маленькую коробочку.

– Можешь передать ей это? Я хотел извиниться.

– Иди отсюда, – прошипел Пшемек. – Пока отец тебя не порвал в клочья.

– А что случилось? Я хочу знать.

– Случилось, старичок, – отчеканил друг. – И не приходи сюда никогда больше.

Дверь открылась, из нее выглянул Мазуркевич. Мартин успел быстро спрятаться за углом.

– Пшемек, кто там? – с беспокойством спросил отец.

– Все в порядке, пап. Возвращайся к маме и девчонкам, – успокоил его сын.

Эдвард смерил его настороженным взглядом, потом кивнул и исчез за дверью. Пшемек двинулся за угол. Мартин стоял прижавшись к стене. Губы сжаты, глаза стеклянные. Больше ни один из них ничего не сказал. Оба понимали, что ничего уже не изменить. В конце концов Мартин двинулся к выходу, но, подойдя к лестнице, остановился.

– Если я могу что-то сделать... Если ты хочешь отомстить за нее... – Он пытался говорить, голос его сильно дрожал и ломался. – Это моя вина.

В глазах Пшемека он рассмотрел искорку понимания.

– Завтра около пяти. Там, где обычно, – бросил приятель. – Жди около киосков, пока не приду. И найди какой-нибудь ствол. Настоящий.

– Откуда? – спросил нерешительно Мартин. – Может, заявить в полицию?

– Он пьет с полицейскими, идиот, – прохрипел Пшемек. – Будут ее таскать по допросам, показывать пальцами. Невозможно будет спокойно по городу пройти. Мать сойдет с ума. Никто и никогда не должен ничего узнать. Но он заплатит.

Я все продумал. Принцип бумеранга. Что бы ты ни сделал, все вернется к тебе сторицей. Это не грех. Почитай Старый Завет.

– Я попробую, – пообещал Мартин и протянул подарок для Моники. – Передашь ей?

Пшемек покрутил в руках небольшой предмет. Упаковочная разноцветная бумага, бантик.

– Что это?

Мартин повел плечами:

– Кассета. Там есть песня, которая ей нравилась.

Вальдемар считал, что море в Польше красивее всего зимой. Перехлестывает даже через волнорез. Ночью оно густое, как кисель, тупо-синее. Днем на несколько тонов светлее. Бирюзовое, когда светит солнце. Только в это время года горизонт иногда совсем пропадает. Вода сливается окраской с небом, как будто вокруг тебя бурлящая пучина, а дальше только тьма над бездной. Все, что было, есть и будет, – все в этой грязной синеве с оторочкой из белой пены, когда стихия впадает в гнев. Олицетворение времени, которое только здесь и сейчас способно остановиться. Летний, открыточный вариант, которым все восторгаются и к которому стекаются во время летних каникул, чтобы толкаться как сардины в банке, совершенно не производил на Вальдемара никакого впечатления. Он воспитывался в Теремисках, деревеньке, затерянной в Беловежской Пуще. Зеленый был его любимым цветом: земля, надежда, стабильная жизнь. Зубры, прогуливающиеся по шоссе Хайнувка – Белая Вежа, были для него обычным

зрелищем, так же как и дикие кабаны, выкапывающие посаженную отцом картошку. Ничего другого земля в тени леса родить не желала.

Он впервые увидел море, когда ему было двадцать шесть лет, то есть три года назад. Никому не говорил об этом. Собственно, он даже и не смог бы этого сделать. В течение двух месяцев он забыл о своих корнях, настоящей фамилии, поверил в новую биографию. Дама, преподающая этикет, научила его правильно есть, одеваться. Пожилая актриса истребила его восточный акцент. Раньше он был никем, кое-как закончил техникум в Пиле – так называли полицейскую школу ее выпускники. Потом поступил в Щитно в высшую школу полиции, но уже через год бросил учебу. Зарабатывание денег было важнее.

Отец сначала страшно пил, тем более что в сарае у него было налажено массовое производство самогона. Белорусского виски. Продавал он его не только местным. В конце концов папаша помер, оставив мать без средств к существованию, с заложенной пасекой и выводком детей. Вальдемар с тринадцати лет был главным кормильцем семьи. Ему пришлось смириться с тем, что мечты о подвигах и защите отечества от преступников воплотятся в ком-то другом, а не в нем. В ком-то богаче, успешнее, чем он. В ком-то с менее сложным прошлым и настоящим. Он проводил время в патрульных машинах и коллекционировал банкноты. Превысивших скорость бедолаг он отпускал за небольшое вознаграждение. Штраф выписывал каждому пятому. В его отделении все так подрабатывали на жизнь.

Ему повезло. Коллеги брали ночные дежурства на частных парковках или пристраивались вышибалами в стриптиз-клубах. В один прекрасный день новый начальник потребовал проверки отделений, обслуживающих радары контроля за скоростью. Дело имело почти политический резонанс. Комендант страстно желал продемонстрировать быстро растущие столбики на графиках. Их отдел подозревался в коррупции, за всеми велось наблюдение. Завербовали нескольких информаторов. Выяснилось, что Вальдемар и его напарник были наиболее коррумпированными из всех патрульных тандемов. С помощью подставного лица их обвинили в принятии взяток на сумму несколько миллиардов злотых. Ему грозило увольнение и строгий выговор. Таких же, как он, взяточников выявили около тридцати человек. Большинство не признавались, упирались, твердили, что не виноваты. Некоторые до сих пор занимают свои должности, многие продвинулись по служебной лестнице. Кое-кто перешел на темную сторону. Преступные группировки охотно принимали следователей со связями.

Он изображал героя. Сказал комиссии правду. Да, он брал по пятьсот злотых за превышение скорости, но предпочел бы заниматься чем-нибудь совершенно иным. Рисковать жизнью, гоняться за преступниками, а не торчать у дороги с камерой. Какой в этом всем смысл? Злостные нарушители все равно заплатят кому надо и избегут наказания. Люди, дающие ему взятки, – обычные обыватели, были только благодарны ему. И, несмотря на то что он всегда считал себя невезучим, на этот раз кто-то наверху был милостив к нему. А может, он оказался нужным? Высокопоставленный полицейский чиновник оценил его наивный идеализм. На ситуацию повлияло также и то, что выглядел он тогда как философ сельского разлива, хотя сам был уверен, что походит не менее чем на Рембо. Всего сто семьдесят три сантиметра роста плюс шея каменотеса. В итоге он был уволен по статье, с выговором и приговором суда.

Но это только по документам. Вместо позорного увольнения Вальдемар получил более высокую должность в воеводском управлении. Планировалось, что он будет действовать под прикрытием. Полиция в Белостоке готовилась к ликвидации группировки со Стогов. Незаконная добыча и продажа янтаря, автомобильные махинации, рэкет и, конечно, наркотики. Сейчас на наркорынке появлялись новинки: разные виды ЛСД, амфетамин, таблетки. Спрос значительно превышал предложение. Бандиты открыли рынок неограниченных возможностей. Многие готовы были убить ради таких денег. Следственные органы считались настолько коррумпированными, что оперативные действия, согласно приказу, должен был взять на себя единственный тайный отдел. Решено было, что это будет Белосток, именно там впервые был

задержан Слон – тогда еще ничего не значащая пешка. Сдал корешей, быстро вышел на свободу. Но больше ни разу не попался. В то время как раз раскручивалась контрабанда алкоголя и сигарет из республик бывшего СССР. С размахом, но ничего экстраординарного. СМИ редко поднимали эту тему. Они были заняты показательными битвами прущковской и воломинской мафий. На арене были Дед, Першинг, а позже их воспитанники: Малина, Колбаса и молодой Ванька. В прилегающих к Варшаве районах все дрожало от взрывов. Если хотя бы раз в неделю не случались перестрелка, взрыв самодельной бомбы либо просто разборки врукопашную, полиция позевывала от скуки. У всех на устах были мотель «Джордж», ресторан «Гага», нападение на инкассаторов. Журналисты с жаром обсуждали нового босса теневого бизнеса – Рымпалка, хотя на самом деле он был пешкой. Из Никоса сделали топ-гангстера. Абсолютно безосновательно объявили его крестным отцом гданьской группировки. Тот не подтверждал, но и не отрицал этого. Зато любил фотографироваться на террасе сопотского Гранд-отеля в обществе Першинга, городских властей или местных бизнесменов.

О ювелире Слоне никто ничего не писал. Тем временем его маленький бизнес быстро превратился в международный концерн с филиалами от Калининграда до Берлина. Прущковские братки проворонили свой шанс, посчитав контрабанду алкоголя и сигарет недостойной внимания мелочью. У них все было серьезно: машины, наркотики и оружие. А поскольку ставки были высоки, они массово истребляли друг друга. В это время Слон был у истоков торговли надежным товаром. Но вдруг на его товар напала прущковская братва. Когда Поплавский понял, что все становится опаснее, чем хотелось бы, он заключил союз с молодым Ванькой. Общими силами они расправились с Воломином. Остальные попали в руки полиции. Молодая гвардия гангстеров стала работать на Слона, хотя журналисты считали все это заслугами прущковской мафии.

Ювелир-инвалид не имел ничего против такого расклада. Он знал старую русскую поговорку: «Тише едешь – дальше будешь». Поплавский начинал с кражи бензина во время строительства перегонного завода и с нелегальной добычи янтаря в лесах Северного порта, потом переправлял янтарь в Калининград. На него работала вся приморская общественность. В том числе и обычные, так называемые порядочные, люди. Слон знал, где продать свой товар в Германии, потом он менял бабки на машины и с семикратной накруткой переправлял их в Россию. Тогда это были просто невероятные деньги. Каждый новый русский хотел иметь крутую тачку и готов был хорошо заплатить за нее.

Вальдемар быстро сообразил, что Слон хоть и примитивен, но далеко не глуп. Это прирожденный бизнесмен, с фантазией и связями. При этом он еще и псих, который пил до беспамьтства, насиловал девок в борделях, а нескольких из них зарыл поглубже. Абсолютно безнаказанно, при поддержке следственных органов. Слон заботился о своих людях, как настоящий крестный отец. Собственно, даже те, кто был уверен в своей чистоте и правильности, как оказалось, тоже работали на Слона.

Однако бандитский кодекс обязывает только до тех пор, пока не замаячит перспектива приговора. Даже пребывание в СИЗО не гарантировало безопасности. Многих, таких как Слива и Гиль, уже нет в живых, например, потому, что Слон был беспощаден к стукачам, а того, что они успели сказать, оказалось достаточно, чтобы начать оперативные действия.

Кто-то наверху решил, что дело возьмет в свои руки Белосток. Было проведено собеседование с сотнями претендентов, во всяком случае, так говорили. В конце концов выбрали молодого, неоперившегося сотрудника, который должен будет проникнуть в ряды мафии Слона.

Именно тогда и попался им на глаза мелкий патрульный из черного списка. Школа милиции в Пиле окончена с отличием, из академии ушел по собственному желанию. Меткий стрелок, несостоявшийся автогонщик, без семьи, детей, обязанностей. Из леса, а значит, без прошлого, то есть вряд ли его кто-то сможет узнать. Потому что, кроме того, чем он занимался сейчас, ничего значимого он не сделал. Знал русский и немного немецкий. Способный. С

актерским талантом к тому же. Он был идеален для этой роли. И просто мечтал рисковать жизнью ради родины.

Тогда он ничего не знал. Ему казалось, что вот оно, счастье. Его заданием было проникнуть в среду Слона, завоевать доверие, помочь в задержании главаря и исчезнуть. Лучше всего так же незаметно, как и появился. Версия, которую знал Слон, гласила, что именно Вальдемар спас его из горящей машины. В следующем взрыве бомбы мафиози мог погибнуть, но пока он был еще нужен армии. Как оказалось, контрразведка часто использовала его как информатора. У Слона были свои люди как в России, так и в Германии. Никому не хотелось, чтобы он «сел» и начал проливать свет на «государственные тайны». Когда его время закончится, будет, например, найден его труп. самого Слона тоже забавляло все это. Говорили, что он был завербован еще до трансформации милиции в полицию. Это могло бы объяснить тот факт, что такой психопат еще ни разу не попался, причем его даже охраняли, хотя Вальдемар не знал подробностей. Официально он был только водителем преступного авторитета, а то, что изображал дурачка, помогало ему в доступе к информации. Его миссия вскоре должна была закончиться, и ему очень хотелось выйти из этой ситуации целым и невредимым.

Вальдемар считал, что на протяжении всей операции он совершил две ошибки. Первая – наркотики – ему необходимо было торговать ими, для правдоподобия. У Слона был самый лучший товар, и Вальдемар быстро понял, как хорошо он бодрит. Другая ошибка – та малолетка. Вроде и не было у него плохих намерений. Он только хотел помочь, так как она выглядела совсем растерянной. Оказалось, однако, что в связи с этим могут появиться серьезные проблемы. Сначала, когда ее брат начал ходить за ним и слухи дошли до Слона, Вальдемар смеялся. Но сегодня все усложнилось. Настырный пацан почти разоблачил его. Вальдемар принял молниеносное решение и попросил Слона раз и навсегда решить вопрос брата девушки. Он ничего не объяснял, пусть Слон думает что хочет. В конце концов, не одно дело было решено таким способом.

Вальдемар не мыслил ничего плохого. Он хотел жить и знал, что его начальство из полиции ни в коем случае не должно получить информацию об инциденте с девчонкой. Никогда. Следующий рапорт он должен был подать на будущей неделе. Но все шло к тому, что на связь понадобится выйти раньше, возможно даже сегодня. Группировка готовилась к переправке амфетамина, товара нового и очень дорогого. Экспериментальная партия. Огромные бабки. Именно эту новость Вальдемар должен был передать оперативникам в Белостоке. Еще он хотел, чтобы его миссия закончилась раньше. Из-за какого-нибудь форс-мажора, например. Ему нельзя оставлять никаких хвостов, а малолетка и ее брат могут невольно сдать его. Он корил себя, что не остановился на Елене, одной из девок Слона, которая с семи утра пила виски и никогда не грустила. Но, раз уж он начал совершать ошибки, он подвергает опасности весь отдел. В глубине души Вальдемар все еще верил, что находится на правильной стороне. С девчонкой он прокололся нечаянно. В первый и в последний раз.

Вальдемар посмотрел на часы. Хватит размышлений. Застегнул пальто, двинулся к машине. Кроме его машины на стоянке у отеля «Марина» было только несколько машин, припаркованных ближе к входу. Фраера боялись, что бушующее море зальет им двигатели. Через пятнадцать минут ему нужно было появиться в ночном клубе «Роза». Его ждали там люди Слона, а в баре несколько оперативников. Если все пройдет хорошо, то будут аресты и медали. Завтра его ждала новая жизнь. Как бы ему хотелось провести заслуженный отпуск где-нибудь далеко. Перед выходом с пляжа он еще раз обернулся на море. Оно казалось опасным, непредсказуемым, как всегда перед штормом. Таким он любил его больше всего.

Мартин уже час сидел на досках у гимнастического зала на улице Личманского. Он чувствовал, как его ступни примерзают к ботинкам. Неожиданно ударил мороз. Старые рыбаки предсказывали снегопады. Снег будет идти обильно и пролежит до марта. Во всяком случае, таковы были прогнозы. Мартину надоело ждать. В голове пару раз мелькнула мысль о том,

что Пшемек решил позабавиться. Он подумал, что даст другу еще десять минут, а потом пойдет домой греться. Вдруг он увидел, как кто-то перепрыгивает через забор. Расстояние было слишком большим, чтобы понять, тот ли это, кого он ждет. Но через мгновение появился второй силуэт, и это точно был Пшемек.

– А он зачем? – Мартин указал на Иглу, когда приятели приблизились на расстояние вытянутой руки.

– Пригодится. Рукастый, – буркнул Пшемек и сунул в рот сигарету. Замерзшая зажигалка отказывалась гореть. Игла услужливо вынул спички и подал Пшемеку огонь. Только после этого брат Моники спросил: – Достал?

Мартин склонил голову:

– Пытался. В мастерской никого не было. Они устроили себе рождественские каникулы или готовятся к чему-то крупному. Даже ни одной машины не притащили в логово.

Пшемек с трудом сдерживал бешенство.

– И что теперь? – сказал он, опустившись на доски.

Мартин сунул руку во внутренний карман пуховика и вытащил ключ для откручивания колес. Далее последовали ножовка по металлу, полиэтиленовые мешки, скотч и слезоточивый газ.

– Что это? – в ужасе прошептал Игла.

Мартин взглянул на него с пренебрежительным сочувствием, пояснил:

– Монтировка. Самая большая из всех, что были. Немецкая.

Пшемек встал, взял в руку металлическую трубку. Изобразил удар.

– Кино не смотришь? – довольно усмехнулся он. Сигарета уже жгла ему губы. Он отшвырнул окуроч вперед.

– Убить легко. Трудней всего избавиться от тела. Небольшие изменения в планах, но ничё, прорвемся.

Игла часто заморгал. Он натянул капюшон пониже. Нос его был красный, а губы синие. Мартин пощупал его куртку, она была тонкая, без подстежки.

– Ты как оделся?! – воскликнул он. – Тебе на шухере стоять! Промерзнешь до костей. Как ты нас предупредишь? – Он сорвал шапку с его головы. – Еще и шапку какую-то стеклянную напялил. Мать тебя не любит, что ли?

Пшемек, до сих пор занятый рассматриванием приспособлений, принесенных Мартином, резко обернулся:

– Ты, принц Старонь, отвали от него. Они там, в приюте, «вранглеров» не носят.

Мартин посмотрел на Иглу:

– Ты из детдома?

Тот кивнул.

– Правда? – И уже дружелюбнее добавил: – Ты не говорил.

– Ну, вот и сказал. – Пшемек встал на защиту Иглы. – В случае чего поменяемся куртками.

Мартин несколько секунд колебался, после чего снял пуховик, стянул толстовку и дал Игле.

– Нам и так будет жарко.

Роли были распределены. Мартин вынул голубую бумажку, и каждый втер себе в десны немного ЛСД.

– Нам пора, господа, – решился Пшемек.

Шесть дней спустя Мария Старонь открыла дверь и увидела своего брата вместе с избытым мужчиной с перевязанной головой, которого поддерживали полицейские в форме. Один из них был величиной со шкаф. Несмотря на мороз, он был без шапки и сверкал лысым черепом. Нос его покраснел, полные губы потрескались. В белой пуховой куртке он напоминал

снеговика. Мария вспомнила его и подумала, что догадывается, почему его называют Булем. Было десять утра. Вечером они собирались отметить Новый год в Гранд-отеле. Мария была уже в шубе, готова к выходу. Перед появлением неожиданных гостей она красила перед зеркалом губы морковной помадой и нечаянно испачкала себе зубы. Почему-то подумала тогда, что это плохой знак. В новой лисьей шубе ей было уже жарковато. Она постучала с нетерпением в дверь ванной.

– Минуту!

Она услышала звук передвигаемых корзин для белья, а потом шум воды в раковине, увидела силуэт мужа, движущийся за дверью с матовым стеклом. Она была уверена, что Славомир прятал что-то в корзинах для белья, и решила, что по возвращении обязательно проверит свою догадку.

– Иду, – прозвучало из-за двери.

Она оглянулась. Войтек, с плеером в ушах, сидел на стуле возле двери. Глядя на экран телевизора, он бил очередной рекорд в тетрис и терпеливо дожидался родителей. Славомир должен был отвезти ее с сыном в костел. Мартин с ними не собирался. Даже не встал к завтраку. Он не исповедовался уже несколько лет, а в этом году впервые не отметил с семьей Рождество. Весь вечер он таскался по улице, отец даже хотел позвонить в полицию. А когда вернулся, то объявил:

– Бога нет, – после чего отказался от еды и пошел к себе наверх.

Потом в течение долгих лет Мария сожалела, что они не уехали в костел несколькими минутами раньше. Может, тогда не потеряли бы все свое имущество. Славек не попал бы в тюрьму, а ей не пришлось бы стыдиться за брата, который оказался беспощаден даже к собственной семье. Можно было бы посмотреть в глазок и дать знак мужу, чтобы он вышел через черный ход. Хотя все равно из-за Мартина им не удалось бы сбежать. Какая мать оставит ребенка, когда тому грозит опасность.

– Прапорщик Конрад Валигура. Отделение полиции Гданьск-34, оперативно-следственный отдел. Узнаете ли вы этот предмет? – Один из полицейских протянул Марии металлическую трубку из пакета с вещдоками.

Женщина почувствовала беспокойство, но пока не страх.

– Может быть, муж... Он разбирается в таких вещах.

– Можно? – Буль толкнул дверь, переступил порог, а остальные проследовали за ним. – Удобнее будет общаться.

Мария пригласила гостей в кухню.

– Может, чаю? – Она старалась быть гостеприимной.

Никто не ответил.

– А я с удовольствием. – Слон улыбнулся. – Сколько лет мы не пили вместе чай, сестричка?

Мария не ответила. Поставила чайник на плиту. Войтек освободил гостям место за столом и переместился на лестничные ступеньки. Через мгновение из ванной вышел Славомир. Он подошел, чтобы по-свойски поздороваться с Булем, но тот отступил. Старонь взглянул на перевязанную голову Вальдемара.

– Присядь, это займет какое-то время. – Буль указал Славомиру на стул. Потом снял куртку и повесил ее на вешалку. Погладил ее, как будто она была живым существом. На нем был черный свитер и военные штаны. – Не желаете ли прогуляться по городу? Парикмахерская? Косметолог? – обратился он к Марии.

– Что, простите? – Женщина часто заморгала. – На дворе Новый год.

– Я бы посоветовал, – вставил Слон. – Чего не сделаешь ради красоты. Пацана тоже лучше забрать. – Он указал на Войтека. Парень поднял голову, впервые оторвавшись от игры. Он наблюдал за ситуацией молча.

– Поезжайте. – Славомир очень спокойно обратился к жене. – Забери его, Марыся. Все будет хорошо.

Женщина какое-то время смотрела на мужа, ничего не понимая, но вдруг выпрямилась.

– Это мой дом. – Она взглянула на Слона. – И ты не будешь мне здесь приказывать.

Она сняла шубу и села за стол. Дала знак сыну, чтобы тот пошел к себе наверх. Тот, однако, засел между этажами, так как оттуда открывался хороший вид на гостиную и кухню. Он снял наушники и облокотился о перила.

Дальше все происходило очень быстро. Славомир бросился бежать. Мария стала отчаянно звать на помощь. Слон встал с коляски, подтянул к себе сестру и заткнул ей рот. Женщина сначала извивалась, била ногами, но, когда увидела, что делают с ее мужем, поняла, что единственный шанс для нее – прекратить сопротивление. Если убьют их обоих, дети останутся сиротами.

Славомир не успел добежать до коридора. Двое полицейских в форме схватили его под руки. Буль избивал его кастетом, а потом металлической трубкой, которую он так и не вынул из пакета для вещдоков. Той самой, которую мальчики оставили в комнате Вальдемара в ночном клубе «Роза» перед тем, как улизнуть от оперативников. С утра в новостях твердили, что полицейская акция удалась. В тюрьме сейчас находятся тринадцать мафиозных боссов, уверяли журналисты. Как видно, с головы Слона опять не упало ни волоса. Он стоял, бесстрастно глядя на сцену избиения, только для порядка держа сестру, как в клещах. Через минуту пакет для вещдоков был весь в крови. Старонь лежал без сознания на полу.

Мартин разбудил шум, но встал он не сразу. Инстинкт самосохранения подсказывал ему подождать. Когда наконец он в пижамных штанах сбежал вниз, окровавленный отец уже лежал на полу. Мартин задержался на верхней ступеньке, рядом с братом. Именно с такого расстояния он в прошлый раз видел инвалида. Сейчас он не моргая смотрел на дядьку, который стоял на собственных ногах. Слон свободно передвигался, от его инвалидности не осталось и следа. Ступор прошел. Из рта отца раздался ужасный хрип. Мартин подбежал, поднял голову Славомира, чтобы тот не захлебнулся собственной кровью.

– Похоже, на новогодний бал он не пойдет, – попытожил Слон и отпустил Марию.

Никто не рассмеялся. Полицейские тяжело дышали, Буль растирал ушибленную руку. Только Вальдемар не принимал участия в разборках. Он сидел неподвижно и выглядел ошеломленным. Женщина подбежала к мужу и попыталась привести его в чувство. Лицо несчастного напоминало рубленое мясо. Нос сломан, глаза налиты кровью, но живой, хоть и едва дышит.

– Со мной такие номера не проходят, родственничек, – объявил Слон и обратился к своим людям: – Вы же видели, что он напал на сотрудника при исполнении, когда услышал обвинение?

– А я, благодаря своей тяжелой руке, смог себя защитить, – добавил Буль.

Дядя обратился к Мартину:

– А ты видел что-нибудь, сынок? Или ты был с мамой в костеле, когда твой отец устроил здесь бойню?

Мартин молчал, вглядываясь в здоровые ноги брата матери.

– У тебя есть что сказать, мой мальчик?

– В костеле, – прошептал Мартин.

Мария с облегчением вздохнула.

– Я был с мамой в костеле. Я ничего не видел, – повторил парень громче.

– Хороший мальчик. – Слон опять уселся в коляску. Ноги ловко втянул вперед, заложил одна на другую, потом вынул из-за пазухи фляжку и солидно к ней приложился. – Выучи урок. Твой отец сдал нас легавым, поэтому пойдет на зону. Когда он выйдет, ты будешь уже старым

пердуном, если вообще ему удастся дожить до звонка. А Вальдемар только что вышел из больницы. Он уже чувствует себя так, как твой старик будет чувствовать себя послезавтра. Но придется мне подыскать себе нового водилу. Где это видано, чтобы слепой возил хромого.

Только сейчас до Мартина дошло, почему Вальдемар сидит так апатично. Он ослеп.

– Что вы с ним сделали? – прошептал Мартин.

– Так заканчивают доносчики, – сказал Слон. Потом нажал кнопку на подлокотнике коляски и подъехал к выходу. – Можно быть или за меня, или против меня. Принцип прост. Легко запомнить.

Отец Мартина был не в состоянии поднять голову, но, когда Слон проезжал мимо него, он собрал последние силы и плюнул ему на ботинки.

– Ты будешь гореть в аду, антихрист, – прохрипел он ко всеобщей радости. – И знай, что у тебя в банде есть доносчик, потому что это не я сдал тебя. На этот раз не выкрутишься.

Слон встал, подошел к свояку и сильно нажал на один из его глаз. Раздался ужасающий вой. Мартин закрыл глаза, но не заплакал.

– Ладно, хватит развлечений. – Слон обратился к племяннику: – Где живет этот пацан?

Мартин не сразу понял, что имеет в виду дядюшка. Он смотрел на Слона, парализованный страхом. Мать его тряслась и всхлипывала.

– Кто? – пролепетал он.

– Брат той девки, тот, что угрожал Вальдемару.

– Угрожал?

– Тот, кто украл у него ствол. Это наш. Не притворяйся идиотом.

– Не знаю, – соврал Мартин.

– Если тебе хочется врать, то практикуйся чаще, потому что как-то не получается. – Слон пренебрежительно фыркнул. – Думаешь, мы не узнаем? Дом-зигзаг, но какой именно?

Тогда к Слону подошел Войтек. В его руке был деревянный пистолет, который Мартин спрятал в печи за его кроватью.

– Это я его забрал, – сказал он. Голос его был твердый и решительный. Без тени страха.

Слон на мгновение потерял дар речи. Он всматривался в кусок дерева, после чего схватил парня за щеку и рассмеялся, как будто услышал хороший анекдот.

– Мартин, сынок, ты даже не представляешь, как я люблю тебя, фраерок.

– Войтек, – уверенно поправил его близнец. – Меня зовут Войтек. Нас легко различить, дядюшка.

Слон отпустил его, вернул деревяшку. Он не дал себя обмануть, но оценил смелость племянника.

– Ты поедешь с нами, шутник, – указал на него пальцем Слон. – И не пытайся ничего выдумывать, а то мамочка и братик долго не протянут. Скажи дружку, чтобы вернул ствол, тогда ничего никому не будет. Лучше, чтобы он не попал в чужие руки.

Мартин схватил Слона за рукав:

– Пожалуйста, не трогайте этих детей. Моника и так настрадалась. Ее мать этого не переживет.

Слон смерил племянника с головы до ног ледяным взглядом:

– Посмотрите, какой рыцарь, – и влепил ему пощечину. – Давай-ка заканчивай с наркотой. Может, тогда для чего-нибудь сгодишься.

Полицейские подхватили Славомира и направились к выходу. Провожали их вопли матери, которая проклинала брата, била его и одновременно умоляла оставить в покое Войтека, но Слон стряхнул ее руку, как пыль с одежды. Сын повернулся и крепко обнял мать.

– Я вернусь, – пообещал он.

Затем бросил Мартину свой плеер, магнитофон упал на пол, и из него вывалилась кассета. Войтек только слегка покачал головой и пошел в сопровождении Буля. Мартин понимал,

что у него очень мало времени, чтобы предупредить Пшемека. Его парализовал страх. Он считал, что видит брата в последний раз. А потом, прежде чем побежать самой короткой дорогой, через микрорайон, в квартиру Мазуркевичей, он упал на колени и подумал о Боге. Никогда, не раньше и не позже, он не был так уверен, что только Бог может им всем помочь.

Мартин уже четвертый месяц жил у тетки Ханны в Матемблеве. Каждый день ел дичь, потому что дядя был лесничим и много охотился. Гулял по лесу, сидел на террасе и наблюдал за дикими кабанами, которые подходили совсем близко к жилым домам. Несмотря на то что земля еще не прогрелась, трава вся была изрыта, как перепаханное поле. Животные искали еду и совершенно не боялись людей.

Мартин постоянно слушал одну и ту же кассету, *The Best of The Doors*, оставленную Войтеком в плеере. На *The End* поврежденное падением примитивное устройство всегда зажевывало пленку. Он прочел все пригодные для чтения книги. Осталась только религиозная литература, которой у родственников было очень много. О папе римском, библейские легенды и католические газеты из санктuariя Богородицы, Носящей во Чреве⁶. К этому он не притрагивался.

Они уехали из Гданьска на следующий день после ареста отца. Собрали только один чемодан и сели в автобус. Отцу вменялось в вину участие в организованной преступной группировке. Кроме того, контрабанда краденых автомобилей, посредничество в сбыте иного краденого имущества, угрозы расправы со Слоном, попытка побега и избиение должностного лица при исполнении. Все имущество было арестовано, включая валютные счета. Из отца сделали преступника. Против него давали показания несколько десятков свидетелей.

Сначала мать отправила Войтека к младшей сестре в Гамбург. Она боялась, что именно на нем сконцентрируется месть Слона. Кроме того, ясно было, что Войтек лучше, чем Мартин, справится вдаль от семьи. Сестра и ее муж уверяли, что парень хорошо себя ведет, быстро учит язык, помогает в бухгалтерии. Войтек не жаловался и, как всегда, не создавал проблем. Написал два аккуратных письма, а потом и это забросил. Когда ему звонили, говорил междометиями.

Мартин должен был к нему присоединиться, но муж сестры упрямылся, не желая принимать под свою крышу очередного племянника. Официально обговаривались расходы, а матери заплатить за содержание двоих сыновей было нечем. Все деньги, которые удалось спасти, пошли на адвокатов, чтобы освободить отца. Мария продала за бесценок шубы, драгоценности и фарфор. Все, на что не наложили лапу приставы. Сама она устроилась уборщицей в больницу – образования у нее не было, она рано вышла замуж, никогда прежде не работала. Теперь ночами мыла полы, выливая мочу из уток. Радовалась ночным дежурствам, ночью ей было не так стыдно. Приезжая навестить сына, она в основном отсыпалась. Выглядела уставшей, измотанной, таяла на глазах. Однажды Мартин подслушал, как она жалуется сестре, что на самом деле муж младшей сестры отказывается принять Мартина из-за прилипшего к нему клейма хулигана и наркомана. Это его больно укололо.

Половиной его багажа были книги. Он намеревался вернуться и сдать все экзамены. Мать привезла ему гитару, но он ни разу к ней не притронулся.

Тетка Ханна опекала его, как жертву трагедии. Тряслась над ним, старалась вкуснее накормить, реагировала на каждую мелочь. Возможно, потому, что собственных детей у нее не было. Каждое воскресенье она молилась перед статуей Богоматери в санктuariи. Возвращалась в благостном настроении, казалось радуясь тому, что в доме есть ребенок. Она обещала сестре, что Мартин останется у них столько, сколько будет необходимо. Пусть и навсегда. Ханна предлагала Марии, чтобы и она переехала к ним, но та упорно отказывалась. Она боялась, что они

⁶ Известный санктuariй в Матемблеве.

могут лишиться дома, если оставят его без присмотра. Ей хотелось верить, что, как только муж вернется, все будет как раньше. Но шли месяцы, а долгожданный хеппи-энд не наступал.

Больше всего Ханна переживала за Марию. Сестра исхудала, выглядела как узница концлагеря. Как будто страшная болезнь пожирала ее изнутри. Ханна убеждала сестру, что та должна перестать заламывать руки и верить, что все будет хорошо. Мария отвечала, что Ханне проще, благодаря вере в Бога. А она так не может. Разве мог Бог допустить такое? Со временем Мария перестала приезжать. Мартин проводил много времени в обществе тетки. Она каждый день рассказывала ему о Слоне, за которого все еще молилась, и просила Бога о милосердии. Она пыталась найти логическое объяснение действиям брата, считая, что после смерти его семьи в него вселился демон. Однажды она придумала выход и поделилась идеей с мужем.

– Может быть, свозить его к экзорцистам?

Супруг пожал плечами.

– Юрек наверняка болен, – уговаривала она саму себя и всех вокруг, готовя обед. – Его душа одержима злостью. Бог наказал его, забрав семью. А он, вместо того чтобы, как Иов, принять это как проверку на силу веры, братается с дьяволом.

Мартин с трудом сохранял спокойствие. Он собственными глазами видел, что Слон здоров, что он просто притворяется.

– Он очень плохой человек, тетя. Это не просто мелкий бес. Это психопат. Он любит причинять боль другим. Лишил зрения человека, которого считал сыном. За что? Неизвестно. Может, ему все равно, кого заставлять страдать. Но этот человек теперь ослеп, потому что Слон так захотел. Не Бог!

Тетка крестилась и испепеляла Мартина богобоязненным взглядом.

– Бог знает, что нам посылает. Радуйся, что он уберет тебя, что ты не сын Юрека, что твои родители – Славек и Марыся. Если бы все сложилось по-другому, сама не знаю, кем бы ты сейчас был.

– Но я не его сын! И Вальдемар тоже нет! Родителей не выбирают! А его дети были виноваты в том, что у них был такой отец? Они погибли в огне. Где тогда был твой Бог? Ослеп? Оглох?

Тетка внимательно посмотрела на него. Она хотела что-то сказать, но промолчала. Мартина передернуло.

– Иисус говорил: «Милости хочу, а не жертвы. Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»⁷.

Он забрал твоих кузенов, потому что такова была их судьба. Каждый несет свой крест. Не занимайся темными делами, даже не думай об этом, потому что тогда Сатана придет за тобой. Он использует любую возможность, чтобы добыть человеческую душу. – После чего она открыла Библию и прочла: – «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное»⁸.

Мартину в одно ухо влетало, из другого вылетало. Когда тетка закончила, он пошел в свою комнату, чтобы приглушить бешенство. Включил телевизор, как раз шли новости. Ведущая говорила о реставрации старых гданьских домов, вручении наград экологам. Какой-то

⁷ «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф., 9: 13).

⁸ «Не думайте, что я пришел...» (Мк., 5: 17–20).

политик разглагольствовал на тему реструктуризации в полиции. Мартин как раз собирался переключить канал, когда показали кадры: вход в клуб «Роза» в Сопоте и автостраду Гданьск – Варшава.

«Таинственная смерть брата и сестры М. – объявила ведущая новостей, – шестнадцатилетняя Моника М. была найдена вчера мертвой в ванне в гостиничном номере 102. Девушка не была изнасилована, на ее теле не было следов побоев. Судмедэксперт исключил участие в инциденте третьих лиц. Причиной смерти была остановка сердца, вызванная передозировкой экстази. Во второй половине дня идентифицировано тело ее брата, восемнадцатилетнего Пшемислава М., учащегося Конрадинума. Отделение полиции в Эльблонге проводит расследование обстоятельств данного дела. Предварительный осмотр показал, что молодой человек погиб в результате автомобильной аварии. Полиция обращается ко всем водителям, которые с шестнадцати до восемнадцати часов находились неподалеку от места происшествия и могли бы своими показаниями помочь следствию. Связаны ли эти две смерти между собой?»

Вошла тетя. Мартин поспешил убрать звук телевизора.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – заботливо спросила она и поставила перед ним тарелку с едой.

Мартин кивнул, и тетя вернулась на кухню. Потом он долго сидел неподвижно. Раньше ему казалось, что после того, что он пережил, его уже ничто не сможет тронуть. Ни испугать, ни взбесить. Со дня последней встречи с бандитами Слона он ничего не чувствовал. Был как замороженный. А сейчас будто вышел из комы. Его переполняло бешенство. Настолько сильное, что он не мог дышать. словно кто-то затягивал у него на шее металлический обруч. Ему пришлось открыть рот, чтобы набрать воздуха. Сердце вырывалось из груди. Парень смотрел на рыдающую на экране мать Моника и угрожающего коррумпированной полиции отца. Он не слышал их слов, но ему казалось, что каждое из них обращено к нему. Это он виноват в их смерти. Он убил их обоих. Сначала Моника, потом Пшемека. Ему хотелось исчезнуть, раствориться в воздухе, подобно запаху. Следующая новость касалась рождения в зоопарке жирафят. Крошка жираф пытался встать на ноги. Мартин не мог на это смотреть. Вскочил с кресла, сорвал с вешалки зеленую парку.

– Ты не будешь есть? – прибежала обеспокоенная тетя.

– Мне нужно прогуляться, – ответил он очень спокойно. Ему даже удалось выдавить улыбку.

Тетя погладила его по лицу.

– Свежий воздух взбодрит тебя. Я потом подогрею.

Мартин бродил по лесу несколько часов. Не понимая, как это получилось, он оказался вдруг на автобусной остановке. Посмотрел расписание. Автобус до Гданьска отправлялся через пятнадцать минут. Он выудил из кармана несколько монет и купил в продуктовом магазине льготный билет. Он хотел поехать, взять пистолет, спрятанный в сейфе-печке, и всех их перебить. Слона, Вальдемара, подкупленных полицейских. Всех, кого он видел, всех, кто принимал участие в расправе.

Вовсе не Мартин с друзьями избили тогда Вальдемара. Они не успели даже войти в номер. Мальчишки могли максимум спровоцировать людей Слона на драку, пока не ворвался спецотряд. Может, кто-то из людей Слона подслушал их разговор? Он не мог понять, что именно случилось. В одном Мартин был абсолютно уверен: это он во всем виноват. Это из-за него пострадала Моника, а потом погиб Пшемек. Жив ли Игла? Уезжая, он попросил того отдать пистолет людям Слона. Самому ему не хватило духу снова увидеть дядюшку. Если бы Слон узнал, что во всем этом принимал участие его племянник, то наказал бы и его, и мать. И шлепками по попе дело бы не ограничилось. Украденный у Вальдемара ствол был завернут в тряпку, а затем в целлофановый пакет. Потом все упаковали в коробку из-под обуви и спрятали

в «сейфе» – одной из печек в комнате родителей. За услугу Мартин отдал Игле свой пуховик, несколько доз и ключи от дома. Приятель радовался куртке, как ребенок. Дыры от забора его совершенно не смущали.

Через несколько дней, когда Мартин уже был уверен, что дело благополучно завершено, Игла передал ему кассету через знакомого таксиста. В кассете была спрятана записка. Игла писал, что ничего не получилось и что он уезжает из города. Просил, чтобы Мартин позвонил в продуктовый магазин напротив приюта в четыре часа. Им удалось тогда поговорить всего несколько минут. Игла дважды был в доме Староней. Один раз у него даже получилось вынуть пистолет из «сейфа», но он не успел незаметно уйти.

– Меня застукала твоя мать, – рассказывал он. – Она позвонила директору приюта и сообщила, что я проник к ней в дом и хотел ограбить. Третий раз не стану и пытаться. Я обещал ей и себе, что не приближусь больше к вашему дому.

Он замолчал. Мартин тоже ничего не сказал в ответ.

– На днях меня переводят в коррекционный центр для трудной молодежи. Пока я еще несовершеннолетний, но через семь месяцев мне стукнет восемнадцать. Продержусь как-нибудь пока, а потом они не найдут меня. Рвану в Варшаву. Я добыл себе гитару, буду играть на улице. Ничего, прорвемся. Если хочешь вернуть ствол, тебе придется сделать это самому.

Они договорились, что пока не будут общаться. Сейчас, после просмотра новостей, Мартин уже ни в чем не был уверен. Удалось ли Игле благополучно уехать, или с ним тоже случился какой-нибудь «несчастный случай»? Или опять Мартин, главный виновный, спрятавшийся в лесной норе как трус, узнает об этом из новостей? То, что Слон пощадил их с братом, объяснялось только родственными связями. Собственно, дядька никогда ни в чем не подозревал его, так как считал слизняком.

В последний раз Мартин увиделся с друзьями на пляже. Они считали, что им удалось обвести вокруг пальца и гангстеров, и полицию. Ветер трепал их по щекам, море было бурным. Вечером пошел снег, подтверждая прогнозы старых рыбаков. Парни боялись, что будет дальше, но друг перед другом изображали мачо. Мартин скручивал очередные косяки, а потом притворялся, что играет на гитаре. Игла пел. Пшемек не переставая курил.

– Молодец. – Мартин впервые похвалил Иглу. – У тебя голос – зашибись. Может, не такой, как у Курта, но что-то в нем есть.

– Я бы хотел когда-нибудь создать свою группу, – признался Игла.

Они уже были изрядно одурманены алкоголем и наркотиками. Выпили по несколько банок пива, пустые помятые упаковки валялись вокруг.

– Да ты нажрался, идиот, – попытожил признание друга Пшемек. – Какая группа? Что за бред?

– Наша. – Игла повел плечами. – Я, Старонь и ты.

Повисла пауза.

– Как тебя хоть зовут? – спросил Мартин. – Если уж мы организуем группу, хотелось бы хоть что-то о тебе знать.

– Янек. – Игла улыбнулся. – Меня зовут Янек Вишневский, и я из детского дома. Я был уже в трех семьях, но ни одна не подошла. Теперь ты все обо мне знаешь.

Они уже выкурили всю травку.

– Ничего не получилось, – очень медленно сказал Старонь. Он с трудом подбирал слова, ему казалось, что время тянется как резина. – Ой, я обкурился, – добавил он и захихикал.

– Может, оно и к лучшему, – вставил Игла серьезно. – Нас не посадят, и мы сможем заняться группой.

– Попробуем еще раз. – Пшемек вытащил ствол Вальдемара. Это был черный газовый пистолет, переделанный в огнестрельный. На стволе виднелась резьба для накрутки глушителя,

которого на момент кражи не было в комплекте. Ни один из них не разбирался в оружии, но они видели, как Вальдемар заряжал оружие, это казалось пустяком. Еще им удалось заграбастать коробочку с патронами. Пшемек вынул свою деревяшку и отдал ее Мартину. – Игрушка – твоя. Я беру ствол.

– Ты здесь босс. – Мартин улыбнулся, подарок ему понравился.

– Точняк, – поддержал Игла. Ему тоже хотелось быть в команде, но третьего пистолета не было. Мартин дал ему подержать деревяшку, но Игла горящими глазами вглядывался в настоящее оружие. Он повторял, как в трансе: – Бог любит троицу. А если нас закроют, то можно играть и на зоне.

Опять рваный смех. Мартина вдруг озарил момент осознания всего происходящего.

– А почему троицу?

Пшемек был трезвее всех. Он пихнул кореша в плечо:

– Потому что нас трое, идиот. Святая троица.

– Если посадят одного, то остальные отомстят, – загорелся Игла.

– Один за всех, и все за одного. – Мартин чуть не задохнулся от смеха.

– В этом весь Старонь, – прокомментировал Пшемек. – Обдолбался, и зубы сушит.

Они двинулись по домам. Каждый в свою сторону. Это была их последняя встреча.

Сейчас Мартин понимал, насколько наивными они были. Он наклонился, и его вырвало на тротуар. Теперь снова можно было дышать нормально.

– Может, вызвать скорую? – поинтересовалась старушка, пришедшая на остановку с тряпичной сумкой. Она была будто из другой эпохи, классическая деревенская бабулька.

– Может быть, у вас найдется ручка и бумажка? – спросил он в ответ. – Мне пришла в голову одна идея.

Старушка удивленно посмотрела на него.

– Не важно. – Мартин махнул рукой.

Она провожала его взглядом, когда он перебежал улицу, чтобы вернуть билет, но продавщица отказалась возвращать ему деньги. Она ругалась, что уже поздно, что автобус вот-вот будет на остановке. Мартин в него не сел, а пошел вдоль тротуара. Автобус трогался с места, когда Мартин остановился, сам не зная зачем. Он вслушивался в звук ритмично работающего двигателя, напоминающего рев оранжевой торпеды. Все началось с той машины. Автобус уже разогнался по прямой и поравнялся с идущим парнем. Мартин повернулся и сделал шаг прямо под его колеса. Последнее, что он помнил, – это Моника. Округлость ее плеча. Длинные худые пальцы ног. Потом все застелил туман.

Молочная мгла до странности напоминала пар в девичьей школьной душевой.

Весна 2013 года

Она проснулась резко, как всегда. Раз, два – и вот она, суровая реальность. Ей опять ничего не снилось. Сначала она испугалась, что проспала, не услышала будильник, опоздает на работу, потому что надо еще отвезти ребенка к свекрови. Потом все было тоже более чем привычно.

Ничего не было видно. Все застилала молочная мгла. Надо зажмуриться.

Она была не одна. Слышались шорохи, как будто кто-то мял куски полиэтиленовой пленки. Где-то вдалеке тихий разговор и пульсирующее: пик, пик, пик. Она не могла разобрать слов, доносящихся до ее ушей. Скорее чувствовала, чем слышала присутствие нескольких человек. Одним из них была женщина. Ноздри раздражал запах дешевых духов, который оставался в воздухе, даже когда женщина выходила из помещения. Наверное, она хромала, деревянная подошва равномерно шаркала по линолеуму. Этот звук был самым невыносимым, но, к счастью, быстро утих.

На этом все, и так каждый день. Она была не в состоянии открыть глаза. Ощущение собственного тела покинуло ее. Вся она превратилась в простую мысль: «Где я?» Потом пришли следующие: «Я умерла? Я на том свете? Существует ли вообще тот свет?»

Вместо ответа она услышала быстрый стук деревянных подошв. На этот раз в сопровождении нескольких других пар обуви.

Резиновые подошвы, разные комплекции, характеры, возраст. Они окружили ее. Их было несколько человек. Воздух вокруг нее сгустился. Она сумела пошевелить ладонью. Укол. Испугалась, рефлекторно дернула рукой. Боль была недолгой, колющежгучей, но терпимой. В голове ее пронеслись слова из песни:

Могло быть по-другому на роковом пороге,
И кто-то будет вечно гореть теперь в аду.
Две жизни, два надгробья, в газетах некрологи,
И кто-то нам накликал нездешнюю беду...

Она хотела что-то сказать, но язык был как деревянный, шевелился с трудом. Наконец ей удалось дотронуться кончиком языка до губ. Они растрескались и болели.

– Потихоньку. – Она услышала успокаивающий женский голос. Определить возраст женщины было не под силу, но она внушала доверие. Это от нее так пахло дешевым жасмином. – Я смочу вам губы. Пока еще нельзя ничего пить.

Она ощутила на губах что-то холодное и мокрое, дотронулась языком до влажного шпателя. Она бы все сейчас отдала за глоток воды. Веки будто заржавели. Дрогнули на миллиметр. В уголках глаз она ощутила жгучие слезы, несмотря на то что не собиралась плакать. Слезы катились, неприятно щекоча щеки. Ей хотелось вытереть их, но рука отказывалась подчиняться. Она вдруг забеспокоилась о том, что, возможно, у нее нет руки, лица, ног. Или она вся забинтована и никогда уже не будет красивой. Если раньше и была.

– Тихонечко. Спокойно. – Опять этот женский голос. Наверное, ей около пятидесяти. Что-то сильно сжало ее плечо. Потом она почувствовала холодные пальцы на сгибе локтя. Неожиданный укол без предупреждения. Игла. Только секунду было больно. Потом постепенное облегчение. Она ойкнула.

– Необходимо было поставить катетер, – услышала объяснение. – Старый засорился, потому было так больно.

Скорее жгло, чем болело, но она радовалась, что хоть что-то чувствует.

– Добавьте в физраствор магний и калий. Какая-то она нестабильная у нас, – прозвучала команда. Мужской усталый голос. Около сорока, но выглядит, возможно, старше. Наверняка носит бороду и много курит. Пессимист.

Несколько пар рук маневрировало вокруг ее тела. Слезы стали литься ручьями, вымывая ржавчину из-под век.

– Ждем, – добавил мужчина, дотронулся до ее щеки. Нос уловил запах никотина, осевший на пальцах. Недавно выкурил сигарету.

Рывком разлепила веки. Опять эта молочная мгла, ничего больше. Потом туман стал рассеиваться, превращаться во что-то прозрачное, вроде стекла в струях дождя. Наконец она увидела ручку шкафчика. Металлическую, круглую, с облесшей из-за постоянного использования краской. Где-то она уже видела эту ручку.

Сначала ее взгляд упал на врача. Загорелый мужчина в помятом халате, с седыми, неровно подстриженными усами. Потом на двух женщин в сестринских колпаках, которые суе-тились вокруг ее кровати. Одна из них была в старомодных ортопедических шлепанцах, это они так шаркали. Она слегка наклонила голову. В дверях стояли еще двое мужчин. Ее внима-ние привлекли диагональные завязки, выглядывающие из-под бахил. В палате больше никого не было. Никаких цветов. Рольшторы опущены. Темнота. Только немного точечного света, падающего на пустую, аккуратно застеленную кровать рядом с ней. И этот маленький белый шкафчик с круглой ручкой. У нее дома был такой? Она не могла вспомнить. Испугалась, что все еще спит.

Они молча смотрели на нее. Ей хотелось кивнуть, поздороваться, но язык не слушался, едва ворочаясь во рту, как невымешанное тесто. Потихоньку, как советовала эта милая жен-щина. Никаких резких движений, все будет хорошо. Уже хорошо. Она жива. Наконец кончи-ком языка ей удалось дотронуться до зубов.

– Как вы себя чувствуете?

Врач наклонился в готовности читать по губам. Бороды у него не было, только усы, но все равно он выглядел плохо для своих лет. Мешки под глазами. Пессимист. Она оказалась права. Ей хотелось улыбнуться, что-то сказать, но вместо этого она только открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег. Она не могла выдать ни слова. Наконец из ее горла раздался слабенький хрип.

– Как вас зовут?

Она уже устала, ей снова хотелось спать, поэтому закрыла глаза.

– Вы меня слышите?

Врач дотронулся до нее, и ей пришлось заставить себя снова открыть глаза.

– Как вас зовут? – повторил он свой вопрос громче.

– За... – выдавила она очень тихо. Казалось, что прошла вечность, пока ей удалось соеди-нить звуки в это короткое слово. Но, услышав его, она поняла, что произнесла свое имя непра-вильно. – За... За... – повторяла она один слог каким-то чужим альтиком. Она сосредоточилась и с усилием заставила язык принять нужную позицию. На третий раз получилось: – И-за... Иза-бе-ла... За... Козак.

Лицо врача сейчас не выражало никаких эмоций, зато медсестра улыбнулась, как будто это она возрождалась к жизни вместе с Изой.

– Сколько вам лет?

Она хотела сказать: тридцать девять. Нечеловеческое, безуспешное усилие. Пришлось опять судорожно хватать воздух. Тридцать девять. Думал ли кто-нибудь когда-либо над тем,

насколько трудны для произношения польские числительные? Она бы предпочла, чтобы ей было сорок, а еще лучше сто. Это так легко выговорить.

– Ри... ца... – в очередной раз уподобилась рыбе. У нее болело горло, что существенно осложняло дело. Раскашлялась. Только сейчас ощутила страшную боль внизу живота. Намного большее, чем при родах. Как будто вместо внутренностей у нее была дыра.

– Где вы живете?

– Чер-нов-ско-го, 2, – ответила она на одном дыхании, уже без рыбьих заглываний воздуха, и поняла, что правильное дыхание очень важно. – Черновского, – хрипло, но триумфально повторила она.

Доктор оценил ее старания. Усы его были в остатках чего-то белого, вроде сахарной пудры.

– Вы понимаете, где находитесь?

Она осмотрелась. Преобладание белого цвета. Металлическая кровать, аппаратура, к которой она подключена.

– Больница?

– Что вы помните?

Перед глазами опять поплыл туман, из которого появилось лицо женщины. Когда-то они были подругами. Ей казалось, что она вот-вот задохнется. Горло сжалось. Ей было знакомо это чувство, это был смертельный страх. Последнее, что запомнилось. «И кто-то будет вечно гореть теперь в аду». Язык онемел. Она опять не могла вымолвить ни слова.

– Тахикардия сто сорок, аритмия! – крикнул врач медсестрам, кивая на монитор. – Давление сто восемьдесят на сто десять!

Иза в отчаянии схватила его за руку. Кажется, она нечаянно вырвала катетер, так как почувствовала укол, но боль не имела значения. Она хватала воздух, любой ценой стараясь что-то сказать.

– Люция, – прохрипела она по слогам. – В меня стреляла Люция Ланге. Помню барабан ре-воль-вера.

Она откинулась на подушку и закрыла глаза. Монитор пищал как сумасшедший. Сердце стучало все быстрее. В голове пульсировало. Она чувствовала бешеный страх у себя в груди.

– Изоптин, сороковка! – распорядился врач.

Страх заметно уменьшился, сердечный ритм замедлился.

– Давление сто шестьдесят на сто, пульс сто, – услышала она.

Ее глаза были открыты, она всматривалась в ручку тумбочки. Доктор вытер себе пот со лба, на усах его уже не было сахарной пудры.

– Вам нужно отдохнуть. – Он погладил ее по щеке. – И нельзя нервничать.

Перед дверью стояли двое в форме. У каждого – по кобуре на ремне. Они забавно выглядели в бахилах и зеленых флизели-новых халатах. У стены, слегка ссутулившись, сидел третий мужчина, в гражданском. Полный, в очках. Поношенная джинсовая куртка, на ногах – дешевые кроссовки. Видно было, что двое первых подчиняются непосредственно ему. Он уже представлялся заведующему отделением, но тот не запомнил фамилии. Что-то, связанное с горой. Какая-то шишка в управлении. На лбу его виднелись глубокие морщины, но лицо было гладким, без щетины. Он хотел что-то спросить, но доктор поднял руку в протестующем жесте и велел выйти из палаты реанимации.

– Завтра, – заявил он категорично. – Состояние нестабильное, пациентка все еще борется за жизнь. – Он знал, насколько важны ее показания, но ничего не мог поделать. И, обменявшись взглядами с шефом, повторил: – Допрос будет возможен только завтра. Конечно, если состояние не ухудшится.

Подошла медсестра и протянула ему карту на подпись. Врач вынул из кармана ручку и размашисто расписался в указанных местах.

– Неврологические нарушения, двигательная афазия. Вызовите невролога, пусть осмолит ее как можно скорее.

Сестра повернулась и пошла по длинному коридору. Полицейские по-прежнему стояли на своих местах и смотрели на врача, как будто рассчитывая на изменение решения.

– У пациентки проблемы с речью. Возможно, что и провалы в памяти тоже, – пояснил врач. – Но все вернется. Память возвращается постепенно, фрагментами. Со временем все восстановится.

– Что она сказала? – спросил главный. Куртка распахнулась, показался живот, нависающий над ремнем брюк. Доктор увидел пистолет в кобуре на груди полицейского. Теперь он вспомнил. Конрад Валигура, начальник Гданьского управления полиции. Он видел его несколько раз по телевизору. В форме начальник управления выглядел намного респектабельнее. – Она назвала фамилию преступника? – Вопрос прозвучал как приказ.

Врач вынул из кармана помятый листок и прочел:

– Люция Ланге, если я правильно понял. Вам говорит что-то это имя? Еще она сказала что-то о револьвере или, скорее, о барабане револьвера.

– Спасибо, доктор. – Инспектор Валигура слегка качнул головой. Фамилию подозреваемой он записал в блокноте. – Вы постарались.

Доктор взглянул на не слишком чистые кроссовки полицейского, но промолчал, хотя в реанимацию был запрещен вход без бахил.

– Лучше, если с ней будет разговаривать один и тот же человек, – подчеркнул врач.

Он вернулся в отделение и нашел в списке номер дежурного невролога.

– Необходимо осмотреть пациентку с огнестрельным ранением. Мы вывели ее из комы, речь нарушена. Мне кажется, что это связано не только с интубационной трубкой. Правый уголок губ опущен. Спасибо, коллега.

Он положил трубку. Только сейчас почувствовал, насколько устал. Его дежурство должно было закончиться еще одиннадцать часов назад. Сначала он оперировал, эту женщину с трудом спасли. Сейчас напряжение потихоньку уходило, а он едва держался на ногах.

Неделей раньше

Не я быю – верба бьет. Через неделю Велик День...

Семь деревянных посылочных ящиков, обклеенных штрих-кодами британской почты, стояли на беленом полу. Спереди они были покрыты тонким слоем снега, который моментально таял в теплом помещении и превращался в грязную лужу. Саша Залусская разрешила защитную пленку, потом долго срывала ее и засовывала в мусорный пакет. Наконец появились корявые буквы, написанные детской рукой по-английски: «Книги», «Одежда», «Стекло», «Странные вещи – Каро», «Бумаги мамы», «Люстра». Саша закурила, уселась на полу потурецки и подумала о том, что эти коробки очень похожи на забытые в спешке прежним жильцом, а ведь все это было ее имущество. «Старею, – подумала она, – начинаю обрастать хламом».

Еще десять лет назад она могла уложить все в багажник «Вольво-740». Потом бывало, что все ее вещи помещались в одном кожаном рюкзаке или их могла заменить кредитная карта в кармане. А сейчас ей тридцать шесть лет, и у нее семь небольших контейнеров, набитых до краев. А сколько еще коробок осталось в Шеффилде? Подписанных, тщательно обернутых пленкой. Перед самым отъездом она решила, что не будет перевозить их в Польшу. С таким количеством вещей убежать было трудно.

Ключи от квартиры она получила сегодня утром в киоске Гданьского аэропорта, вместе с картой, на которой был обозначен маршрут, и листком с надписью мелким почерком:

«Хорошей новой жизни! Д.» Она никогда не видела мужчину, который сдал ей квартиру. Объявление нашла на сайте Гамтри. Двухэтажный дом в стиле модерн, 1910 года постройки, на улице Королевы Ядвиги, всего в трехстах метрах от пляжа. Квартира располагалась на втором этаже и была двухуровневой. С хозяином они связались через скайп, он показал фотографии. Сто двадцать метров вездесущей белизны, со стеной огромных окон, выходящих на тихую улочку. Старые, хорошо сохранившиеся доски на полу, открытые беленые кирпичи на стенах. До пирса всего три минуты, включая спуск по ступенькам. Даже не верилось, что в Польше есть такие квартиры. Она сразу согласилась, хотя можно было и поторговаться. Хозяин очень обрадовался и дал координаты сводного брата.

От него Саша больше узнала о хозяине. Гениальный фотограф, кажется, погряз в долгах. Значит, тоже беглец. Свои вещи он раздал знакомым. Спросил, нравится ли ей что-нибудь. Она попросила оставить кухонные приборы, светлую софу из «Икеа», старый стол из нелакированного дерева и красный комод с выдвижными ящиками. Туда отправятся «странные вещи» ее дочери, Каролины. Рядом с куклами Барби и пастельных оттенков единорогами там были разукрашенные шкатулки, стеклянные шары из разных городов и предметы католического культа: крестики, фигурки, иконки, четки. Ее дочь обожала все это, причем чем более безвкусыными были вещицы, тем больше они ей нравились. Светящиеся Богоматери принимали участие в играх наряду с единорогами и плюшевыми пони. О маленьком Иисусе заботились Мерида и Кен, четки и медальоны Каролина носила, как бижутерию. Сашу поначалу это беспокоило, но потом она решила не обращать на это внимания.

– Для Каролины Бог – это кто-то близкий, обычный, – объяснил ей один из польских ксендзов в Шеффилде.

Коробка дочери была самой большой, но Саша не отважилась выбросить ни единой вещи. Все сокровища шестилетней девочки путешествовали вместе с ними по новым домам. В отличие от матери ребенок собирал вещи.

Они поднялись на второй этаж, и Саша онемела. Никаких украшений. Никакого выпячивания псевдосовременного дизайна, которым изводили ее агенты по недвижимости. Она сразу догадалась, что фотограф создавал этот уголок для себя, по какой-то причине не закончил и вынужден был уехать. А может быть, его просто ничего здесь не держало. Впрочем, ей это было неинтересно, она была рада, что он сдал ей эту квартиру, оформленную как будто специально для нее. Просторный лофт, с высокими шестиметровыми потолками. Идеальная детская с антресолями. Каролина сделала пируэт и сразу объявила, что ее комната будет наверху. Наконец у нее будет собственный домик на дереве. При виде того, как дитя бежит по лестнице без перил, сердце Саши чуть не остановилось от страха, но Каро через мгновение была уже наверху. Слышно было, как дочь осваивает новое пространство. Единороги пели, коты мяукали, слон, у которого садились батарейки, ревел, словно в агонии. В шкафу были развешаны платья девочки, на полках расставлены книги и принадлежности для рисования. Полноценного ужина не получилось. Уставшая Каролина уснула. Саша прислушивалась к ровному дыханию дочери. Лягушка-путешественница, подумала она. Без труда освоится в любом новом месте, где бы ни оказалась, но нигде у нее не получится по-настоящему пустить корни. Саша корила себя за это, но пока ничего не могла изменить.

Было только восемь часов вечера, но за окном уже стемнело. Подбрав под себя босые ноги, Саша сидела на диване и вглядывалась в китайскую каллиграфию в форме рога буйвола. Подарок хозяина квартиры, он писал об этом в имейле. Саша сочла это красивым жестом. Каллиграфия была здесь очень уместна.

Одна из комнат была заперта. Залусская долго искала ключ от этого помещения, пока не обнаружила его на счетчике. Она вошла и сразу поняла, что это идеальное место под рабочий кабинет. Там оставалось несколько хозяйских вещей: два штатива, принтер без провода, ящик с CD – похоже, временный фотографический архив, а также крупноформатные негативы в пронумерованных папках. Вскоре кто-то должен был все это забрать. Она открыла ставни и замерла. Из окна она увидела фасад старого дома с крошечной часовенкой на высоте четвертого этажа. Кто-то зажег в ней лампадку. Саша не могла понять, каким образом можно туда добраться. Она решила, что теперь это будет ее стена плача.

Саша принесла выдавший виды, усыпанный детскими наклейками макбук и подключила его к розетке. Одним движением расстегнула бюстгальтер и вытащила его из-под клетчатой рубашки. Расплела косу, резинку натянула на запястье, как браслет. Средней длины рыжие волосы рассыпались по плечам. Пока компьютер загружался, она всматривалась в темное небо над стеной плача, вслушивалась в тишину. Потом подошла к коробке с надписью «Мамины бумаги» и вынула стопку сшитых листов, помеченных маркером. Она никогда не думала о том, как все обернется, долго ли они здесь пробудут. На данный момент программой минимум было закончить нарративный анализ биографий преступников. Обо всем остальном она подумает позже. Важно было только то, что здесь и сейчас, в ближайшие двадцать четыре часа.

Она ни на секунду не пожалела о том, что решила так неожиданно для всех вернуться в Польшу, несмотря на то что профессор Том Абрамс – ее научный руководитель в Международном центре судебной психологии при Хаддерсфилдском университете и самый близкий человек – был категорически против. Он не переносил ее, когда она поступила в докторантуру, причем чувство было взаимно. Профессор считал ее лесбиянкой-феминисткой, а она его безнадёжным лопухом. Они грызлись как кошка с собакой, причем не только по научным вопросам, но и по бытовым, общечеловеческим. Абрамс делал из нее дурочку при каждой встрече, оспаривал выводы, придирался к словам, посмеивался над ее польским акцентом. Много раз она плакала, вернувшись домой, и мысленно бросала учебу. И однажды действительно ее терпение лопнуло. Она решительно заявила, что у нее не лежит душа к географическому профайлингу и она хочет заняться тем, что ей на самом деле интересно. А именно нарративным анализом биографий преступников. После этого она без предупреждения уехала в Польшу и провела первое анкетирование среди польских женщин-заключенных. Тогда профессор стал ее уважать.

– Географический профайлинг – это будущее следственной психологии, – сказал он ей. Она уж подумала, что это вступление к очередной морали. – Это гарантировало бы вам работу в любом месте земного шара, но в перспективе нарративы могут больше привнести в науку. Вам следует выбрать: слава или миссия.

Наконец вмешался Дэвид Кантер⁹, гуру профайлинга и ее второй руководитель, формально босс Абрамса. Когда-то они вместе основали кафедру следственной психологии и были как двуйцевые близнецы. Разные, как огонь и вода, они прекрасно дополняли друг друга. Кантер был знаменитостью, Абрамс почти не давал интервью. Все студентки обожали Кантера за стильность и обаяние. Абрамса, наоборот, ненавидели за тяжелый нрав и отсутствие вкуса. Он носил носки с сандалиями, отутюженные джинсы со стрелками и аляповатые рубашки в комплекте с рыбацкими безрукавками. Кантер высмеивал Зимбарда, называл его шоуменом, считал, что единственная цель его исследований – это достижение популярности, Абрамс же обожал автора «Эффекта Люцифера» и тайне от Дэвида общался с Филиппом.

⁹ Кантер Дэвид – создатель и пропагандист метода дознания, именуемого профайлингом (заключается в определении характеристик преступника на основании вещественных доказательств, собранных на месте преступления, способа совершения преступления, выбора жертвы и т. д.). Ввел термин «психология расследования». (Примеч. авт.)

– Надо быть ближе друг к другу. – Кантер улыбнулся. Он приближался к семидесяти, но решил начать обучение в музыкальной школе. Он сочинял симфонии и изводил студентов концертами струнного квартета. Уважение, которое все испытывали к нему, не позволяло критиковать его «произведения». Только Абрамс публично обозвал их кошачьей музыкой. Ему это разрешалось.

– Это означает, что вы согласны на то, чтобы через полтора года работы я сменила тему диссертации? – переспросила Саша дрожащим голосом.

Вместо ответа, она увидела лучшее улыбка лицо Кантера. Абрамс, в свою очередь, добавил на ломаном польском:

– *Z niewolnika nie ma pracownika*¹⁰.

С этого обсуждения она уходила на ватных ногах. Эти двое никогда не были настолько едины в своем мнении. Они разрешили ей уехать в Польшу и провести исследования. Профайлер ездила по тюрьмам и собирала материал, а Каролина оставалась с бабушкой Лаурой. Благодаря этому бабушка и внучка очень сблизилась. Саша дважды в неделю разговаривала с Абрамсом по скайпу и ловила себя на том, что на расстоянии он не такой уж и нудный. Ей даже показалось, что он верит в ее исследования. Правда, он ни разу ее не похвалил, но зато перестал критиковать. Однажды у него даже вырвалось: «Вау!», что сразу же было обращено в шутку, дабы она не сочла себя гениальной. Со временем Саша полюбила острый язык Абрамса, а через несколько месяцев они перешли на «ты». Оказалось, что профессор очень ценит ее работу. Он устроил ей приглашения на несколько важных конференций, несмотря на то что она еще не закончила диссертацию. Помогал с публикацией ее статей в серьезных научных журналах. Вскоре ее стали цитировать светила следственной психологии. Она узнавала от коллег о том, что Абрамс постоянно вспоминает ее и ставит в пример слушателям мастерских курсов, хотя сам ни разу ей в этом не признался. Казалось, что он искренне заинтересовался методом жизненных нарративов.

– До сих пор никто не проводил таких исследований, – подчеркивал он. – Каким бы ни был результат, ты будешь первой, протопчешь путь. В мире науки новые перспективы – это самое главное.

В прошлый раз, когда она была в Польше, они общались дважды в неделю. Таким образом, ее некогда главный враг сегодня заклевал бы любого, осмелившегося подставить ей ножку.

– Тебе надо захлопнуть дверь, – повторял он, как мантру, при прощании. – Хаос мешает творческому мышлению. Дай время времени. Действуй медленно, но, главное, действуй.

– Времени время, – смеясь, поправляла она, – говори по-английски.

Прежде, напротив, он сам терзал ее за не слишком академичный английский. Он плохо говорил по-польски, но все равно старался произвести на нее впечатление. Он обожал слово «грушка» и вставлял его куда ни попадя, особенно когда у Залусской случались приступы гнева. Это разряжало атмосферу, приступ гнева превращался в приступ смеха. Абрамс утверждал, что в его венах течет польская кровь, несмотря на то что сам он никогда в Польше не был. Его дедушка и бабушка были родом из окрестностей Познани, но Абрамс был не в состоянии выговорить названия деревни. Однажды он показал ей на карте это место – Колатка Колония. Семья будто бы эмигрировала в Великобританию под фамилией Абрамчик. Отец Тома, он сам и три его сестры родились в Лондоне. По мнению Саши, интерес Тома к Польше был сугубо теоретическим. Она советовала ему как можно дольше сохранять идеальное представление о стране предков.

– Окажись ты здесь на самом деле, твоя шкура могла бы сильно пострадать, – объясняла она. – Ты не выдержал бы долго без всех этих ваших социальных удобств и вежливости. И

¹⁰ Из раба плохой работник (польск.).

никогда бы не привык к повсеместной грязи и бюрократической логике. Разве только красота женщин и краковская колбаса пришлись бы тебе по вкусу.

– Могла бы пострадать моя кожа? Ты имеешь в виду телесные повреждения? – заинтересовался Абрамс. Он был еще более бритиш, чем мятные шоколадки.

Когда Саша сообщила ему, что скоро уезжает, он опечалился. Потом стал перечислять плюсы жизни в Англии. Он видел разницу, так как следил за событиями, происходящими в Польше, церковными новостями, интересовался последствиями смоленской катастрофы. Он выписывал польское интернет-издание «Политика», но читал только короткие статьи. Профессор мало что понимал из прочитанного, поэтому мучил вопросами Сашу, благодаря этому и она тоже была в курсе того, что происходит в польском правительстве, хотя не жила в Польше уже семь лет.

– Я здесь совершенно одна, – сказала она неделю назад, когда он пришел к ней на прощальный ужин.

– Для ученого – это не недостаток, а, скорее, достоинство, – ответил он не очень уверенно.

– Не знаю, хочу ли я остаться в академии, – призналась Саша. – Это не стоит таких жертв.

Для того чтобы содержать себя и дочь и одновременно писать докторскую, по ночам она работала в психиатрической больнице. Причем вовсе не врачом.

– Хоть это и неплохие деньги, но я не хочу быть санитаркой. Половину заработанного приходится отдавать няне. В Польше за такую зарплату можно пристроиться на ставку в отделе кадров какого-нибудь банка. Причем есть множество желающих взять меня на работу. Кондиционированные помещения, тишина, покой, уважение. Я уже договорилась по поводу нескольких собеседований.

Он смотрел на нее с недоверием. Не прокомментировал.

– Моя дочь будет общаться с бабушкой, двоюродными сестрами, – приводила она очередные аргументы. – Это важно. Семья – это очень важно, Том. Семья – это основа.

– Посмотрим, – сказал он, но Саша знала, что это означает категорическое «нет». Будь у него формальные основания остановить ее, он сделал бы это. Но она провела уже все интервью, собрала материалы, у нее было сто восемьдесят анкет преступниц разного возраста, разного социального происхождения. Ей осталось только правильно систематизировать данные, проанализировать их и написать работу. В том, что защитится, Саша была уверена. Даже если результаты не будут ошеломляющими, все равно она станет первой.

Было еще кое-что, о чем Саша не могла сказать Абрамсу. Ей хотелось уехать, сменить окружение главным образом из-за него самого. Она никогда не дала ему понять, что ей хотелось чего-то большего, он тоже ни разу не перешел границ, но это висело в воздухе. Все сплетничали о них. Исключительно способному Абрамсу никогда раньше никто не нравился. Жизнь старого холостяка начиналась и заканчивалась научной работой. У него было только два романа, но он не жил ни с одной из возлюбленных. Первая ушла, сказав, что не собирается конкурировать с его работой. Другую – любовь всей своей жизни – он оставил сам.

– Она постоянно опаздывала, – так он объяснил разрыв.

Таким образом, все свое время Том посвящал терзанию студентов и докторантов, выжимая из них последние соки. Однако Саше удалось добиться его благосклонности, и она сама не понимала, как это получилось. Даже Кантер был обеспокоен этим. Однажды он вызвал Залусскую на разговор и попытался выяснить, есть ли роман между ней и Томом. Кантер отметил, что не видит для этого никаких препятствий, они оба взрослые люди, но тем не менее это не должно сказываться на ее работе, и он предпочел бы, чтобы они не афишировали свои отношения. Саша удивилась, резко опровергла его догадки. Но наконец начала замечать то, о чем давно говорили в институте. Судебная психология – совсем маленький факультет Хаддерсфилдского университета, а сплетни – как и везде – расходятся очень быстро. С этого момента она не могла уже спокойно переносить странные взгляды, намеки, тем более что понимала,

насколько глубоко Абрамс вошел в ее частную жизнь. Саша не хотела притворяться, играть, Том ей действительно нравился. Пусть себе говорят, думала она. Еще ей хотелось, чтобы у Каролины был перед глазами хороший образец мужчины, девочка называла Тома дядей.

Все изменилось, когда Абрамс пригласил Сашу отужинать вдвоем. Он был известным сквалыгой, а кабак выбрал дорогой. Саша знала, что он хочет ей что-то сказать. Под каким-то ерундовым предлогом она отказалась от свидания, так как очень боялась, что вечер вдвоем все испортит. Том был для нее сейчас единственным близким человеком, она верила ему и всегда могла на него рассчитывать. Но каждый новый ход приближал бы расставание. Если бы она сказала ему, что не испытывает взаимности, потеряла бы его навсегда. К тому же, несмотря на то что мысль об одиночестве до конца дней давалась ей с трудом, она не была пока готова к совместной жизни с кем бы то ни было. Поэтому предпочла спешно уехать. Ей хотелось бросить все и дать себе время подумать о будущем.

Открыто она была противницей общего представления о том, что женщина чувствует себя настоящей женщиной только тогда, когда у нее есть мужчина. Но в глубине души одиночество было ей в тягость. Клеймо матери-одиночки давало о себе знать на каждом шагу. Она была одна, но не одинока (читай: несчастна). У нее были ребенок, работа, правильно организованное время. В этом одиночестве было много достоинств. Ей удалось сохранить финансовую независимость, научную активность. Она жила как хотела. Никто не указывал ей, что делать. Трудновато было только в праздники и во время отпуска. У всех в ее окружении были семьи, и она не вписывалась ни в одну из компаний. В такие моменты Саша уговаривала себя: быть одной хорошо, это позволяет много работать, а работа делает тебя свободным.

Если говорить об эмоциях, то их просто не было. Саша была словно заморожена, пребывала в ожидании чего-то, что никак не приходило. Правда, когда во время бессонных ночей она смотрела на свою жизнь со стороны, не ощущала ничего, кроме жалости. В глубине души она чувствовала себя хуже и слабее других, но никогда бы не призналась в этом публично. Быть с мужчиной из-за того, что так принято, она тоже не сможет. Саша предпочитала свою одинокую жизнь отношениям ради отношений или, еще хуже, ради денег или обманчивого чувства безопасности. Только иногда, очень редко, она мечтала о том, чтобы сбросить на кого-нибудь хотя бы одну из материнских обязанностей, позволить себе свободу, но пока это было, к сожалению, невыполнимо. Каждый день она была на посту, как дневальный. У Каролины только она одна, а дочь для нее важнее всех на свете. Пока, кроме Каро, в Шашином сердце не было места ни для кого другого.

Саша включила ноутбук, ввела пароль и вошла в Интернет. Она собиралась поработать, но, подумав, отложила рукопись. Желая отвлечься, Саша стала просматривать свой любимый альбом о мостах Дэвида Брауна. Большинство фотографий были помечены птичками, эти сооружения она видела живьем. Остальные ей только предстояло увидеть. В выпускных классах лицея она мечтала стать архитектором. Ее очень интересовало то, как можно придумать конструкцию, основание которой находится в воде. В политехнический ей поступить не удалось, и, чтобы не терять даром времени, она пошла на психологию. Но три последующие попытки поступить на архитектурный факультет тоже потерпели фиаско. Саша с трудом смирилась с отсутствием таланта в этой сфере. Зато факультет психологии она окончила с красным дипломом, при этом без особых усилий. На третьем курсе Саша устроилась на работу в полицию. Она не собиралась ни быть психотерапевтом, ни просиживать штаны в университете. Раз уж ей не дано ничего построить, то она, по крайней мере, решила принять участие в проекте «справедливость». Она мечтала о крутых операциях, о том, что ее «труды» войдут в историю так же, как самые знаменитые мосты мира. Но теперь она понимала, насколько наивной была и как сильно переоценивала свои возможности. Жизнь поставила ее на место, заставила изменить свой подход к работе. Спесь пришлось заменить скромностью, миссию – рутиной.

На первом месте была безопасность. Из всех черт молоденькой Саши остались только ответственность и привычка к тяжелой работе. В малых анонимных действиях она видела великий смысл человеческого существования.

Завтра она навестит мать. В субботу нужно будет освятить яйца. В воскресенье, впервые за несколько лет, она проведет пасхальный завтрак вместе с семьей. Саша любила яйца под майонезом. Нигде в мире нет такой запеченной свиной вырезки, фаршированной черносливом, и маринованных грибочков. Она примет участие в семейном фарсе, встретится с братом. Выслушает тираду о том, что обязательно нужно найти себе кого-нибудь, так как одинокая женщина дичает, причем в ее возрасте требования к мужчине растут, а шансы устроить жизнь, наоборот, уменьшаются. Саша увидит новую невесту брата и лишний раз убедится в том, что ей самой вряд ли может кто-нибудь подойти. У ее брата неплохой вкус, а каждая новая избранница оказывается моложе предыдущей. Когда в прошлый раз она сказала ему, что это свидетельствует о его незрелости, он ответил, что его супруга еще не родилась.

Ее размышления прервал звонок по скайпу. Это был профессор Абрамс. Саша автоматически застегнула верхнюю пуговицу рубашки и нажала на кнопку «ответить». У нее сейчас не было желания говорить, но игнорировать его она тоже не хотела, тем более что он видел значок «доступна». Видимо, переживает, хорошо ли они добрались. Ей была приятна его забота.

Лицо пятидесятилетнего мужчины заполнило экран. У него была пористая кожа с нездоровым румянцем, но зато очаровательная улыбка. Саша видела фотографии его в молодости и была крайне удивлена тем, что в те времена он сходил за денди. Правда, его сегодняшний гардероб в основном был именно из той самой эпохи, то есть из восьмидесятых. Главным его грехом было чревоугодие. Она хорошо знала Тома, и ей было известно, что он очень переживает о том, как выглядит, но одновременно делает все, чтобы уничтожить остатки своего обаяния ночными нашествиями на холодильник. При такой тучности остальные мелочи уже не имели значения. Близоруко прищуренные глаза (очки он не носил из-за лени), некогда точеный нос, теряющийся теперь в налитых щеках. Копну седых волос он пытался, как всегда, зачесать назад, и это только усиливало эффект полного сумасшествия, в котором люди обычно подозревали профессора при первом знакомстве.

– Ты постригся, – мурлыкнула Саша, стараясь выжать из себя что-то большее, чем вежливость. – Интересная прическа.

– Универсальная, профилирующая. – Том еще сильнее растрепал волосы. – У меня новая парикмахерша. Немного похожа на тебя.

– Ты флиртуешь со мной? – спросила Саша, смеясь.

Его губы растянулись в улыбке.

– Просто очень переживал за тебя и малышку. Как квартира? У тебя есть диванчик?

– Перейди на ан-глий-ский, – потребовала она. – И не перегибай с уменьшительными формами, это ужасно! Нет у меня диванчика!

– Я постоянно думаю о том, правильно ли ты поступила. Еще столько работы впереди, – сетовал он, – здесь, на месте, тебе было бы проще. Взять хотя бы исследовательскую группу, обсуждения со мной и Дэвидом.

– Перестань, Том, – прервала она его. К ее удивлению, профессор послушно замолчал. – Справлюсь. Собственно, докторская мне нужна только для того, чтобы получить степень. Я приняла решение. Ухожу. Хватит мне трупов, хватит этой беготни вокруг преступности. Бумажка. Она поможет выставлять более высокие счета, понимаешь?

Том что-то сказал, но Саша не услышала. Добавила несколько децибел.

– Ты знаешь, что такое счета, правда?

Том махнул рукой.

– Я понимаю даже разницу между нетто и брутто, ты меня недооцениваешь.

– Ты мой мэтр. – Саша улыбнулась. – А теперь перестань, я все равно всегда делаю то, что хочу.

– Ты уверена?

– Да. – Она протяжно зевнула. – Я валюсь с ног. Давай созвонимся завтра, хорошо?

Абрамс был разочарован.

– Я говорил с Дэвидом, – начал он. – Мы все еще думаем о твоём географическом профайлинге. Может быть, займешься этим после нарративов?

– Том! Ведь ты же знаешь, как я это ненавижу. Я полтора года корпела над этими картами. Из-за вас, вы меня заставляли. Я для этого не жуюсь! Боже, я надеюсь, что ты не скажешь мне сейчас, чтобы я искала нового руководителя?

Саша отошла за сигаретами, а когда вернулась, Том сидел надутый.

– Мы уже говорили об этом. Не злись!

– Нарративы – это само собой. Ради науки. Но нам нужен и специалист по географии. И практик! Мы сейчас заманили на факультет Кима Россмо¹¹. Места еще есть, могу придержать одно и для тебя. Это всегда и везде гарантировало бы тебе работу. В Польше ли, в каком-либо другом месте, где ты захотела бы жить. Это сейчас хит. Тебя бы приглашали на все семинары. Знаешь, сколько у нас заказов? Эта жирная ирландская задница, этот Джеффри Тимберленд, постоянно куда-то ездит, несмотря на то что туп как полено. Но, увы, по географии у нас нет никого, кроме него. Еще у тебя есть возможность получить грант, например в Ягеллонском университете в Кракове. Они прямо загорелись идеей заполучить тебя. А из такой маленькой страны попасть туда было бы проще.

– Пусть Кантер найдет кого-нибудь другого. На кафедре есть греки, у них тоже кризис. Пока я хочу сделать то, что запланировала. И доведу все до конца за собственные деньги, если вы мне не позволите, – закрыла она тему.

– Хорошо. – Том поднял руки. – Я только подумал, что ты могла бы вернуться в Хаддерсфилд.

– Ты просто скучаешь, старичок, – сказала Саша по-польски.

– «Старичок»? Не понимаю.

– Я тоже люблю тебя, Том, – перешла она на английский. – Мы поговорим и об этом, когда придет время. Не исключено, что я изменю мнение. Но не сейчас. Я могу делать хорошо только одно дело. Уже поздно. Тебе завтра к восьми в институт. Отдохни.

– Приятных сновидений, Сашка. И помни, ты всегда можешь рассчитывать на меня. В любое время и в любой точке мира.

– Знаю. Спокойной ночи. – Она отключилась и написала ему в чате:

«Будь осторожен и не ешь сэндвичи. Ешь суп. Супы – это лекарство».

«Журе́к¹², – ответил он. – Я буду ждать, когда ты приедешь и приготовишь журек».

Саша отправила ему смайлик-поцелуй и быстро сменила статус на «недоступный».

* * *

Саша как раз задремала, когда эта женщина опять начала стонать. Она открыла глаза, посмотрела на часы. Было почти одиннадцать. Стоны становились регулярными. Эхо несло их по двору-колодцу вверх, прямо в уши Мадонны на стене плача. Сначала Саша подумала, как мило, что люди любят друг друга. Но когда женщина принялась сопеть, выть и кричать во все горло: «Да! Да!..» – Саша подошла к окну и с силой захлопнула рамы. Она чувствовала нарастающую злость.

¹¹ Россмо Ким – канадский криминолог, создатель метода, названного географическим профайлингом. (Примеч. авт.)

¹² Журек – традиционный польский суп на хлебной закваске с домашней колбасой и вареным яйцом.

Выдернув из-под головы подушку, она свернулась в позе эмбриона. Концерт соседки длился еще несколько минут. Саше нечем было заглушить любовников. Телевизора у нее не было, а идти к компьютеру, чтобы включить музыку, не хотелось. Слушая крики соседки, Саша поймала себя на мысли, что они ее возбуждают. Она дотронулась до груди. Соски слегка напряглись. Саша разделась, подошла к зеркалу. Она смотрела на себя, как будто это был кто-то чужой. Какая-то посторонняя веснушчатая рыжая женщина. Наконец подумала, что все не так уж плохо. Она все еще способна нравиться. Возможно, не самой себе, но кому-нибудь – наверняка. Например, Абрамсу. Плохая шутка. Прежней стройности уже не было, но фигура была пропорциональной. Выраженная талия. Грудь небольшая, но упругая. Грушка. Она слегка улыбнулась, вспоминая любимое словцо Тома. К ее фигуре оно как раз очень подходило.

Саша повернулась к зеркалу спиной и решила, что при таком освещении выглядит не так уж и отвратительно. Спина с левой стороны, от лопатки до бедра покрыта шрамами от ожогов. Как будто не кожа, а папье-маше. Это была отметина, оставшаяся после пожара, когда синтетическая штора приклеилась к ее телу. Если хорошо присмотреться, то на шраме можно даже увидеть узор из ромбов с небольшими эллипсами внутри. Она опять встала лицом к зеркалу. Спереди кожа была гладкой, ей нравились ее веснушки на белой как молоко коже, которая никогда не загорала. Сейчас пришлось отказалась еще и от бассейна и открытой одежды. Саша подняла волосы. Не хватало фрагмента уха – почти незаметный дефект, даже с подобранными волосами. Она не старалась скрывать это. Люди иногда спрашивали. Она лаконично отвечала, что дефект у нее с детства, что было неправдой, и от одного воспоминания об этом Саше стало грустно.

«Я испортила себе жизнь, и теперь меня не ждет ничего хорошего», – подумала она. Саша жила ради дочери. Но если бы не тот пожар, то не было бы и Каролины. Когда-то она была слишком эгоистична, чтобы размножаться. Вдруг застеснявшись собственной наготы, она снова натянула черную майку с эмблемой Хаддерсфилдского университета и растянутые спортивные штаны.

Соседка пережила около десяти оргазмов и, видимо, свалилась от усталости, потому что теперь слышны были только звуки работающих телевизоров, брэнчание посуды и голоса из ресторанчика напротив. Как будто жители дома после святого причастия соседки снова смогли вернуться к своим обычным занятиям. Саша решила в очередной раз принять душ. Она регулировала воду, когда прозвенел звонок. Старого типа, такой, какие были в ее детстве. Динь, динь, перерыв. Сначала она подумала, что это у соседей. Не прореагировав, сунула голову под воду. Потом мысленно выругалась, когда звонок прозвенел еще раз. Динь, динь, перерыв. Саша обернулась полотенцем и с мокрыми волосами отправилась на поиски источника звонка. Она подняла трубку домофона. Тишина. Ее айфон лежал рядом с ноутбуком, экран его не светился. От холода у нее застучали зубы. Наконец под лестницей она нашла старинный дисковый телефон. Такой пыльный, что цифры едва просматривались. Она не подняла трубку, лишь выдернула провод из розетки и подошла к окну. Лампада горела высоким пламенем. Саша закрыла глаза и перекрестилась.

– Избавь меня от этого, – обратилась она к раскрашенной статуе. – Храни меня и моего ребенка. Особенно сейчас, когда все начало складываться.

Но через секунду звук снова пререзал тишину. Динь, динь, перерыв. Саша даже вздрогнула от испуга. Только тогда заметила, что не отключила второй телефонный кабель. На этот раз она решилась ответить. Человек с другого конца провода не сказал ни слова, но Саша четко слышала его размеренное дыхание. Перед глазами всплыло лицо знакомого офицера. Они не дали ей и дня покоя.

– Алло? – ответила она первой. По ее тону нетрудно было распознать некую боязнь и неуверенность.

– Пани Залусская?

Это не тот знакомый офицер. Этот голос звучал по-другому – пискляво, высоко. Она представила себе мелкого мужчину с лисьим лицом.

– Кто говорит? – Она снова превратилась в холодного профессионала. Страх улетучился.

– Меня зовут Павел Блавицкий. Я хозяин музыкального клуба «Игла». Вы, возможно, слышали. Я туда попал? Мне сказали, что вы принимаете частные заказы.

– Кто вам дал этот номер? – перебила его Саша.

– Он есть в старой телефонной книге, – пояснил звонящий. – Ваши адрес и телефон мне дал коллега из полиции. Я звонил на мобильный, но вы не отвечали. Поэтому я попытался связаться таким образом. Надеюсь, что получится. Если не туда попал, извините.

– Минутку. – Она положила трубку на пол и подошла к столу, на котором лежал ее айфон. Действительно, звук был отключен. На экране значились семь пропущенных вызовов от одного и того же абонента. – Дайте мне ваш мобильный номер, пожалуйста, – распорядилась она, вернувшись.

Номер совпал.

– Я слушаю вас. Залусская.

– Я хотел бы встретиться с вами. И, по возможности, скорее.

– Расскажите мне в общих чертах, в чем дело. Мне надо знать, смогу ли я чем-то помочь. Полагаю, что ставки вы знаете.

– Не совсем. – Он запнулся, а потом начал объяснять: – Мне необходим частный анализ. Я подозреваю нескольких человек в шантаже и воровстве, но, перед тем как подать заявление в полицию, хотел бы прояснить ситуацию. Есть еще несколько других дел, но это не телефонный разговор. Если, конечно, вам это интересно.

– Смотря на каких условиях.

– У меня нет опыта в таких делах. Я впервые заказываю подобную характеристику.

– Семь с половиной аванс, две с половиной после выполнения экспертизы. Если дело срочное, ставка удваивается. Конечно, речь идет о суммах нетто, без НДС. Я могу выставить счет-фактуру, если есть необходимость.

– Дорого, – пробормотал он. – Можно перезвонить?

– Нет, – ответила Саша твердо. – Вы знаете, который час?

Мужчина тяжело вздохнул:

– Хорошо. Значит, удваиваем. То есть экспресс.

– Значит, двадцать. Давайте встретимся завтра в шесть вечера на заправочной станции «Би Пи» на Грюнвальдской. Раньше у меня никак не получится.

– Я буду. Спокойной ночи.

– Захватите с собой деньги. Я выпишу счет.

– Мне не нужны никакие бумажки. – Он положил трубку.

Саша довольно улыбнулась. Не успела она приехать, и тут же заказ. Все не так плохо. Быстрая инъекция наличных всегда хороша. Перед тем как вернуться в душ, она вынула второй провод из телефонной розетки, а сам аппарат отнесла в кабинет, чтобы его забрали вместе с остальными вещами прежнего хозяина.

В бистро было пусто. На высоком стуле сидел только один мужчина. Некрупный, за сорок, хотя возможно, и больше. Нарядился он, как на первое свидание. Выбритые виски и модный метросексуальный ирокез. Брендовые роговые очки, хорошо скроенный пиджак, джинсы, итальянские ботинки без следов снега на подошвах. На спинке его стула висел зонт с бамбуковой ручкой. Залусская подумала, что он гей. Она уверенно подошла к нему. Мужчина ответил ей небольшим поклоном головы, без улыбки. Саша села, не снимая пальто и шерстяную шапку. Сумку положила на третий, свободный стул.

– Спасибо, что согласились, – начал он, после чего нервно взглянул на часы с металлическим браслетом. Это была дешевая «сковородка», зеленая версия «Ориента», которая контрастировала с его дорогим, хоть и не слишком претенциозным нарядом.

– Я еще не решила окончательно, – ответила Саша, и это была правда.

Официантка принесла два бумажных стаканчика с кофе. Саша сняла шапку, отряхнула ее от снега.

– Пасха удалась, – ухмыльнулся он. – Завтра, пользуясь погодой, поеду на лыжах.

Саша не отреагировала, отвернулась в сторону бара.

– Пирожное? Бутерброд? – спохватился он.

Она покачала головой:

– Еще один сахар и дополнительное молоко.

Мужчина подвинул свой сахар в ее сторону. Она поблагодарила кивком. Он пил черный кофе, не дожидаясь, пока тот остынет, делая маленькие глотки и обжигая себе губы.

– Здесь фотографии и доверенности. Бессрочные.

Из кожаного портфеля он вынул конверт. Саша проверила его содержимое. Между материалами она заметила пачку денег, положенную в пакет.

– Пятнадцать, – пояснил он. – Желаете пересчитать?

Саша покачала головой. Понятно было, что он не стал бы ее обманывать.

– Слушаю вас.

Мужчина впервые смутился. Помолчал, нервно сжимая и разжимая пальцы.

– Первая посылка с рыбой без головы пришла пять месяцев назад. Коробка от дамских туфель, лента с бантом. Потом было еще несколько. Конечно же без адреса отправителя. И не только по почте. Я находил высушенные розы под дверным ковриком, фотографии моей жены, сделанные мощным фотоаппаратом с телеобъективом. Она когда-то была проституткой, покончила с этим много лет назад. Некоторые фотографии старые, некоторые, современные, – топорный монтаж. Все это малопривлекательно. Потом снова были куски рыбы, человеческие экскременты. – Он запнулся. – А потом эта бомба. Точнее, кукла взрывного устройства. Я сожалею, что уже тогда не пошел в полицию.

Залусская сняла очки. Этот тип ей не нравился. Слишком скользкий, и она надеялась, что он почувствует ее отношение.

– Когда вы обнаружили взрывное устройство и почему сразу не заявили в полицию?

– Я сам бывший полицейский. – Он поднял голову. – И знаю, кто здесь сейчас босс и каким образом он оказался на троне. Догадываюсь, кто хочет меня убить. Но мне нужны доказательства.

Сашу все это не тронуло.

– Я не частный детектив, – сказала она, подумав. – Вам нужно обратиться к коллеге Рутковскому¹³.

Это прозвучало довольно злобно. Заказчик скривился в усмешке.

– Дело в том, что Янек, мой партнер по бизнесу, пытается меня напугать, и я, собственно, знаю почему. Наркотики, напрасные надежды вернуться на эстраду. Все это бред. Он написал когда-то одну-единственную песню и больше ничего. Ему повезло. Каждый хотел бы иметь в своем репертуаре такой хит, как «Девушка с севера». О'кей, получилось. Мне тоже досталась доля. Погуляли мы в свое время, но сейчас настало время заниматься бизнесом. Это должно быть на первом месте. Вернуться после нескольких лет тишины, когда появилось столько всех этих «голосов», «минут славы» и «танцев со звездами», будет невозможно. Короче. Он связался с кем-то более крупным, а меня хочет выбить из седла, потому что... – Он замолчал. Схватил стаканчик, но тот был пуст.

¹³ Рутковский Кшиштоф – медийно известный частный детектив, принимавший участие во многих телевизионных шоу.

– Потому что?

– Вариант первый: он боится Слона. Второй: сам Слон сделал заказ.

– Слон?

– Ежи Поплавский. Ювелир-пенсионер. Акционер финансово-консалтинговой компании SEIF. Они рулят на валютных торгах, а также контролируют несколько объектов в городе. Отель в Сопоте, сеть ресторанов. Частное телевидение, акции перегонного завода. Вы поищите, сами увидите. Вас, кажется, какое-то время не было в стране?

– Я знаю, кем был когда-то Слон. Каждый в отделе по борьбе с организованной преступностью как минимум слышал о нем. Здесь очень много бизнесменов, которые в свое время занимались контрабандой спирта. Хотя вряд ли они хотят вспоминать об этом, – сказала Саша.

Мужчина пару секунд присматривался к ней, потом спрятал костлявые руки под стол.

– На самом деле клуб «Игла» и сестринский клуб «Игольница» – бизнес Слона. Это он дал деньги на раскрутку, когда закрыли «Золотой улей». Ни я, ни Янек не можем вот так просто, без разрешения, взять и уйти. Разве что все произойдет естественным путем.

– Вы имеете в виду смерть?

Заказчик согласно кивнул.

– Но чего, собственно говоря, вы ждете от меня? Я не владею карате, не подбрасываю жучки и не смогу спасти того, кто получил черную метку.

– Я знаю, что меня подслушивают. И наверняка за мной следят. Потому обратился за помощью к землякам из полиции, и они посоветовали мне вас. Думаю, они знают о нашей встрече. Мне нужен профайл. Объективный профайл неизвестного преступника, а также информация, кто всем этим управляет. Жесткие конкретные данные. Это необходимо, чтобы начать действовать. Остальным займутся специалисты. Я не предлагаю вам мокрую работу. – Он хитро усмехнулся. Саша наморщила лоб и возвратила конверт.

– Похоже, это не ко мне. Я не вхожу через черный ход, не действую за рамками закона, не занимаюсь гаданием. Я беседую, анализирую, собираю данные и делаю выводы. Те же методы применяю, когда работаю на прокуратуру или суд. Это экспертиза. Потом делаете с ней что хотите. Можете даже передать в следственные органы, где она станет оперативным доказательством. Для того чтобы грамотно провести экспертизу, мне нужны не документы и бабки. Прежде всего, необходимы помощники. Как вы себе это представляете?

– Есть одна девушка. – Он указал на конверт. – Люция Ланге. Все сведения о ней есть в документации. Барменша. Это мой человек. Знает больше, чем Иза Козак, менеджер, человек Янека. Конечно же про Слона никто не проронит ни единого слова, но все всё знают. Побеседуйте с ними, разговорите незаметно. Они будут в вашем распоряжении, я предупрежу. Так, как вы это делаете, расследуя последний период жизни жертвы. Как это называется... Виктимология? Еще кое-что помню. – Он растянул губы в принужденной улыбке.

– Что-то вроде того. Создать профайл намного проще, когда есть труп и я точно знаю, кого ищу. – Саша поерзала на стуле. Ей хотелось курить. – Почему я? И кому это надо? – прямо спросила она.

Мужчина пожал плечами. Откинулся назад.

– Откуда появилась кличка Буль? – нажимала Саша. – Мне кажется, что я раньше слышала ее, но ведь мы незнакомы. Правда, Пан Блавицкий?

– Я говорил, что прежде был полицейским, – произнес он после короткой паузы. – Я бы предпочел, чтобы все это осталось между нами. Никаких бумажек, имейлов. Я не хочу, чтобы где-либо всплыла моя фамилия. Конечно же я в вашем распоряжении, если будет такая необходимость, давайте встретимся здесь же через неделю в это же время. Может быть, наконец наступит весна.

– Годится, – кивнула Саша. Документы и деньги сунула в большую кожаную сумку и встала, готовая уйти. Она не намеревалась возиться с куртуазными рукопожатиями. – Если за

это время вы естественным образом нейтрализуетесь, я забываю обо всем, и аванс остается при мне. Перечисленные вами правила касаются нас обоих.

– Конечно.

Ее собеседник резко встал. Только тогда она увидела, что он почти на голову ниже ее. Смотрела на него сверху вниз и чувствовала себя глупо.

– Постараюсь справиться побыстрее. Я тоже заинтересована не тянуть с этим. Надеюсь, смогу быть полезна. Этот армагеддон за окном немного затянет дело. Люди почти не выходят из дома. Догадываюсь, что клуб будет закрыт на время праздников?

– Завтра еще будет Люция. Несколько охранников и официанток тоже можно вызвать. На все засовы, наверное, закроемся послезавтра. Польша в Пасху молится и пьет по домам. Оживление придется на второй день Пасхи. У нас запланирован концерт. Игла и Иза Козак, думаю, тоже завтра будут. Надо подсчитать выручку и заплатить охране.

– Охране или крыше?

– Крыше? – Буль искренне удивился вопросу. – Это культовый клуб. У нас оборот пол-миллиона в неделю. Без поддержки бы мы давно уже выпали из колеи. Часть выручки легальная. Ну а остальное – сами понимаете. Все стараются, чтобы как можно меньше попало в карманы бюрократов. Кто из нас любит переплачивать?

– Конечно, – согласилась Саша без улыбки.

Она старалась сохранить равнодушие, но в данной ситуации ее гонорар казался весьма скромным заработком. Видимо, каждый получает ровно столько, скольким готов рискнуть. Саша чувствовала, что опять вступает на скользкую дорожку. Но она справится. Это быстрый и легкий заработок. Собственно, она не могла позволить себе отказаться. Если она не выплатит долг, то не получит здесь никакой работы. Даже места официантки в «Игле». Конечно, в любой момент можно вернуться в Шеффилд. Но пока она даже думать об этом не хотела.

Саша вышла из бистро, свернула за здание заправки и подождала, пока ее заказчик выйдет. Как она и предполагала, он направился к новенькому темно-синему «саабу», припаркованному под навесом. Несмотря на продолжающийся снегопад, он не намочил свои итальянские ботинки. Саша записала номер его машины и пошла в сторону автобусной остановки. Было так скользко, что пару раз она едва не упала. Ей нужна машина, причем как можно скорее, созрело решение. Для начала она одолжит у матери старый «фиат-уно». Надо было подумать об этом раньше, не пришлось бы сейчас мокнуть на остановке.

Саша подняла голову. Снегопад разошелся не на шутку. На деревьях лежали тяжелые белые шапки. Сугробы по обеим сторонам шоссе были около метра высотой. Совсем не похоже на то, что весна готовится к атаке. Скорее всего, ночью ударит мороз, и месиво на тротуаре превратится в лед. Саша подумала, что содержимое праздничной корзинки для освящения вполне может замерзнуть по дороге в костёл. Она не помнила такой погоды на Пасху. Ведь даже на Аляске рано или поздно наступает весна. С ней поровнялось проезжающее такси, и она с надеждой замахала рукой. Машина остановилась. На удивление, пассажиров в ней не было. Саша с облегчением уселась и сразу же вынула из конверта документы. На одном из первых досье работников клуба она увидела фотографию двадцатилетней женщины. Черные волосы средней длины, асимметрично выбритые до середины виска. Розовая прядь. Девять татуировок, пирсинг в носу, готический макияж. Красивая, хоть и слишком разукрашенная. Впечатлительный эксцентрик. Разведена. Статья за угрозы. Была также задержана за оскорбление невесты во время свадьбы и попытку убийства. Пыталась угостить соперницу маринованными мухоморами. Дело закрыли. Люция Ланге – прочла Саша. Просмотрела ее биографию, особые приметы, хобби. Потом стала разглядывать остальные снимки. Певец, который якобы желал избавиться от Буля, выглядел совсем безобидно. Напомаженный красавчик, тип напергидроленного серфера. Иза Козак – его правая рука, миловидная брюнетка с лишним весом.

Декольте открывало ее пышный бюст намного больше, чем это было принято. Замужем, двух-летний сын. Некоренная жительница Гданьска. Интересно... – Саша обратила внимание, что материалы подготовлены очень профессионально. На одном из документов был адрес заказчика, но никаких данных о службе Павла Блавицкого в полиции.

Таксист что-то тихо напевал.

«Начнем с того, пан Буль, что проверим, кто вы такой. И чего вы на самом деле хотите. И почему мне знакома ваша фамилия», – подумала Саша. Машина остановилась у ее дома. Она протянула водителю банкнот в пятьдесят злотых, хотя такая поездка тянула едва ли на двенадцать. Таксист удивился слишком щедрым чаевым.

– До свидания, – сказала Саша перед тем, как захлопнуть дверь. – Если что, вы меня никуда не подвозили.

– Пусть Господь благословит вас, – произнес таксист и тронул машину с места, приминая свежий слой снега.

Вальдемар Габрысь поднял крышку унитаза и внимательно осмотрел его. Он был исключительно чист. Несмотря на это, он нажал на кнопку слива как всегда, три коротких раза. Точно так же, как делал это с колокольчиком во время мессы. Когда тесный туалет наполнился звуком булькающей в бачке воды, он сел на унитаз и закрыл глаза. Телевизор работал на полную громкость. Выходя из комнаты, Габрысь попросил тетю добавить звук, чтобы и в месте уединения не прерывать молитвы. Если бы кто-нибудь обвинил его сейчас в богохульстве, он пригрозил бы ему судом Божиим.

– «А я Тебе доверяю, во всем уповаю на Тебя, Господи, говорю Тебе: Ты мой Бог, – повторял он, крестясь. – В Твоей руке дни мои, вырви меня из лап врагов и преследователей моих»¹⁴.

Как всегда во время поста, Габрысь испражнялся быстро и шумно. Он уже сорок дней соблюдал все правила, установленные католической церковью. Не ел мяса, не слушал музыку, носил скромную одежду, специально предназначенную для этого времени. Дополнительно три часа в день проводил в костеле Звезда Моря и помогал в предпраздничной уборке. В этом году главным образом в расчистке снега. Когда он шел домой на постный обед, его руки дрожали от усталости после сбрасывания снега с крыши костела, очистки подоконников и откапывания дорожек перед домом священников на улице Костюшко. Он был уверен, что апокалипсис наступит со дня на день.

– Бог таким образом говорит с нами, – убеждал Габрысь членов Францисканского светского ордена и тех, кто случайно попал на коллективные молитвы. – Посредством этого непрерывного снегопада, этого снежного потопа и мороза перед Воскресением, Всевышний дает нам знак, что скоро наступит конец света. Выживут только самые благочестивые. Только они будут спасены. Ибо снег – это начало конца для всех грешников.

На лицах слушателей он видел настоящий страх. Некоторые крестились по несколько раз подряд. Кто-то уходил, крутя пальцем у виска, но были и такие, кто включился в дискуссию.

– И в самом деле не припомнить такой Пасхи, – поддакивали прихожане. – Что-то в этом есть. Неужели и правда Черный всадник уже близко?

– Всадник без головы, – добавлял едва слышным шепотом Вальдемар.

Это всегда действовало, как правильно подложенное взрывное устройство. Ему удавалось посеять панику. Все поскорее расходились по домам, в надежде, что весна все-таки придет. Габрысь на нее не рассчитывал. Он ждал этого момента уже давно и был скорее рад, хотя никому бы в этом не признался, особенно ксендзу. Кто там знает, не начнется ли Армагеддон снежной выюгой? По мнению Габрыся, именно так все и должно было случиться. По его любимому каналу несколько раз показывали репортажи на эту тему, а после них так называемые

¹⁴ «А я Тебе доверяю, во всем уповаю на Тебя, Господи...» (Священное Писание, Пс., 31: 15–16. (Примеч. авт.)

дебаты. О конце света рассуждали эксперты, теологи, а в последнем выпуске даже метеоролог. Ясное дело, что на центральных каналах никто об этом говорить не станет, даже если и согласен в глубине души. Эти грешники продали свои души дьяволу. Достаточно было посмотреть их рекламу, фильмы и новости. У Габрыся начинали подниматься температура и давление, когда он случайно попадал на какое-нибудь голое тело. Смотрел и мысленно плевался. Зло из зол! Секс, убийства и отсутствие веры. Но Габрысь сильный. Даже если Господь заберет у него все, как у Иова, он не сдастся. Поэтому Он заговорит с ним. Выберет его. И возможно, именно сейчас, очень скоро, раз уж Он набросил на землю белую пелену. Потоп ведь тоже начинался с осадков. Дождь не переставал идти. Люди думали, что ливень скоро закончится, хотя Бог их предупреждал. Но они не хотели жить по-другому. Постоянно грешили, все время убивали. Спасать их не было смысла. И все, как один, погибли. Выжили только Ной и его семья.

Поэтому молился Габрысь истово и верил, что это он станет избранным. Ему Господь укажет, какие именно пары животных или людей он должен спасти в своем ковчеге. В каком, он пока не знал. Он ждал знака, ибо верил, что Бог даст ему его, когда придет время.

– «...Но скажи только слово, и будет спасена душа моя», – прошептал он растроганно, после чего отсчитал шесть листиков туалетной бумаги. Два раза по три. Закончив, он спустил воду, снова нажимая кнопку трижды, а потом тщательно помыл руки и распылил сосновый аромат, чтобы нейтрализовать запах. Он направил струю освежителя в три угла туалета. Три – это было его любимое число. Ведь сам Господь выбрал три образа для своего существования. Когда он вернулся в комнату, тетя спала. Голова ее свесилась набок, из уголка рта сочилась тонкая струйка слюны. Габрысь взял салфетку и заботливо вытер тете лицо. Вынув из ее руки пульт, выключил телевизор. Потом поправил подушку, при помощи специальной рукоятки опустил изголовье, чтобы старушка хорошо отдохнула перед тем, как они пойдут на вечернюю мессу, укрыл тетю пледом до подбородка. Сам он сел за стол и вынул папку с надписью «Жилищный кооператив, Пуласского, 10». Он надел очки, затем принялся один за другим вынимать документы для проверки и складывал их в стопки на столе, покрытом повседневной скатертью, до тех пор пока на нем уже не осталось места. Раздраженно осмотревшись, он стал раскладывать оставшиеся документы на полу и тяжело вздохнул, представив себе, сколько работы его ждет над подведением баланса.

Габрысь был председателем жилищного кооператива, и все знали, что без его стараний этот дом никогда не был бы таким красивым. Результатами усердия председателя стали замена электропроводки и труб центрального отопления, утепление здания, ремонт фасада, подъезда, крыши и окон. И это была только малая часть того, что он сделал. Когда возникала какая-либо проблема, например отключение электроэнергии, поломка стояночного шлагбаума или что-то попроще, вроде курения в подъезде, все шло к нему за помощью, а он, невзирая на день и час, боролся за справедливость. Никто, кроме него, не нашел бы ни сил, ни времени, чтобы всем этим заниматься. Несмотря на то что в собраниях кооператива имели право принимать участие все сорок два жителя дома, двадцать восемь из них сразу же подписали доверенность, оформленную на Габрыся, чтобы он мог все решать за них, поскольку не имели времени, желания и здоровья просиживать долгие часы в тесной комнатке для собраний. Таким образом, Габрысь владел большинством голосов кооператива и делал что хотел. Поэтому дом был выкрашен в кислотно-желтый цвет с оранжевыми полосами, а внутри Габрысь велел покрасить панели масляной краской, чтобы уборщица не пачкала стены шваброй. Цвет стен, честно говоря, заставлял задуматься скорее об утином помете, чем о заявленном грецком орехе, но зато был на диво практичен. Напротив своей квартиры председатель установил промышленную видеокамеру, чтобы знать, кто, во сколько и с кем входит в здание или выходит из него. Стоянка тоже была под круглосуточным надзором.

Пан председатель выселял всех, кто не приватизировал свои квартиры, а особенно тех, кто не ходил в костел. К сожалению, на тех, у кого жилье было в собственности, его влияние

не распространялось. Алкаш, кошатница и телеоператор-шизофреник были сосланы в пригороды. Еще один алкоголик-инвалид, который устроил притон в квартире номер 5, оказался на вокзале. В его квартиру Габрысь поселил глубоко верующую семью с семью детьми (всех вместе их было девятéro, трижды три). Никому, кроме него, они не нравились, поскольку по-деревенски устраивали из своих башмаков средней привлекательности выставку на лестничной клетке; не отвечали на приветствия и создавали очень много шума, когда всей оравой направлялись на мессу. Но, кроме этой семейки, у Габрыся не было промахов. Он заявил в свое время, что, пока жив, этот дом на Пулаского будут населять только порядочные люди. И до сих пор слово свое держал.

Так было в течение всех этих лет, пока в долго пустовавшее здание напротив не въехал музыкант, Янек Вишневский, называемый Иглоу, вместе со своей группой. Габрысь ничего не слышал об аукционе для желающих занять это помещение, несмотря на то что тщательно за этим следил. Он сразу же почувствовал неладное и начал собственное расследование, которое почему-то совсем не прояснило ситуацию. Итог был таков: о том, что в здании рядом с его домом открывается музыкальный клуб, он узнал слишком поздно. Все выяснилось только тогда, когда новые хозяева стали свозить аппаратуру, а строители – обивать стены противозвуковым покрытием.

Как и опасался Габрысь, это было только начало геенны огненной. Шум, дьявольская музыка, полуголые блудницы, алкоголь и наркотики каждую ночь пожинали свои плоды на ниве греха. Габрысь ничего не мог с этим поделать. Он боролся всеми способами: звонил в городскую управу, ежедневно являлся в отделение полиции, подал на Иглу шесть судебных исков (дважды три). Писал доносы, подсылал боевые команды верующих из Францисканского светского ордена, которые пытались достучаться до грешных сердец. Все зря. Мало того что клуб не закрыли, грешники еще и получили разрешение на открытие дочернего бистро на улице Пулаского, 6. В «Игольнице» с семи утра подавали завтраки и играли эту жуткую музыку. Габрысь уже и сам не знал, что хуже. «Игла», по крайней мере, располагалась в подвальном помещении. А «Игольница» – прямо напротив его окон, и падшие женщины, а также те, кто, по предположению Габрыся, пользовался их услугами, ежедневно сновали туда-сюда прямо перед его носом, хохоча ему в лицо. Он объявил им священную войну. Когда тетя была в поликлинике на лечебной гимнастике, он включал на полную громкость религиозные эфиры по «Радио Мария» или светскую музыку, одобренную телевизионным каналом «Верую». Делал он это из добрых побуждений, считала полиция, которую вызывали его оппоненты. Он всего лишь хотел помолиться. Но все-таки ему пришлось заплатить штраф в размере трехсот злотых за оскорбление хозяина заведения (сто умножить на три), а демоны выходили сухими из любого переплета. Смеялись над ним, когда он грозил им из своего окна, кропил их святой водой или пытался остановить крестным знаменем. Им, демонам, все нипочем.

К счастью, накануне праздников оба клуба, «Игла» и «Игольница», зияли пустотой. Габрысь не рассчитывал на покаяние, скорее в эти дни дело было в низкой выручке. Клиентов кот наплакал. Таким образом, со вчерашнего дня в округе господствовала блаженная тишина.

Время ожидания, оставшееся до Воскресения Всемогущего, он решил потратить на работу над балансами ремонта мусорки, который должна была выполнить фирма-протезе приходского священника. Габрысь верил в порядочность святого отца, но все-таки люди – они и есть люди (то есть грешники), а ему нужно быть уверенным в том, что ни одна копейка, потраченная кооперативом, не пропала зря, поэтому он анализировал все, даже самые мелкие счета.

Тетя размеренно дышала. Габрысь работал над балансом. Он отложил в сторону рекламный проспект поддерживаемого ксендзом Старонем банка SEIF, в котором хранил все свои сбережения. Каждый день он ходил в офис банка и проверял, прибавляются ли нули на его счете, согласно его ожиданиям. После его смерти все средства отойдут церкви. Так получилось, что Бог не дал ему детей. Он еще не решил, какому именно из ближайших костелов достанутся

его деньги: Звезде Моря или гарнизонному храму Святого Георгия, в котором он был крещен. В обоих он с самого детства часто бывал на мессах.

Вдруг со стола скатилась ручка. Потом задрожал стакан и стал ритмично подпрыгивать на блюде. Габрысь едва не задохнулся от злости. Он хорошо знал, что это значит. Что-то происходило в «Игле». Он перекрестился, снял очки, зализал остатки волос набок, так как маскирующая лысину прядь немного сдвинулась с места.

– Я не вынесу этого больше. – Он поднял глаза к небу. – Прости меня, Господи, сегодня Страстная пятница. Негоже веселиться, когда Твой Сын так страдает.

Габрысь встал и уверенным шагом двинулся к довоенному серванту. Вынул оттуда садовые ножницы, ножовку по металлу, отвертку, перчатки и маску Дарта Вейдера из «Звездных войн». Он сунул все это в мешок из-под картошки, после чего спустился по лестнице в подвал, где располагался электрощиток. По коридору он прошел в соседний дом, чувствуя, как биение сердца отдается в его горле, потому что сатанинская музыка все приближалась. Перед самым входом он надел маску и вырубил пробки. Музыка резко затихла, он с облегчением вздохнул. Но этого ему было недостаточно. Он включил фонарик, направился к щитку и одним движением перерезал все провода. Габрысь понимал, что тем самым лишает света всю улицу, и себя в том числе, но был готов нести этот крест. Он считал, что жители должны быть благодарны ему. Может быть, таким образом он спасает их от адского пламени во время Страшного суда.

С чувством выполненного долга он вернулся в свою квартиру на пятом этаже.

– Я прямо сегодня исповедуюсь. – Он приложился к распятию, зажег свечу и вернулся к просмотру счетов.

Саша как раз добралась до клуба. Найти его оказалось просто, поскольку перед входом в дом напротив бегали возбужденные люди. Какая-то женщина голосила, что они теперь останутся без света на все праздники.

– Иди к детям, женщина, – утихомирил ее супруг и сел в машину, чтобы ускорить приезд электриков.

Саша вошла во двор. Приблизилась к стальным дверям с оком Шивы вместо глазка. Рядом с выключателем располагалась лишь наклейка с эмблемой и названием клуба. Никакой вывески, светящегося неона. Ничего, что указывало бы на то, что здесь находится популярный клуб. Но Саша просмотрела страничку Иглы в Фейсбуке и знала, что это культовое место, если измерять его привлекательность числом лайков: их было множество, более сорока тысяч. Она постучала, но никакой реакции не последовало. Потом осмотрелась, вышла из ворот и подошла к чуть успокоившейся женщине.

– Вы не знаете, как туда можно попасть? – спросила она вежливо и указала на заведение. Женщина посмотрела на нее искоса.

– Я туда не хожу, – хмыкнула она. – Надо позвонить.

– Позвонить?

– Там, с другой стороны, под кирпичом, есть кнопка.

Саша поблагодарила. Не ходит, но знает, как войти, усмехнулась она.

– Но сейчас не работает. Нет света, – добавила ее собеседница. – Подождите. Скоро сами вылезут. Ночные бабочки.

Действительно, кнопка находилась под кирпичом и не работала. Саша присмотрелась к зданию. Красивый, но неухоженный старый дом с деревянной верандой и резной крышей.

Вокруг только жилые дома. По дороге сюда она проезжала мимо костела Звезда Моря. Чуть дальше была военная церковь, побольше. Странно, что им удалось получить разрешение на проведение концертов и продажу алкоголя в таком месте.

Вдруг из двери выглянула симпатичная блондинка. Ей было чуть больше двадцати.

– Вы из электрокомпании?

Легкого замешательства Саши было достаточно для того, чтобы блондинка захлопнула дверь. Но закрыть ее на засов она не успела. Саша схватилась за ручку, и какое-то время они дергали дверь туда-сюда.

– Закрыто, – припечатала блондинка с вызовом.

– Я получила заказ от Павла Блавицкого.

Соппротивление ослабло.

– Я эксперт по профайлингу. Мне нужно поговорить с Люцией Ланге.

Бровь слегка поднялась, далее последовал резкий хохот.

– Ее нет.

– А Иза Козак? Янек Вишневецкий? Дело очень срочное. Мне необходимо войти, чтобы разобраться во всем.

Девушка все еще смотрела на нежданную визитершу с подозрением, но в итоге открыла дверь.

– Пробки выбило. – Опять раздался смех.

Саше было непонятно ее компульсивное поведение.

– Я вижу, – пробормотала она в ответ, после чего вытащила из сумки фонарик и осветила себе дорогу, ведущую к лестнице вниз, в глубь подвала. Клуб казался пустым, но девушка наверняка была не одна. В гардеробе висело несколько курток и пальто.

Залусская с удивлением отметила, что подвал намного больше, чем кажется снаружи. Помещения были просторные и свежотремонтированные, чего нельзя было сказать о наружном состоянии здания.

– К вам гостя. – Блондинка пропела фразу, при этом выполнив танцевальное па из репертуара чирлидерш. Отсутствие помпонов ее совсем не смущало.

Саша подозревала, что девушка находится под действием наркотиков. Она была перевозбуждена, часто хихикала. Когда Саша прошла вглубь, ее взору открылся огромный зал. У подножия лестницы стоял ряд зажженных свечей. Из-за темноты немного можно было рассмотреть, но и этого было достаточно, чтобы понять, что клуб оборудован с большим вкусом. Тяжелые бархатные занавеси на окнах, узорчатые софы в стиле ампира, длинный стильный бар из красного дерева. Особое внимание привлекала внушительная сцена в стиле ретро с профессиональным акустическим оборудованием. На ней можно было бы разместить малый симфонический оркестр. Саша быстро прикинула, что в этом клубе можно устроить действо на тысячу, как минимум, зрителей, полторы тысячи разместятся стоя. Она обернулась, обвела взглядом ряды бутылок с алкогольными напитками на полках за баром и сглотнула. Выбор был огромен. Если бы она решила попробовать весь ассортимент, по одному виду каждый день, это заняло бы несколько месяцев. Только сейчас до нее дошло, откуда взялась сумма недельного оборота, о которой упоминал Буль.

– Вы ко мне? – промурлыкал у нее за ухом низкий голос с хрипотцой.

Она обернулась. Перед ней стоял невысокий мужчина около сорока. Саша подумала, что переданная ей фотография, видимо, старовата. Он изменил имидж согласно возрасту. Живьем он показался ей гораздо более привлекательным. Темные глаза хитро прищурены. Трехдневная щетина, растрепанная молодежная прическа. Крашеный блондин. Одет в футболку, кожаную куртку, белые джинсы и кожаные конверсы. Она рассматривала его, сбита с толку и перепуганная одновременно. Дежавю бывает только в кино, но этот мужчина напоминал ей кого-то очень для нее важного. Того человека не было в живых уже семь лет. Все было другим: место, наряд и лицо мужчины. Но все остальное было таким же. Свечи, его силуэт в мягком свете и темнота подземелья. Она стояла сейчас соляным столбом и чувствовала, что краснеет, как школьница. Он протянул руку. На запястье у него был плетеный браслет, а на пальце – перстень с голубым камнем.

– Игла, – представился он, слегка скривив уголок губ. Даже это ей показалось знакомым.

– Саша Залусская. У вас нет, случайно, брата-близнеца?

– Мне об этом ничего не известно.

К ним подошла блондинка, которая открыла Саше дверь.

Она обняла певца за плечи, обозначая свою территорию. Он мгновенно посерьезнел, вошел в роль.

– Так, значит, вы и есть та самая звезда? – Залусская снова владела собой, подумав, что он пустышка, как каждый «артист». Дешевый комплимент пришелся ему по вкусу. – А вы, видимо, и есть девушка с севера? – Она улыбнулась блондинке. Шутка не удалась. Девушка еще сильнее вытянула губы в утиный клюв. Игла как-то сжался. – Жаль, что свет отключили. Надеюсь что-нибудь послушать.

– Для того чтобы послушать, свет не нужен, – ответил Игла и начал напевать: – «Девушка с севера. Девушка полночи. Застывшая улыбка и отрешенный взгляд...»

Голос Иглы был мелодичным, он умело модулировал. Слушать его было приятно, хотя еще приятнее было на него смотреть. Залусская стояла, не зная, что сказать. Как ей казалось, обнимая двадцатилетнюю подругу, он открыто с ней флиртует. Блондинка тоже это заметила и правильно среагировала: второй рукой она обняла мужчину за талию. Ее взгляд говорил: «Он мой. Отвали, старуха».

– Пан Блавицкий предупредил, что я приду? – спросила Залусская. По лицу Иглы пробежало удивление, однако не отразилось никакого беспокойства. – Я не из полиции, – начала объяснять она. – Но мне необходимо поговорить со всеми сотрудниками, и прежде всего с вами. Как вам, видимо, известно, кто-то угрожает пану Блавицкому, и мне предстоит определить мотив, а также черты, характеризующие преступника. Пан Блавицкий считает, что это кто-то из своих.

Игла рассмеялся.

– Он считает, что это я его пугаю. – Он высвободился из объятий девушки и по-отцовски поцеловал ее в лоб. – Клара, ты не могла бы нас оставить?

Девушка уходила неохотно, несколько раз оборачивалась. Игла послал ей воздушный поцелуй.

– Предупреди, чтобы никто не уходил. Это не займет много времени, – распорядился он, пока его подруга не исчезла за дверями с табличкой «Только для персонала».

Видно было, что Клара влюблена в него по уши. Он – значительно меньше.

– Выпьете что-нибудь? – Игла указал на кресло, а сам расположился на софе рядом.

Саша покачала головой.

– А я выпью, если позволите. – И крикнул: – Иза, принеси мне джин.

Через мгновение из темноты появилась упитанная брюнетка с миловидным лицом. Декольте ее было настолько глубоким, что чуть не полностью открывало ложбинку между грудями. Иза Козак просканировала Сашу периферийным зрением, поставила перед Иглой бутылки, ведро со льдом и два стакана. Саша про себя подумала: интересно, как им удалось удержать низкую температуру без электричества.

– У нас два очень сильных генератора. – Игла прочел ее мысли, после чего кивком указал на вошедшую: – Иза Козак. Босс всех боссов. Знает об этом месте все. Она здесь с самого начала.

– Ну, почти все, – скромно поправила его Иза.

Женщины пожали друг другу руки.

Менеджер собиралась уйти, но Игла остановил ее.

– Садись. – Он похлопал по дивану рядом с собой и обратился к Залусской: – У меня нет от нее секретов.

Из соседнего зала доносились приглушенные смех и писк Клары. Саша услышала обрывок какого-то рэпа. Там должно было быть как минимум несколько человек. Кто-то барабанил, словно на ударной установке, потом изображал контрабас.

– Вы попали на корпоративный пасхальный завтрак. – Игла многозначительно подмигнула. – У нас иностранные гости. Девушки из клуба диско и «Диджей-Стар» сыграют у нас на мероприятии на второй день Пасхи. Магда Ковальчик и Марта Собчак. Слышали? Производят фурор на Балканах. Девочки сделали большой крюк, изменив маршрут своего турне, чтобы приехать в наше захолустье.

Саша мотнула головой, уже слегка теряя терпение.

– Признаюсь, я не очень-то разбираюсь в современной музыке.

– Тогда к делу. – Игла хлопнул себя по коленям. – Чем мы можем помочь и в чем, собственно, вопрос?

Залусская вкратце изложила ситуацию. Сказала о заказе и о том, как она представляет себе их сотрудничество. Промолчала лишь о ночном звонке и подробностях, касающихся финансов.

– Мне необходимо будет побеседовать со всеми. По отдельности, – подчеркнула она. – Можно встретиться в любом месте. Я готова приехать к вам, даже домой. Чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше.

– А что вы ищете? – спросила Иза. – Я пока ничего не понимаю.

Женщина была практична и настроена по-боевому. Саша сразу поняла, что она здесь главная. Без нее быстро выпили бы весь запас алкоголя, а деньги прогуляли. Иза Козак хорошо знала и выполняла свою работу.

Залусская пожала плечами, что очень позабавило Иглу. Он поднял бутылку, чтобы убедиться, точно ли гостя не желает выпить вместе с ним.

– Я тоже мало что понимаю, – сказала она, гипнотизируя бутылку. – Моя работа состоит в создании профайлов, то есть психологических портретов неизвестных преступников. Я помогаю полиции, суду, иногда частным лицам или организациям. Если кратко: я в состоянии определить черты характера преступника, возраст, пол и даже где он живет и работает. Кроме того, я определяю мотив и место, где следует искать преступника, если он скрывается. Такой профайл необходим, чтобы ограничить число подозреваемых. Я не укажу на того из вас двоих, например, кто хочет убить Павла Блавицкого, а просто составлю список черт и дам характеристику подозреваемого. Человек, который заказывает экспертизу, должен сам определить, кто подходит под это описание. Потом с подозреваемым разбирается полиция. Признаюсь, что такой заказ я взяла впервые.

Собеседники смотрели на нее удивленно.

– И все это вы способны определить на основании разговоров? – Игла, похоже, не мог в это поверить.

– Наличие трупа конечно же значительно упрощает задачу, – ответила Саша. – Характер повреждений тела и место происшествия – это просто кладезь информации.

Иза взяла салфетку и принялась нервно ее сворачивать.

– Но трупа пока нет, – засмеялся Игла. Он взял стакан с коктейлем и раскинулся на софе. – Может, подождем? Зачем мучиться зря?

Саша не ответила. Ей хотелось как можно быстрее закончить этот разговор и уйти, пока она не попросила, чтобы ей налили полный стакан. Сейчас одна рюмка – это слишком много, а потом и ведра не хватит. Сегодня ее точно ждет бессонная ночь. Она чувствовала нарастающее раздражение. Достаточно пустяка, чтобы взорваться неконтролируемым гневом.

– Можно? – Она вынула из сумки зажигалку.

– Сигарету или чего-то другого?

– Сигарету.

– У нас есть все. Не только для курения, – заверил Игла и заговорщически подмигнул Изе. Его признание той не понравилось. – А что такого? Как на исповеди. – Игла бросил ей вызов. – Я ей все скажу, она мне пришлась по душе. Умеет даже определить пол преступника. Вау!

Залусская затянулась сигаретой.

– Зря иронизируете. Пол, кстати, очень важен, существенно сужает круг подозреваемых. Так же, впрочем, как возраст или место жительства. Однажды мне удалось определить квадрат на карте с точностью до трех лондонских многоэтажек. Тогда еще я интенсивно занималась географическим профайлингом.

Саша резко замолчала. Эти двое смотрели на нее так, будто она говорила по-китайски.

– Вы работаете за границей? – заинтересовался Игла. И обратился к Изе: – Наверное, взяла двойной тариф. Интересно, добавит ли Буль эту сумму в расходы. Впрочем, не важно, все равно я скоро уезжаю.

– В Калифорнию, – уточнила Залусская.

– Буль растрепал? – искренне удивился Игла. – В этом-то все и дело. Он боится, что я оставлю клуб и у него не будет моей рожи для рекламы, тогда мы – банкроты. У нас кредит, мы едва тянем. Оборот уменьшается из года в год. Можете ли вы себе представить, сколько стоит освещение и отопление этой норы? Не говоря уже о том, что здесь нет охраны. Он нанимает каких-то корешей, с которыми когда-то работал в милиции. Я их не знаю. Дуболомы от сохи. Ремонт студии звукозаписи застопорился несколько лет назад. Я вложил туда кучу бабок, которых теперь уже никогда не верну.

Саша не прерывала его. Она хотела, чтобы он сам выговорился, несмотря на то что у нее была куча вопросов.

– Осточертело мне все это. И погода тоже ни к черту.

Игла вновь наполнил стакан. Пил он много и быстро. Залусская не знала, сколько он выпил до ее прихода, но голова, похоже, у него была крепкая. Иза не притронулась к алкоголю, потягивала колу. Она отказалась от выпивки, объясняя это тем, что приехала на машине. Игла не настаивал. Видно было, что он настроен не только пить, но и беседовать.

– Мне нужно вернуться на сцену, пока я окончательно не сдулся. Контракт уже почти подписан. Американский менеджер, мировая лига. В нашей стране нет рынка для музыки, которую я сейчас собираюсь делать. А кому интересна какая-то там «Девушка с севера»?

– Например, мне, – вставила Иза. – И тысячам поляков, которые по-прежнему покупают диски и приходят на концерты.

Игла махнул рукой. Он не скрывал раздражения.

– Только благодаря этому треку мы еще кое-как тянем. Мы задолжали мафии. Вы понимаете? А этот придурок проверяет клуб изнутри, подозревает своих. То, что его кто-то хочет убрать, меня абсолютно не удивляет. У него много врагов. Насобиралось за долгие годы.

– По-моему, ты уже напился, – прервала его Иза. – Может, лучше я объясню. Игла играл на вокзале. Вы в курсе, как это выглядит: знак пачифика, акустическая гитара, усилитель, шляпа для монет. Буль нашел его и показал людям, которые вложили в него деньги.

– Так и было, – подтвердил Игла. – Я благодарен ему. Никто и не спорит. Еще одна его заслуга в том, что я могу вдыхать любой товар мира, а когда мой нос не выдержит, я сделаю себе пластиковые ноздри¹⁵. – На этот раз он не засмеялся, наполнил свой стакан до краев, но не выпил.

Иза смирила его укоряющим взглядом и продолжила:

¹⁵ Пластиковые ноздри – хирургический сленговый термин, означающий силиконовый уплотнитель для тканей носа, уни-
чтоженных в результате длительного применения амфетаминов. (Примеч. авт.)

– Они выпустили диск. Получили Суперединицу, шесть Фридериков¹⁶. Во всех категориях. Только авторских Игле выплатили около двух миллионов, это были его первые большие деньги. Буль уговорил Иглу инвестировать. Заманивал перспективой открытия музыкального клуба, продюсерской фирмы, студии звукозаписи и всякого такого. Игла оказался перед выбором.

– И я, дурак, вместо того чтобы стать акционером продюсерского ОАО, влез в это дерьмо. – Игла дернул плечом. – Плевать мне было на бабки. Поиск дебютантов, контракты, презентации – все это было не для меня. Я всегда мечтал иметь группу. Буль говорил, что мы станем играть у себя. Это будет наш клуб. Здесь хотели оборудовать студию, которая по сей день не окончена. Якобы времена изменились. Типа невыгодно вкладываться. Слишком велика конкуренция. Клуб планировался только как вишенка на торте. Сочинение песен, запись их в студии, турне по всему миру. Это должно было стать основным занятием. А вышло так, как вышло. Понимаешь? – Он плавно перешел на «ты», Саша одобрительно кивнула. Иглу все сильнее разбирало. – Из всего обещанного осталось вот это. Золотая клетушка черт знает где, на гребаном морском курорте. Сижу здесь, играю одну и ту же песню, потому что только на нее приходят люди, и на этом все. А у продюсерского центра штат из настоящих звезд, они устраивают конкурсы, шоу талантов, телевидение – не интернетное, а настоящее, тридцать шесть каналов. Так меня раскрутили, – подытожил он.

– Какое телевидение?

Игла встал и принялся ходить из угла в угол.

– Третье частное в стране. – Он махнул рукой. – Сначала я ждал. Думал, выдержу. Как-нибудь все утрясется. Но никто не собирался возвращать мне мои деньги. Начались разговоры о каких-то выплатах частями. Позже я уже согласился на то, что мне всего лишь вернут мои вложения, голые два лимона. Буль начал темнить. А теперь я созрел, чтобы просто уйти. Не хочу больше в этом участвовать. Пусть платят частями. Каждый месяц бабки будут капать на счет, больше мне ничего не надо. Я, вообще, без проблем мог бы вернуться на вокзал. Мне не нужна эта нора. А что он? Начал устраивать номера с этими посылками. Втирает мне, что угрозы – это моя работа. А если хочешь знать, то он сам все это режиссирует. И ты – тоже один из номеров этого шоу.

Саша сидела неподвижно. Молчала.

– Это правда, – подтвердила Иза. – Все, что рассказал Игла, – правда. Мы поможем в твоём профайлинге. Задавай любые вопросы.

– Мне надо поговорить с Люцией Ланге. Она здесь?

Иза и Игла переглянулись.

– Я вчера уволила ее после большого скандала, – немного подумав, сказала менеджер. – Она взяла из кассы тридцать тысяч. До этого тоже воровала. Думала, мы не знаем. Было решено, что она немедленно уйдет и мы не станем сообщать об инциденте в полицию. Это была незарегистрированная выручка.

Они ждали реакции Саши, но та ерзала в кресле, не понимая, что делать. Все пошло не так. Что-то тут нечисто. Кто-то втягивал ее в сомнительное предприятие, но она не понимала, кто и зачем. Ей необходимо было проверить свой заказ. Продолжать далее этот фарс было бессмысленно.

– Мы вернемся к этому делу после праздников. – Она встала под удивленными взглядами собеседников. – Я составлю список людей, с которыми в определенной очередности мне нужно будет побеседовать. И желательно, чтобы они не были предупреждены. Так будет проще и эффективнее всего.

– Хорошая ты баба. – Игла пожал ей руку. – Встретимся в Калифорнии.

¹⁶ Суперединица, Фридерик – ежегодные призы в области популярной музыки.

– Успехов. – Саша ответила на рукопожатие. – И береги себя. Есть такое китайское проклятие: чтобы все твои мечты сбывались.

Он слегка прищурился, в уголках губ едва угадывалась улыбка. Чертовски привлекательный, подумала она.

– Я или стану отвратительно знаменитым, или погибну, как Моррисон или Вайнхаус, а девки будут жечь свечки на моей могиле. Я есмь Игла. Лучше быстро сгореть, чем медленно тлеть.

– Ты так думаешь, пока у тебя нет детей, – возразила Залусская.

Она начала одеваться. Они стояли и ждали ее ухода. Саша наконец обвязала шею шарфом, застегнула пальто и спросила на прощание:

– Только вот не понимаю, почему нельзя просто уехать и все? Если у тебя есть такой хит, ты можешь припеваючи жить с авторских.

Игла погрузился.

– В этом-то вся проблема, – произнес он очень спокойно. – Это не моя песня. Не я ее написал.

– А кто?

Игла молчал, допил оставшийся в стакане джин.

– Кто автор текста? – повторила Саша вопрос.

– Мы не знаем, – ответила за артиста Иза. – Права условно у продюсера, то есть у Буля. Если автор найдется, он станет рокфеллером.

Саша подумала, что они наверняка врут, но у нее не нашлось сил, чтобы сейчас прижать их к стенке. Такая возможность еще будет, когда она начнет допрашивать их поодиночке. Еще раз взглянула на бутылку и зрительно оценила, что из ее содержимого получилось бы еще четыре солидные порции. Это был ее любимый алкогольный напиток, высшего качества. У нее созрел миллион вопросов, которые она хотела задать Игле, но ей нельзя было оставаться здесь ни минутой дольше. Она ужасно злилась на саму себя.

– Я найду дорогу, – объявила Саша. – Удачного корпоратива.

На столе стояла корзина, полная разноцветных яиц. Лаура Залусская, одетая в выходное платье, вынимала творожную пасху из холодильника, когда услышала стук в дверь. Она поставила блюдо на стол и побежала открывать.

– Бабушка! – Девочка в розовой дубленочке и шапке с кошачьими ушами бросилась ей на шею. Они закружились, как на карусели, и со смехом упали на пол. – Какие красивые! – Малышка дотронулась до бриллиантовых сережек бабушки, Лаура сняла их и подарила внучке.

– Мама, это уже перебор! – воскликнула Саша и тут же заткнула уши, потому что Каролина издала очень громкий радостный писк, а бабушка с охотой ее поддержала.

Все три женщины были крайне удивлены, когда за их спинами вырос почти двухметровый мужчина в боксерской куртке. Кароль Залусский, брат Саши, выглядел устрашающе, но глаза его смеялись.

– Что тут происходит? – с наигранной угрозой пробасил он.

– Дядя! – воскликнула Каролина по-английски и бросилась в его объятия. – Что ты мне принес? Что? Что?

Кароль вынул из-под куртки коробку с игрушкой. Девочка схватила подарок и прильнула к родственнику.

– Каролина, говори по-польски, – напомнила ей Саша, после чего холодно поздоровалась с братом и Лаурой.

– Прекрасно выглядишь, Александра, – похвалила ее мать.

Саша посмотрела на нее с подозрением. Она знала, что Лаура говорит так, чтобы слегка разрядить обстановку. Дочь почувствовала, что это не конец фразы, она ждала неизменного

но. И, несмотря на то что на этот раз Лаура довольно долго сдерживалась, через какое-то время прозвучало:

– Только ты какая-то бледная. Можно было немного подкраситься. Ведь ты красавица, но совсем не умеешь этого подчеркнуть.

Саша пробормотала что-то в ответ, но, к счастью, ее слова заглушил вопль Каролины:

– Это Зинзи! – Дочь раскрыла коробку с игрушкой и крутила пируэты вокруг Кароля. Через мгновение она уже сидела на его плечах.

Саша пошла за ними в гостиную. Она решила больше молчать, никого не провоцировать и сохранять спокойствие, несмотря ни на что. Ей не нужны конфликты. Если она позволит вовлечь себя в дискуссию, мать очень быстро выведет ее из равновесия. Лаура Залусская много лет проработала главным гримером на Гданьском телевидении. Потом, когда начались сокращения, а гримерам пришлось оформлять индивидуальное предпринимательство и работать по контракту, она стала оказывать услуги также глянцевым журналам и рекламным агентствам. Даже сейчас, хотя официально она была на пенсии, работы у нее по-прежнему хватало. Проблем с деньгами в доме не было никогда.

Лаура выросла в Голэмбе, деревне под Пулавами, но всю жизнь утверждала, что происходит из семьи обанкротившихся дворян. Она не была уверена, кровь какого из родов в ней течет: Любомирских или Голэмбевских. Все посмеивались над этим. Никто не воспринимал всерьез ее слов до тех пор, пока пару лет назад, после продолжительных судебных разбирательств, она не унаследовала родовое гнездо неподалеку от Пулав. Лаура тут же продала его и купила двухуровневую квартиру в гданьском Новце. Этот район риелторы рекламируют как элитный жилой комплекс «Морены». Саша не могла ей этого простить. Она предпочла бы старую виллу на Оливе, один из прекрасных старых домов в районе улицы Полянки или хотя бы квартиру в одном из столетних домов на Собутки. Мать, однако, уперлась. Аргументировала свой выбор тем, что слишком стара для того, чтобы еще и интерьеры ей об этом напоминали. Ее комплекс относительно происхождения, видимо, объяснялся тем, что покойный муж и отец Саши на самом деле был из «тех самых» Залусских; Лаура не брезговала тем, чтобы подчеркнуть это в звездном обществе, где любила вращаться.

– В твоих венах течет голубая кровь, – объявляла она, делая так называемую лебединую шею, чтобы противостоять образованию морщин в области декольте. – А ты ржешь, как конь, вместо того чтобы смеяться, как будто рассыпаешь жемчуг. Так, как должна это делать дама.

Саша никогда не понимала комплексов матери. Ей было все равно, из какой семьи она родом. Ее не интересовало генеалогическое древо, которое мать заказала сразу же, как только на ее счет поступила сумма с шестью нулями. К сожалению, ни Любомирских, ни Голэмбевских там не было. Саша стыдилась хвастовства Лауры и до тридцати лет носила мотоциклетные ботинки, цыганские юбки и джинсовую куртку с надписью по-английски «Панк не умер». Перед самыми выпускными экзаменами в школе она побрилась наголо в знак протеста. У Лауры от ее вида поднялось давление, к тому же ей стоило немалых трудов уговорить учителей допустить ее непутевую дочь к экзаменам. Старшая Залусская всегда одевалась как на бал. Она была идеальной женой консула, а потом бизнесмена, старше ее на двадцать лет. Обоих мужей она пережила и, несмотря на то что уже давно сама себя содержала, даже в возрасте осенней хризантемы держала фасон. Ей не было свойственно ни малейшей доли самокритики, но ради семьи и детей она легла бы на рельсы. Львица-тигрица, называла она себя. Всегда тщательно одетая и причесанная, Лаура не выглядела на свои семьдесят три. Она, смеясь, называла это профессиональной деформацией. Конечно же не бывает некрасивых женщин. Есть просто неухоженные. Никогда, даже в булочную, она не выходила без макияжа. Каждую свою фотографию обследовала под лупой (хотя зрение у нее до сих пор было отличное) и не позволяла показывать те снимки, на которых не очень хорошо получилась.

Саша была ее противоположностью. Не красилась, не наряжалась. Она даже шутки ради никогда не надела бы такое платье, какое было на Лауре сейчас, – блестящее, ярко-фиолетовое, украшенное кантами с серебряной нитью. Саша выбирала только невыразительные, серо-бурые оттенки. На каждый день – исключительно джинсы, простая футболка или рубашка в клетку. Если она решалась на платье, то цвет был беж, хаки или черный. А к нему, как всегда, стоптанные байкерские ботинки. Мать стонала, что платье на дочери сидит как мешок, но это было не так. Саша была стройной и знала об этом. Впрочем, в сочетании с ее натуральными огненно-рыжими кудрями любой яркий цвет выглядел слишком крикливо.

Только один раз в жизни ей захотелось быть заметной. К своей несостоявшейся свадьбе она заказала из парижского бутика шелковое платье цвета зеленой травы. К сожалению, ей так и не пришлось надеть его по случаю свадьбы. Оно пригодилось позже, на крестины дочери. Потом платье оказалось на eBay, потому что жаль стало его выбросить, и было продано за символические десять долларов. Саша без малейших угрызений совести расправлялась с ненужными вещами. Она предпочитала свободный вязаный свитер или мужскую рубашку обтягивающему жакету. Выбирая одежду, руководствовалась исключительно ее практичностью, хотя качество известных брендов тоже ценила. Но снобкой она стала уже после рождения Каролины, хотя избегала заметных лейблов и надписей на фирменной одежде. Она покупала ее не затем, чтобы это афишировать. Сегодня тоже, несмотря на то что мероприятие было торжественным, Саша надела жухло-зеленое платье от Карен Миллен, которое удостоилось лишь пренебрежительного взгляда Лауры. Она села подальше от матери. Кароль расположился во главе стола. Оказалось, что под курткой у него были рубашка и галстук. Саша удивилась: до сих пор он всегда одевался в спортивном стиле.

– Ты похудел килограммов на двадцать, – заметила Саша. – Новая девушка?

– Девятнадцать, – уточнил он.

– Это килограммы или возраст невесты?

– Через несколько дней ей исполнится девятнадцать, – покраснел брат. – Зовут Ольга.

– А что со стюардессой? – Саша вздохнула и рассмеялась. – Студентки стали слишком стары для тебя?

Кароль махнул рукой, капитулируя.

– Она сама не знает, чего хочет.

– А ты? – Саша внимательно посмотрела на брата.

Кароль злобно стиснул зубы.

– Слава богу, что ты знаешь.

Они оба замолчали. Лаура вышла в кухню. Внучка побежала за ней, как котенок. Бабушка подавала ей приборы и тарелки поменьше, чтобы девочка сервировала стол. Саша посчитала приборы, их было только четыре. Похоже, они не будут разговляться в большой компании, чего она побаивалась.

– Тетки и кузины не придут?

Лаура не ответила, она разрежала яйца вдоль на восемь частей.

– И очень хорошо, – заметил Кароль, устраиваясь поудобнее. – Они такие нудные.

Он достал из кармана новый телефон и принялся что-то в нем искать. Через секунду прозвучал сигнал входящего сообщения.

– Из-за меня? – Саша не меняла темы, чувствуя, как накатывает волна бешенства, которую она не в состоянии сдержать. И взорвалась: – Это я им мешаю?

– Ну, доченька, – попыталась успокоить ее Лаура, – не будем ссориться.

– Я не ссорюсь, – отрезала Саша. – Я вообще ни с кем не ссорилась.

Кароль убрал телефон и притворился, будто не слышал обмена фразами между матерью и сестрой. Он положил себе в тарелку селедки, а рядом внушительную порцию паштета и, не дожидаясь остальных участников застолья, стал есть.

– Дядя, сначала яйцо, – поучительно напомнила Каролина.

Он взглянул на малышку и положил вилку.

– Ты права, Каро. Пусть они себе говорят, а мы с тобой поделимся яйцами. Молодец! А потом устроим соревнования, кто больше съест.

– Я очень голодная!

Девочка быстро проглотила свой кусочек яйца и чмокнула дядю в щеку.

– Царапаешься! – сказала она, смеясь. Потом подошла к маме и бабушке, угостила их кусочками яйца. Обеим по-польски пожелала здоровья и заверила, что любит.

– Какая сладкая, – умилилась бабушка. – Наша маленькая англичанка Залусская.

Саша смотрела на дочь и брата с грустью. Она знала, что это из-за нее остальные родственники не появились в доме Лауры, хотя на пасхальный завтрак каждый год все приходили именно сюда. Только у Лауры было достаточно места, чтобы поместилась вся семья. Мать даже предлагала, чтобы Саша не снимала квартиру, а жила у нее. Дочь отказалась без колебаний. Иногда она любила вернуться домой ненадолго, но знала, что не выдержит с матерью даже недели. Она думала, как быть, ведь для себя она решила, что встретится с семьей.

Хотела посмотреть всем в глаза с гордо поднятой головой. Их молчаливое пренебрежение выводило ее из равновесия. Не было никаких сомнений в том, что Саша была для них персоной нон грата. Мать каждый год по электронной почте присылала ей фотографии, свидетельствующие о том, как чудесно прошел семейный праздник. В этом году фотографий не будет. Лаура наверняка страдала от этого, но, как бывшая жена дипломата, успешно избегала опасных тем. Саша взглянула на брата. Он молча ел. Если и заговаривал, то только с племянницей. Видимо, у него тоже были претензии к сестре по поводу того, что она рассорила семью. Ей стало обидно, она с трудом сдерживала слезы.

– Когда ты идешь на собеседование? – начала безопасную тему Лаура.

– В среду после праздников.

– Это, кажется, португальский банк? Я видела рекламу по телевизору. Как замечательно, что они сразу хотят принять тебя на работу. Знаешь, какой сейчас кризис в Польше? Постоянно слышу, что молодые люди с высшим образованием не могут найти работу.

– С моим резюме я найду работу везде, – фыркнула Саша.

– Смири гордыню, – возмутился Кароль. Всем было известно, что брат Саши не проработал ни в одной организации более нескольких месяцев. Несмотря на то что ему уже исполнилось тридцать три года, он постоянно «одаживал» деньги у матери. На какие средства он жил, как справлялся, для Саши было тайной. Долгов Лауре он никогда не отдавал.

Еда не лезла в горло. Саша совсем не так представляла себе праздники. Намного приятнее и теплее им с Каролиной было в Шеффилде, хотя они были там одни. По крайней мере, никто не унижал ее. Она действительно не хотела расстраивать мать, хотя терпеть не могла завесу элегантности, которой Лаура отгораживалась в трудные моменты. Саша предпочла бы услышать горькую правду, чем притворяться. Все было совсем не так. Она знала, что Лаура больше стесняется изоляции от семьи, чем пагубного пристрастия дочери.

Семья отца прокляла Сашу, когда ее уволили из полиции за алкоголизм. Это было ровно семь лет тому назад. Никто не предложил ей помощь, все только осуждали. Ее врагом номер один была тетка Адрианна, сестра Сашиного отца, главврач Гданьской городской больницы. Она могла помочь племяннице с местом в специализированном диспансере, но предпочла отправить ее к своей подруге в Хаддерсфилд. В клане Залусских с пониманием относились к беспомощным сорокалетним мальчикам, к старым девам, которые никак не могли перерезать пуповину и с каждой мелочью бегали к мамочке, к подросткам-наркоманам и даже к лесбиянке, связавшейся с бывшей монахиней. Но алкоголичка, которая громко попросила помощи, была хуже всех, вместе взятых.

Адрианна не призналась, что они родственницы, когда Саша впервые проходила программу очищения детокс в Гданьске. Тетка навестила ее ночью, под видом дежурного врача, причем только затем, чтобы объявить ей, что она опозорила фамилию Залусских, и потребовать, чтобы никогда больше не приближалась ни к ней, ни к ее детям. Саша тогда тоже в долгу не осталась. Синдром резкой абстиненции сделал свое дело, ее переполняло бешенство. Она обозвала тетку лицемеркой, хотя сегодня сожалела об этом, как и о многих других своих поступках. В состоянии опьянения она частенько совершала экстремальные поступки. Адрианна до сих пор не простила племяннице публичного унижения. Она же настроила всю семью против Саши, и в течение всех этих лет все общались только с Лаурой и Каролем. Сашу абсолютно игнорировали. Им было на руку, что она осталась в Англии на лечении, а потом закончила университет и начала докторат. Никто никогда не сказал ей в лицо все, что о ней думает, но игнорирование было намного больнее. Ты не можешь защищаться. Не существуешь. Только раз, когда Каролина была у Лауры на каникулах, малышке сказали, что дедушке было бы стыдно за маму и, к счастью, он не дожил до ее падения. Саша глубоко переживала. Каждый алкоголик знает, что делает больно близким, и страдает от чувства вины. Поэтому некоторые вместо того, чтобы прекратить пить, начинают пить еще сильнее. Но, после стольких лет трезвости, Саша решила закопать топор войны. Она изменилась, все изменилось. Но видимо, только для нее.

– Вы останетесь в Польше насовсем? – Лаура пыталась сменить тему.

Каролина посмотрела на Сашу с надеждой. Та уже много раз обещала, что они где-нибудь бросят якорь, хотя сама лучше всего чувствовала себя, непрерывно перемещаясь. Как дочь дипломата, она постоянно меняла школы. Каролина была другой, мечтала о стабильности. Саша искренне надеялась, что они где-нибудь найдут свой дом. Когда-нибудь, но, видимо, еще не сейчас.

– Посмотрим, – ответила уклончиво. – Во сколько вы ходите на мессу?

Мать и брат удивленно посмотрели друг на друга. Лаура взглянула на часы.

– Она уже заканчивается. Пока мы доедем до Матемблева, все будут уже расходиться. Разве что можно устроить прогулку к статуе Мадонны, носящей во чреве.

– Когда-то в храме Святого Георгия было много месс, – перебила ее Саша. – Еще только начало десятого.

Лаура отложила вилку. Дотронулась до губ накрахмаленной салфеткой.

– Ты правда хочешь пойти? Там будут все! – вставил Кароль.

– Я не собираюсь прятать голову в песок. Пусть увидят меня. Будь жив отец, они не посмели бы меня игнорировать. Костел открыт для всех. Я-то справлюсь. Интересно, как они это выдержат. Они же такие глубоко верующие, – рассмеялась она с издевкой. – Не бойтесь, я вас не опозорю. Не пью уже семь лет и не собираюсь начинать.

Лаура благодарно улыбнулась. Она была рада, что они пойдут на мессу. Кароль, пользуясь моментом, взял салатницу и стал прямо из нее есть маринованные грибы. Один из них он наколот на вилку и протянул Каролине.

– В этой вашей Англии есть такие?

Девочка скривилась.

– Я поговорю с Адрианной. – Лаура сняла с колен салфетку, потом встала и пошла к двери за пальто. Саша была удивлена. Она не ожидала от матери такой эйфории. Кажется, та надеялась на праздничную семейную фотосессию-2013. – Может быть, мы вместе поужинаем? Кузины не могут дождаться, когда увидят нашу маленькую англичанку, – добавила уже одетая Лаура.

Саша поймала себя на мысли, что у нее хорошие гены. Она не против иметь такую фигуру, когда будет в возрасте матери. Каролина выплюнула маринованный гриб на тарелку.

– Что это? – спросила она по-английски.

Саша не могла сдержаться, рассмеялась и сразу же почувствовала облегчение. Гнев моментально улетучился.

* * *

– Люди бывают плохие и хорошие, смелые и трусливые, благородные и достойные презрения, – вещал с амвона ксендз Старонь. Его проповедь в гарнизонном костеле Святого Георгия в Сопоте передавали в прямом эфире все католические теле- и радиоканалы. Верующие снимали ее с помощью телефонов и планшетов, и видеоролики тут же попадали в Сеть. Далее они распространялись при помощи так называемых цепочек веры, главным образом в социальных сетях.

Ксендз Старонь не был обычным клириком. Он регулярно посещал тюрьмы, проводил исследования в области эффективности ресоциализации. Стал одним из первых польских экзорцистов. Несколько лет провел с миссией в Колумбии, где возвращал к вере контрабандистов и убийц. Он чуть не умер от редкого типа желтухи, потому что отдал одному из заключенных литр своей крови. Санэпидстанции в этих районах не было и не будет.

По возвращении он повел себя независимо, и очень многие отдали бы полцарства, чтобы узнать, почему он мог себе это позволить.

Началось все невинно – с интернетного миссионерства. Он упорно убеждал руководство Католической церкви не пренебрегать Всемирной сетью и тем более не осуждать ее, называя орудием Сатаны, а, наоборот, умело применять для пользы церкви.

– Нам не нужны религиозные войны, нам нужны искреннее общение и лояльное отношение к человеческим слабостям, – провозглашал Старонь. – Нынешняя молодежь, новое поколение верующих собирается в Интернете. Именно туда нужно идти с миссией.

У него были свои профили на «мордокниге», «Одноклассниках» и главных сайтах знакомств. Это были, по его мнению, идеальные пропагандистские инструменты для укрепления веры. Ксендз старался чаще размещать посты, которые заставляли бы людей задуматься. Реакция была очень живой. Святой отец Старонь верил в то, что все люди добры. И даже те, кто где-то свернул на кривую дорожку, в глубине души очень хотят все изменить и жить согласно десяти заповедям.

– Времена сейчас тяжелые, – старался он убедить своих скептически настроенных коллег. – Давайте не будем цепляться за закоснелые принципы, которые сегодня, увы, не работают. Мы не в состоянии остановить технический прогресс.

Это утопия. Нам придется измениться, выйти навстречу молодежи, потому что мы существуем для них, а не наоборот. Иначе они отвернутся от церкви и через несколько лет костелы будут зиять пустотой. И это будет наша вина. Наш грех.

Он громко критиковал в СМИ тех церковных иерархов, которые требовали отмены сексуального воспитания в школе, а Интернет называли логовом дьявола. Недавно он сделал очередной шаг вперед. Не только публично осудил своих коллег, обвиняемых в педофилии или финансовых махинациях, но также остро раскритиковал реакцию епископата, который старался в делах такого рода отмолчаться или даже замять скандал. Остро осуждал церковников, живущих во грехе как с женщинами, так и с мужчинами. Он дал интервью крупнейшей влиятельной газете, обнародовав правду о плотской жизни семинаристов.

– По моим оценкам, около семидесяти процентов этих молодых людей находятся там не по призванию. Они выбирают этот путь, чтобы познакомиться с чувствительным, умным и одухотворенным юношей, который разделял бы их потерянность в жестоком реальном мире. Большинство из них приезжают из маленьких городков и деревень, где с самого детства воспитывались как будущие священники. Под куполом, в идеалистическом мыльном пузыре, который лопается, как только они оказываются за высоким забором. Многие приходят туда уже

сформировавшимися и знают, что оказались в раю, ибо предпочитают мальчиков. Бывают и такие, кто не задумывался ранее о своей сексуальности, и в семинарии впервые испытывает тягу плоти. И одни, и другие здесь переживают первые настоящие отношения. К сожалению, даже те, кто пришел с самыми чистыми и честными намерениями, сталкиваются с людьми, выбравшими профессию по расчету. Эти, в свою очередь, не соблюдают не только обет безбрачия, но и моногамию. Их целью является поиск приключений. Уверяю, что Содом и Гоморра – это детский лепет по сравнению с оргиями, в которых участвуют будущие священники. Потом ситуация начинает напоминать раскручивающуюся спираль. Становится только хуже и страшнее, – утверждал Старонь.

Он откровенно рассказывал, когда и при каких обстоятельствах ему предлагали более высокий сан в обмен на сексуальный контакт. Иногда даже называл имена и фамилии. Очень скоро число судебных исков, поданных против него в гражданский суд, не удалось бы сосчитать на пальцах одной руки. Адвокаты сами предлагали свои услуги, чтобы защищать его в суде, рассчитывая на хорошую рекламу. Каждое судебное заседание проходило при участии прессы. СМИ полюбили ксендза Староня за парадоксальность мышления, смелость и скромность. Он упорно отказывался от предлагаемых ему более высоких санов и был сторонником нищенствующей церкви. В целом он был идеальным кандидатом в медиазвезды и очень быстро ею стал.

– Мне не нужны ни пурпур, ни обращение «архиепископ». Это архикурацкая блажь, – повторял он. – Я стал священником, ибо жаждал быть ближе к Богу. Церковь должна была мне в этом помогать, а не мешать. Если я стану частью этой машины, то потеряю независимость. У меня не будет права говорить то, что я думаю. Нужно будет только зачитывать то, что мне напишут.

Несмотря на то что его месячный доход не превышал тысячи злотых, большую его часть он так или иначе раздавал бедным. Организовывал благотворительные сборы средств, лично ходил с ящиком для пожертвований по домам, если цель была убедительной. Также он очень быстро стал любимцем отверженных: заключенные, проститутки, проблемная молодежь тянулись к нему, как к благодетельному отцу. Многих из них он вытаскивал из зависимостей, «освобождал от Сатаны», как потом писали впечатленные пользователи на его блоге. Он же повторял:

– Это не я, а ваши молитвы творят чудеса. Разговор с Господом дает вам все, что нужно: он оберегает, исцеляет, утоляет все печали, дарует счастье.

Каждый мог обратиться к нему за советом или помощью – лично, по телефону или через Интернет. Он говорил, что исповедальни в наше время должны быть повсеместны. Иногда он успешно проводил сеансы экзорцизма. Различные организации боролись за него между собой. Его участие в мероприятии гарантировало успех и огласку. Его приглашали на семинары, конференции по вопросам веры, а также дискуссии на философские темы. Настоящую славу ему принесли, однако, не инакомыслие или отказ от должности гданьского ординария в пользу функции приходского священника в маленькой часовенке на Стогах, а его проповеди.

Он не делал предварительных заметок. Импровизировал, действовал стихийно. Все его проповеди были остроумны, противоречивы и трогательны, его выступления собирали тысячи верующих. Быстро нашлись фанаты, которые скрупулезно записывали проповеди, и первая сотня была уже издана тиражом в несколько тысяч экземпляров, а доход от продажи был передан на детские дома и организации, помогающие жертвам насилия. Люди на самом деле верили ему, потому что он много говорил о себе, собственных грехах и пути к вере. О наркотической зависимости, о неудачной попытке самоубийства, когда он пытался броситься под автобус и несколько месяцев находился в коме, о чудесном обращении и даже искушениях, которым он поддавался в семинарии. Некоторые религиозные фанатики уже сейчас считали его святым. И именно такое прозвище досталось ему от журналистов.

– Святыми были апостолы или Богоматерь. Я же – точно такой грешник, как каждый из вас, а может, даже и больше, – сокрушался он. Люди, однако, были уверены в том, что правы. Если бы «Святой Мартин» выступил на главном стадионе страны, все билеты были бы проданы. Но правда была такова, что церковь терпела его только из-за его популярности.

Тер-пе-ла. Это было точное определение, и ксендз часто им пользовался. Старонь знал, что, если бы не общественное мнение, он давно бы уже миссионерствовал, например, в Азербайджане. Он также отдавал себе отчет, что за ним постоянно наблюдают и в случае минимального нарушения он будет незамедлительно выслан как можно дальше. Но он не хотел ничего менять. «Что Бог мне даст, приму покорно», – решил он семнадцать лет назад, когда был рукоположен. Его не интересовали слава и власть, которую эта слава давала. Помощь людям приносила ему искреннюю радость. Старонь считал, что если он поможет хотя бы одному неизвестному человеку, то можно считать, что спасает весь мир. Он часто вспоминал рассказ о медузах, выброшенных на берег. Невозможно спасти их всех, но, даже если получится помочь хотя бы нескольким, для них самих это имеет огромное значение.

Саша с семьей добралась на мессу, когда ксендз уже заканчивал проповедь. Храм был переполнен народом.

– И самое странное здесь то, что обычно все эти черты можно обнаружить в одном и том же человеке, и именно благодаря этому он целостен, – подытожил ксендз Старонь. – Целостность его одновременно сильна и слаба, достойна уважения и заслуживает сочувствия. Таков уж человек. Великий и маленький.

Люди встали, началась молитва Символ веры. Саша закрыла глаза. Она чувствовала покой. Недавняя тяга к алкоголю стала туманным воспоминанием. Блаженство и расслабленность разливались по телу. Ей уже не хотелось ничего доказывать тетке, брататься с кузенами. Зачем? Почему она так сильно зависела от их мнения? Что и кому хотела доказать? Ответ был ей известен. Это была злость, ее бикфордов шнур. У каждого есть что-то подобное. Греки называли это ахиллесовой пятой. Можно быть сильным, как тур, но какая-нибудь мелочь легко свалит тебя с ног, если ты не контролируешь свою маленькую слабость. Идеальных людей не бывает. Саша была рада, что выдержала последние двадцать четыре часа, и именно так она выдержит еще множество последующих. Это было на первом месте. Она побеждала зависимость каждый день. Многолетнее воздержание ничего не меняло. Нужно постоянно быть начеку. Избегать голода, гнева, усталости и одиночества. Она с улыбкой посмотрела на тетку, которая столь подло с ней поступила, а сейчас так истово молилась. Потом обвела взглядом лица кузенов, которые наверняка не опоздали на мессу так сильно, как она. Плевать на них. Она чувствовала себя счастливой.

– Возблагодарим Господа Бога нашего, – донеслось со стороны алтаря.

– Правильно это и справедливо, – присоединилась она к молитве.

После мессы Лаура живо беседовала с родственниками, а тетки восторгались Каро, которая доверчиво и радостно позволяла им обцеловывать себя. Саша подошла к киоску с предметами культа. Она купила дешевый алюминиевый крестик и пристегнула его к серебряному верблюду, с которым никогда не расставалась. Это был символ смирения, напоминающий, что алкоголичкой она будет всегда. Ксендз Старонь стоял в боковом нефе, окруженный группой женщин. Одна из них, с виду ровесница Саши, заметно выделялась из толпы. Несмотря на полумрак, на ней были солнцезащитные очки и шелковый платок, завязанный в стиле пятидесятых годов. Саша подумала, что она, скорее всего, не полька. Но вскоре до нее долетели вырванные из контекста слова. Женщина говорила по-польски четко, без акцента.

– Не контролирую. Именно поэтому я здесь. Мне хотелось бы поскорей с этим справиться.

Наверное, эта женщина говорила о каких-то своих трудностях. Казалось, что она благодарит священника. Руки ее были сложены в молитвенном жесте, а через секунду она расплакалась. Ксендз обнял женщину, погладил ее по голове. Он шепнул ей что-то на ухо, а потом громко рассмеялся. Женщина тоже улыбнулась, вытерла слезы. Шутка взбодрила ее.

Саша с интересом наблюдала эту сцену. Должно быть, телепатически она заставила ксендза выделить ее из толпы. Он мельком взглянул на нее, но по ее спине почему-то пробежала дрожь. Она смутилась и подумала, что он действительно хороший человек и, несмотря на улыбку, бесконечно грустный. Может быть, поэтому, когда женщины разошлись, а ксендз по-прежнему стоял на своем месте и не мог решить, в какую сторону ему направиться, Саше захотелось поговорить с ним. Путь ей преградил молодой викарий.

– Святой отец, машина ждет, – сказал он, наклонив голову. И добавил с укором: – Все ждут.

Ксендз посмотрел на Залусскую, но она не решалась подойти ближе.

– Можете ехать, – обратился он к викарию.

Викарий смотрел с непониманием. У него начала дрожать нижняя губа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.